

Николай Арсеньев
ЕДИНЫЙ ПОТОК ЖИЗНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перечитывая эти очерки, написанные в разное время (большой частью в 60-х годах, некоторые в 1969-1970 г. г. и два — об англиканстве - в 30-х годах), вижу ясно их недочеты, но вижу вместе с тем, что все они выросли из одной основной идеи, или вернее, из одной, господствующей предпосылки. Их объединяет одно стремление - изобразить, как "прорыв Божий" в мир воспринят был многообразно и вместе с тем по существу глубоко тождественно верующими христианами различных времен и народов: как поворотный пункт в истории мира. Этот "прорыв" не доказывают, о нем свидетельствуют. Кто им захвачен хоть в некоторой степени, не может не стремиться свидетельствовать о нем. Эта захваченность одним общим содержанием, одним основоположным фактом, одним и тем же Присутствием, и это свидетельство о "Слове, ставшем плотью и вселившемся среди нас" и есть основное единство христиан, данное уже теперь. "Я в них, и Ты во Мне, да будут совершены во едино и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня" (Ин 17. 23).

В наши дни силы Добра и Зла действуют в мире с неослабным и, может быть, нарастающим напряжением. И несомненно также большое нарастание религиозных исканий (осознанных или не вполне осознанных) и религиозной динамики, как и все большее сосредоточение энергии христианского чувства на "линии максимум" - на центральном, основном, решающем Предмете веры или вернее решающем Источнике веры: на великой тайне откровения Божественной любви в лице и подвиге пришедшего в мир Единородного Сына Любви Отчей (Кол 1. 13). Об этом свидетельствуем, напр., мощный прорыв христианской веры, неожиданно — можно сказать — охвативший широкие круги студенческой молодежи в С. Ш. А. за самые последние годы.

Откровение Любви Божией в лице Иисуса Христа все с большой силой встает перед нами - ищущими и верующими - как ответ Божий на вопрос о судьбе мира. Таков этот ответ в глазах христианской веры. Охваченные этой верой или, вернее, покоренные этим превосходящим откровением Любви Божией во Христе Иисусе, мы все более опять сближаемся друг с другом — в это время все более заостренных разделений и контрастов. "Любовь Христова объемлет нас" — в этом мы можем увидеть одну из решающих сокрытых сил (а может быть, вместе с апостолом, и самую решающую силу) в глубинах истории. И, может быть, гонение Церкви Божией в Советской России и Второй Ватиканский Собор и новый расцвет духом апостольских и свято-отеческих времен охваченною богословия на Западе - не все ли это знаки, признаки нарастающей силы Единства, нарастающего призыва Божия к Единству? Признаки, может быть, часто грозные и тяжелые: все большего призвания к участию нашему в Кресте Христовом, но и к участию в Его Победе. Но это означает также и все большее пробуждение в нас нашего, часто еще сокровенного, но уже данного нам единства - в Нем.¹

Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут, все едино (Ин 17. 21). "Любовь Христова объемлет нас" (2 Кор 5. 14).

Глава первая

О единении христиан

1

Мы, верующие христиане, стоим перед совершенно невероятным, поражающим фактом, перед трудно вообразимой ("недомыслимой", если употребить славянское выражение церковных песнопений), превосходящей Реальностью — *безмерного снисхождения* Бога, открывшегося нам в "Сыне Любви Своей" (Кол 1. 13). Высшая ценность человеческой жизни — любовь, оказывается таким образом отблеском Вечной Реальности, ибо Бог есть Любовь. И это раскрылось - самым "недомыслимым", невероятным образом - в безмерном снисхождении Сына Божия, отдавшего за нас душу, т. е. жизнь Свою. В этом безмерном, фактическом, историческом *прорыве Любви Божией в мир*, в подвиге, жертве и победе Сына Божия - весь смысл и все содержание христианской проповеди - более того, в этом — основоположный, центральный и решающий факт истории мира. Непонятно, невозможно, и тем не менее покоряет души, не как прекрасная мечта, а как реальное присутствие Бога Любви в мире, вхождение Его в мир во плоти в лице Иисуса Христа. Прорыв Любви Божией в мир — больше ничего сказать нельзя, как только изумляться и трепетно и с любовью склоняться перед этой Тайной и радоваться ей и питаться из нее. Ученики ощутили это божественное Присутствие уже во время земной жизни Его с ними. "Господи, выйди от меня, ибо я - человек грешный!" восклицает Петр. "Я недостойн, чтобы Ты вошел под кров дома моего", посылает сказать Ему сотник. А после безмерной, смущающей катастрофы Его смерти на кресте, пошатнувшей было веру учеников, — неожиданный и невероятный, потрясший их до основания факт воскресения Его, явления им Воскресшего. И новая действительность, новый смысл всего — и добровольного страдания Его и победа Божия — раскрывается в этом факте воскресения. Крест — не испытание только, уже Крест есть победа: бездна между нами и Богом заполнена бесконечным снисхождением Его даже до глубины смерти. Но победа охватывает и внешний, физический наш мир, она есть вместе с тем и победа над смертью, залог и начаток и нашей грядущей победы.

Христианское благовестие говорит о центральном, исключительном, неповторимом - да и не нужно повторять, ибо он имеет решающее значение — факте жизни человечества и жизни мира, центральном и для каждого из нас. Прорыв — победный — себя отдающей, жертвенной Любви Божией в мир, действительно имевший место *во плоти*, в реальной человеческой и мировой истории. Ибо "Слово стало плотью, и мы видели славу Его".

Это настолько невероятно, настолько неприемлемо в глазах мира, это безумие, "юрродство" (μωρία) благовестия о Христе распятом ("для иудеев соблазн, для эллинов безумие"), но и юродство проповеди воскресения, что, уверовав в это, становишься в особое к миру положение: открывается нам тогда во Христе "тайна Божия", тайна спасения мира. И мы захвачены этой тайной, этой реальностью. И это - невероятное, но и странное - раскрывшееся нам и творящее в нас новую жизнь — жизнь во Христе силою Духа, и делает нас христианами. Ведь это и есть самое важное, центральное, и перед решающим значением, перед исключительностью этого *все отступает на второй план*. И объединенные вот этим откровением любви Божией — неповторимым и исключительным — в крестном подвиге и победе над смертью Иисуса Христа и радостной верой в Него — являются соучастниками в новой жизни, открывающейся в

нас силою Его Духа. Это — основа нашего единства с другими христианами, единства, уже данного нам (хотя бы и неполного), уже охватившего нас.

Это единство веры и опыта, это единство свидетельства об историческом факте, об историческом Лице, которое вместе с тем является и Божественным Присутствием, настойчиво и многократно, со всюю силою подчеркивается в апостольском благовестии.

2

Есть ряд кратких высказываний, сконцентрированных выражений и формул, провозглашающих всю суть веры. Таково, напр., провозглашение: "Иисус есть Господь!", особенно центральная и решающая формула первохристианства (ср. "и каждый язык будет исповедовать, что Господь есть Иисус Христос - ὅτι Κύριος Ἰησοῦς Χριστός — во славу Бога Отца" — Флп 2. 11). У того же Павла читаем в Послании к Римлянам: "Если ты устами своими будешь исповедовать, что Иисус есть Господь (Κύριον Ἰησοῦν) и уверуешь всем сердцем твоим, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься" (10. 9). Ибо в этом воскресении Его открылась Его божественность, Его значение как Господа. Поэтому вся проповедь христианская с самого начала есть проповедь о воскресении Его и о том, что Он есть Господь и Спаситель, более того — Начальник Жизни (Ἀρχηγός τῆς ζωῆς - Деян 3. 15), т. е. Тот, от кого жизнь происходит, источник и основа жизни. Как и Иоанн позднее пишет в своем Евангелии: "В Нем была Жизнь, и Жизнь была Свет человеков" (1. 4).

Все благовестие может быть выражено этими иоанновскими словами: "И Слово стало плотью и обитало с нами, и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца"... Слово пришло, сошло из высших надмирных глубин Жизни и *стало плотью*. Без этого, без этой исторической личности, без этого действительно проявившегося безмерного *смирения* Слова Божия, вошедшего в нашу жизнь и освятившего ее, нет христианского благовестия. Поэтому критерием истинности является, согласно 1 Посл. Иоанна, утверждение двух, неразрывно связанных между собою истин: Он *пришел свыше*, Он не здешний; это — Вечная Жизнь, пришедшая в мир, и вместе с тем: пришел *во плоти*, не в мечтаниях, не в видениях, а действительно, плотью: "Всякий дух, исповедующий Иисуса, *во плоти пришедшего*, От Бога есть" (4. 2). Ибо Тот, кого мы слышали и видели и рассматривали нашими очами, и кого руки наши осязали, был — *Слово Жизни*, был Вечная Жизнь, "которая была у Бога и явилась нам" (1 Ин 1. 1-2). Поэтому и Павел в последнем, вероятно, послании, написанном им, краткими словами напоминает основу, содержание всего благовестия: "Помни Иисуса Христа, воскресшего из мертвых, из семени Давидова, согласно благовестию моему" (2 Тим 2. 8).

Вот это безмерное откровение славы Его, присутствия Его — здесь, между нами, во плоти — и стремятся первые христиане созерцать духовным взором и закрепить этот факт, это созерцание в коротких словах, которые являются сконденцированным центральным выражением всей благой вести. Ибо во Христе *все дано*, "все богатства премудрости и знания" божественного (Кол 2. 3); "благоугодно было Богу, чтобы в Нем обитала вся Полнота Божества телесно" (τό πλήρωμα τῆς θεότητος σωματικῶς — Кол 2. 9). В *Сыне* раскрылась нам Любовь Отца. Поэтому Павел решил "ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1 Кор 2. 2). Но если Христос не воскрес, то проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... Но Христос воскрес"... (1 Кор 15). В Нем все обетования Божий "да" и "аминь". В Нем совершилось примирение

Бога с человеком. Он - глава Церкви. Павел решил всем пренебречь, все отвергнуть, чтобы приобрести Христа. Он есть *жизнь* наша.

И все снова и снова, под разными углами зрения, проповедуется это центральное сокровище, эта цель устремления ("Я... стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус" - Флп 3. 12), - это новая жизнь, это высшее богатство, которое есть Христос. Вся проповедь раннего христианства, как и христианства вообще (того, что осталось верно заветам апостольским), всегда и повсюду *христоцентрична*, есть благовестие о Христе Иисусе, о Любви Отца, раскрывшейся нам в Сыне Его, в *Сыне Любви Его*" - ὁ Υἱός τῆς ἀγάπης αὐτό - (Кол 1. 13).

Эта *захваченность единой новой жизнью* — открывшейся во Христе является сущностью христианства. Не проповедь только, не провозглашение только Господом Иисуса, но *жизнь в Нем*, новая жизнь в Нем и из Него, участие — глубинное, сокровенное — в кресте Его и новой жизни Его. И как идеал всем христианам предносится и предносилось то, что Павел изображает руководящим вдохновением и — более того — уже начавшейся реальностью своей новой жизни: "Я сораспялся Христу, живу уже теперь не я, но живет во мне Христос" (Гал 2. 20).

3

Не только *одна* проповедь, *одно* созерцание, *одно* свидетельство характерны и решающи для первохристианства и вообще для христианства: о безмерном *прорыве* и снисхождении Божиим, снисхождении любви Божией в историю мира и человечества в лице Иисуса Христа, не только созерцание этого и проповедь об этом, но и *жизненная захваченность* этим, новая жизнь, начавшаяся в нас, — *Его* жизнь в нас — Его крест и воскресение — в трезвении и трепете, жизнь Духа в нас, Его Духа, данного нам Отцом.

Это есть некая новая действительность, не рассказ только, а именно *захваченность*, Жизнь Духа Божия в нас, начавшееся (хотя бы и в крайне еще несовершенной и недостаточной степени) преображение нашей жизни.

Вот это и есть христианство. "Христос в нас, упование славы". И мы призваны к этому апостольской проповедью все народы и отдельные люди, уверовавшие во Христа — на Востоке и Западе, Севере и Юге.

В этом - база христианского единства: раскрытие Любви Божией в Сыне, прорыв безграничной Любви Божией в мир и свидетельство и благовестие об этом, и новая жизнь Духа Божия, открывшаяся в нас. Не проповедь только, а новая реальность жизни и — больше, чем это, и выше, чем это: *реальность действительного акта безмерного снисхождения Божия к нам в Сыне Своем*.

База единства не субъективна: она дана вне нас, это - факт *Божий*, но оно "действует в нас с силой".

4

Рассмотрим, как из этой единой базы, из этого единого источника текли и текут струи животворной силы и донине в различных частях христианского мира, несмотря на великое недостойство многих и многих, м. б., даже большинства христиан. Но силы эти есть и они текут в мире и восставляют падшее, и вдохновляют неожиданно

там, где, м. б., мы бы и не подозревали их присутствия. И доныне есть в христианах и добровольное участие в Кресте Его и начавшееся участие в Жизни Его. Ибо в этом, через это, эта реальность входит в нашу жизнь: участие в Кресте Его и в обновленной Жизни Его. Или — другими словами - то, что ап. Павел называет "залогом Духа", "начатками Духа" ("и дал залог Духа" - ἀρραβώνα τοῦ πνεύματος - в сердца наши" — 2 Кор 1. 22).

Вот эти дары: благодать Сына, любовь Отца и причастие Святого Духа (см. 2 Кор 13. 13), которые и составляют *основу нашего обще-христианского единства* (несмотря на всю нашу видимую, и, к сожалению, иногда весьма реальную разъединенность), там, где эти дары еще воспринимаются и осознаются, и где они оплодотворяют жизнь.

Не надо забывать: мы спасаемся верою, но мы объединены не только верою нашей, но уже *реальностью Божией* — снисхождением любви Его — реальностью, которая и выше нашей веры и раньше нашей веры. Но эта реальность Божия пробуждает веру и воспринимается нами через веру, и покоряет души.

5

В наше мучительное и тяжелое время, время полное страхов и угроз и недавно лишь пережитой ужасной Второй Войны, время атомной бомбы и гонения на веру в России и других коммунистических странах и угашения духа и все большей материализации жизни и в не-коммунистических странах — в это время реальность *прорыва Божия в мир*, совершившегося во Христе Иисусе (и в *этом*, именно в этом, вся суть и основа христианства) встает со все большей силой перед духовным взором.

Веры теперь с одной стороны как будто гораздо меньше, но, с другой и гораздо больше, в том смысле, что она радикальнее, что она более ярко и глубоко переживает всю ту же неизменную евангельскую весть о спасении мира через происшедшее вхождение в мир Сына Божия. Самое важное, самое основное, самое неприемлемое для мирского разума встает со всей силой и получает отклик в сердцах верующих. Вот отчего в наши времена чувство единения христиан в Едином Владыке и Господе и в любви Единого Отца и в водительстве Единого Духа (как говорит Павел в посл. к Ефесянам — 4. 4-6), становится особенно очевидным, особенно явственным. Это почувствовалось с большой силой уже в конце Второй Великой Войны - в актах служения любви, в неожиданном пробуждении веры в самых различных людях и группах людей, бывших далекими от веры (одновременно с потерей веры другими). Но в общем чувствовался после окончания Второй Войны сильный подъем в мире духовной динамики². Но она не получила соответствующего выражения в руководящих кругах свободного (т. е. Западного) мира, пока не выступил на мировую сцену на 5 лет человек — папа Иоанн XXIII, который в себе самом воплотил этот динамизм эпохи - стремление к единству христиан, и еще больше сознание долга для верующих - всех верующих, всех христианских церквей-проповедовать смятенному и потерявшему смысл жизни и равновесие, и уstraшенному миру *благую весть* о совершившемся уже спасении мира в откровении любви Божией во Христе Иисусе. В этой вере в Него мы в основе уже едины, через это свидетельство страждущему и неверующему миру *мы становимся более едиными*. Этот новый и старый вместе с тем путь к единению в Нем состоит в том, чтобы самим вращать в благовестие о Христе и в новую жизнь в Нем и нести их миру. Характерны эти слова Иоанна XXIII, сказанные им 10 сентября 1959 года в частной аудиенции одному православному русскому посетителю. Приблизительно смысл их такой: мир современный отошел от Бога, часто враждебен Богу и, вместе с тем, глубоко несчастен. Нужно проповедовать откровение

Божие во Христе этому потерявшему Бога миру, проповедовать не столько словами, сколько *служением любви*. "И вот, если мы, католики, будем это делать и вы, православные, будете это делать, и верующие протестанты будут так делать, то мы объединимся". Это, конечно, только приблизительная передача его слов. Но эти мысли Иоанн XXIII высказывал не раз, и очень интересно, что это сознание, что Церковь существует для того, чтобы благовествовать Христа всему миру, что в этом — ее первое призвание, легло в основу деятельности Второго Ватиканского собора, было его основным вдохновением и ярко выступает в основном документе, им выработанном.

Очень характерно, что самый, может быть, с богословской точки зрения важный документ, опубликованный Вторым Ватиканским собором, посвященный сущности, значению и структуре Церкви ("*Constitutio de Ecclesia*"), начинается вступлением не специального учено-богословского, а самого широкого и центрального миссионерско-апостольского характера, повторяя вдохновенные слова первоапостольской проповеди миру. "Христос есть свет миру". — "Поэтому этот священный Собор, собранный вместе в Духе Божиим, пламенно желает ("*vehementer exhortat*") всех людей просветить Светом Христовым, проповедуя Евангелие всей твари". Все вступление этого экклезиологического (т. е. посвященного учению о Церкви) документа, как и все вдохновение его, прежде всего *христоцентрично* и говорит в первую очередь не столько о канонических нормах, сколько о *новой действительности* во Христе и о действии Духа Божия в Церкви. "В Нем - во Христе — Отец предизбрал нас еще до создания мира и предназначил нас к усыновлению, ибо Ему было благоугодно все обновить во Христе... (ср. Еф 1. 4-5, 10). Своим послушанием Христос осуществил наше искупление. "Христос пришел на землю "проповедовать нищим, исцелять сокрушенных сердцем (Лк 4. 18), взыскать и спасти погибших". И Церковь должна со всей любовью снисходить ко всем страждущим и испытываемым, "в бедных и страждущих видит она образ Того, Кто основал ее и Сам был бедным и страждущим, и стремится в них послужить Христу". Христос был без греха, но пришел искупить наши грехи, "Церковь же в собственном теле своем содержит грешников — она одновременно святая и постоянно, вместе с тем, нуждается в очищении, она постоянно идет по пути покаяния и духовного обновления". Христос есть единственный Посредник, Он - Глава тела Церкви. "На Нем, как на основании, воздвигнута Церковь апостолами и пророками, от Него она получает крепость и слитность" (*firmitatet et cohaesionem*). От своего Владыки и Главы должна Церковь учиться смиренному служению, она должна смиренно шествовать по Его стопам". Хотя Церковь и нуждается в человеческих средствах, чтобы выполнить свое посланничество, но она поставлена не для того, чтобы домогаться земной славы, но чтобы провозглашать, и притом на собственном примере, смирение и жертвенность (*humilitatem et abnegationem*)" Церковь — в этом мире, но она не вполне от мира сего: "Церковь, между гонений со стороны мира и утешений Божиих, шестует своим странническим путем и провозглашает смерть и крест Господни, доколе Он придет (ср. 1 Кор 11. 26)... Но силою Воскресшего Господа (*virtute autem Domini resuscitati*) укрепляется она"... Она живет присутствием Духа Божия, дающего ей силу внутреннего роста и очищения и освящения, но в смирении и трепете... Сходное христологическое и миссионерски-апостольское вдохновение находим мы во вступлении к другому важному документу Собора, рассматривавшемуся уже на 4-ой (последней) сессии: "Церковь и современный мир". Это благовестие апостольское вдохновило и обращение Собора к другим религиям - нехристианским, но признающим Единого Бога. Это же стремление проповедовать благовестие, не смущаясь разговора с совершенно иначе настроенными людьми, совсем не верующими, а иногда и враждебно и озлобленно отвергающими христианскую

проповедь, побудило Собор призывать верующих к диалогу и с атеистами, чтобы показать им сокровища веры в Бога и свидетельствовать им об Истине Божией. Церковь призвана толкаться во все двери, обращаться к дворцам и хижинам, министерствам и фабрикам, везде стучаться, ко всем обращаться, всем приносить благую весть, чтобы "приобрести хотя бы только некоторых", говоря словами апостола Павла. Зов "идите в мир, служить спасению мира" и "проповедуйте Евангелие всей твари" пронесется в разных частях мира, посреди индифферентизма, неверия, часто явной вражды. В Советской России происходит нечто и значительно меньшее и бесконечно большее чем то, что происходит у других христиан; меньшее, ибо нет размаха проповеди, ибо Церковь подавлена (но не задушена вполне!), в отчаянных обстоятельствах ("но не отчаивается!" - ср. 2 Кор 4. 8), и голос ее звучит негромко и она стеснена со всех сторон и лишена свободы. Но гораздо больше совершается через нее (несмотря на малодушие ряда видных ее представителей): она *свидетельствует* своей жизнью, своей молитвой, своим терпением, своим мужеством, своей верностью, среди насмешек и поруганий, стеснений и притеснений и гонений. Это - больше, чем проповедь, это - (пусть часто молчаливое) *свидетельство*. Оно говорит о захваченности, покоренности человека тем, что истинно существует и что является смыслом жизни и смерти, пробуждает чувство *единства* тех, кто покорен той же самой силой, тем же самым Господом. И молчаливое свидетельство Русской гонимой Церкви это - великое движение в сторону единства христианского мира — как бы ни был он, этот вклад, затемнен дипломатическим языком истинных и ложных представителей Русской Церкви, приезжающих оттуда, - этот вклад ее в дело единства чрезвычайно велик и *реален*. И существуют также видные деятели протестантской и англиканской церквей и многие простые верующие, в которых тоже живет этот *дух захваченности* благовестием о прорыве Божиим в мир и которые тянутся к единству Тела Христова — Церкви — под Единым Главою — Христом.

6

Что говорит, и особенно в нынешнее время, Православная Восточная Церковь Западнему христианскому миру? Почему к ней тянутся невольно сердца многих верующих христиан, протестантов и католиков, остающихся протестантами и католиками, но находящихся в духовных сокровищах православия что-то глубоко близкое и дорогое, но выраженное здесь с особой яркостью и силой?

Православная Восточная Церковь исполнена духа *иоанновского созерцания*, того духа, который пронизывает всю раннюю апостольскую проповедь (как правильно сказал известный протестантский богослов и исследователь Нового Завета, Карл Людвиг Шмидт, что над всей, даже самой ранней первоапостольской проповедью как бы реют эти слова IV-го Евангелия: "И Слово... *плоть* бысть"). Иоанновское созерцание непрестанно устремлено на тайну и величие снисхождения Божия, оно не может оторваться взором от Славы, явившейся во плоти ("и мы видели Славу Его, Славу как Единородного от Отца"). "О том, что было от начала, что мы слышали, что мы видели своими глазами, что мы рассматривали и что руки наши осязали — о Слове Жизни!" Ибо то, что мы видели, рассматривали, осязали и было "Слово Жизни", т. е. и частью нашего видимого, осязаемого, осязаемого мира, частью человеческой нашей среды, человеческой истории и... прорывом в мир Вечной Жизни. "Ибо Жизнь явилась", так продолжает Иоанн свои поразительные слова в своем I послании, "и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам сию Вечную Жизнь, которая была у Отца и теперь явилась нам".

Вот этим: "мы видели и свидетельствуем" — о действительном явлении Слова во плоти — и живет Церковь с самого начала. И с особой, может быть, силой живет это созерцание Славы Его, Воплотившегося, в литургическом благочестии Православной Церкви. Церковь не может отвести взора от этих двух сторон, двух "полюсов", данных одновременно: Божественного и Человеческого. Это является постоянным предметом ее созерцания, но с особенной напряженностью это выступает в песнопениях Страстной недели. Так, в Великий Пяток утром поется:

Одеяйся светом яко ризою, наг на суде стояше и в ланиту ударение приял от рук их же созда: беззаконнии же люди на кресте пригвоздиша Господа Славы: тогда завеса церковная раздрася, солнце померче, не терпя зрети Бога досаждаема, Егоже трепещут всяческая. Тому поклонимся.

Днесь висит на древе, иже на водах землю Повесивый: венцем от терния облагается, иже ангелов Царь: в ложную багряницу облачается, Одеваяй небо облаки: заушение приял, иже во Иордане Свободивый Адама: гвоздьми пригвоздися Жених Церковный; копием прободеса Сын Девы. Покланяемся страстям Твоим, Христе...

Распинаему Тебе, Христе, вся тварь видящи трепеташе, основания земли колебахуся, страхом державы Твоея, светила скрывахуся, и церковная раздрася завеса, горы вострепеташа, и камене разседеся, и разбойник верный зовет с нами, Спасе: еже, помяни во Царствии Твоем.

Но если глубина снисхождения, прорыв безмерно изливающейся Божественной Любви проявляется в добровольном страдании и смерти Сына Божия, то высшее откровение победной силы Божией имеем в Воскресении. Христианство, как мы знаем, выросло из проповеди Воскресения — без Воскресения нет ни апостольской проповеди, ни христианства. Вот этот дух апостольского первохристианского благовестия о Воскресении пронизывает, проникает все благовестие, всю духовную жизнь, все мирозерцание православия. Победа Божия! И лучами этой победы озарена и жизнь и смерть и грядущие судьбы человека и всего мира. Воскресение Христа означает уже совершившуюся во Христе — победу над смертью. *Космический* оттенок проповеди о Воскресении и созерцание радости и силы Воскресения характерен для православия. Эта радость уже раскрывшегося, уже начавшегося в Воскресении Христа *обновления всей твари* — ожидаемого, но мистически во Христе уже данного — живет и дышит в песнопениях Пасхальной ночи.

Ныне вся исполнишася светом, небо же и земля и преисподняя: да празднует убо вся тварь востание Христово, в Немже утверждается...

Мироносицы жены... друга ко друзей вопияху: О другини, приходите, вонями помажем Тело живоносное и погребенное, плоть Воскресившаго падшаго Адама, лежащую во гробе... Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение иною жития вечнаю начало...

И в течение всего годового круга в воскресных песнопениях изображается новое состояние, новое достоинство твари, ожидаемое и вместе с тем отчасти уже данное, мистически уже данное - не только как надежда, но и как новая действительность, вошедшая в мир в воплощении, добровольном уничтожении и воскресении Христовом. Вот несколько цитат из этих песнопений:

Христос воскрес как Бог во славе и совоскресил с собой мир. Он совоздвиг мир силою Своею. Даруя миру жизнь, Он просветил весь мир. Он просветил мир сиянием пришествия Своего и осветил Своим крестом мира концы. Он объединил земное с небесным.

О чуде! Како смерти вкуси всех Жизнь! Но яко восхоте мир просветит

Воистину весь мир, вся тварь призывается к ликованию и прославлению Бога.

Да радуется тварь и да процветет яко крин (как лилия), ибо Христос из мертвых воста яко Бог. Где твое, смерти, жало? Где твоя, аде, победа? восклицаем мы.

*Мирские концы торжествуют Твое из мертвых возстанте...*³

Здесь эсхатологически-радостное устремление вперед сочетается в неразрывном единстве с сознанием, что Вечная Жизнь *уже пришла* в мир и просветила мир в глубочайших ее основах (хотя еще сокровенным образом), что победа Бога над смертью и злом есть не только надежда, не только ожидание, но уже совершившаяся реальность. Этой верой, этим сознанием живут и Игнатий Богоносец и Василий Великий и Григорий Богослов и Иоанн Златоуст и Ефрем Сирийский и все древние отцы Церкви христианской⁴, а в 19-ом веке в России, напр., Серафим Саровский.

В начале 20-го века этим первохристианским сознанием *уже осуществившейся победы Христовой* пронизано, напр., все богословское мирозерцание великого протестантского христианского ученого и мыслителя, швейцарца Оскара Кульмана (Cullmann'a), или немца профессора K nneth'a, а в современном католичестве, напр., писания немецких бенедиктинцев и французского ораторианца Louis Bouyer. Возможно, что усиленное пробуждение пасхального богословия у Западных христиан находится в частичной связи с их усилившимися контактами за последние десятилетия с православным благочестием.

Ощущение *тайны* Божией, трепетное свидетельство о превосходящем величии тайны Божией, радостном и покоряющем душу, столь характерное для первохристианского благовестия (срв. напр., то, что пишет о тайне Божией ап. Павел, особенно Ефес. 1. 9; 4. 3-6, 8-9 и Кол. 2. 2, 3, или, напр., эти слова ап. Петра: "То, что вам теперь проповедано благовествовавшими Духом Святым, посланным с небес, во что ангелы желают проникнуть (взором)" – 1 Петр 1. 12), это чувство *трепета* перед величием *Тайны снисхождения* Божия, трепетного созерцания, проникает всю литургическую жизнь, все молитвенное "стояние" Православной Церкви перед лицом Божественной действительности.

Жизнь во гробе положился еси, Христе, и ангельская воинства ужасохуся, снисхождение славяще Твое.

Животе, како умиравши? како и во гробе обитавши? смерти же царство разрушавши, и от ада мертвья возставляеши?

так читает Церковь над плащаницей в ночь с Великого Пятка на Великую Субботу. Или, вот, трепет Ангела-благо-вестника перед тайной Воплощения:

... и со безплотным гласом, воплощаема Тя зря, Господи, ужасашеся (из Акафиста Божией Матери); или:

Ветия многовещанная яко рыбы безгласная видим о Тебе, Иисусе: недоумевают бо глаголами: како Бог непреложный и человек совершен пребываеши... (из Акафиста Сладчайшему Иисусу).

Церковь потрясена созерцанием благостной тайны, она не может от нее оторваться взором, и это питает ее душу.

Богатство духовное, сокровища духовные, которых так много и в Западном христианстве, не только в католицизме, но и в верующем протестантизме, как бы расцветают, раскрываются с большей силой теперь, в наше время испытаний, угроз, страха и неверия, но и усиленной веры и углубленного контакта между христианами. Католическая Церковь как бы несколько сняла с себя ту броню, в которую она себя заковала в борьбе с реформацией и в которую отчасти облекали ее все усиливавшийся юрицизм ее внешней структуры и рационалистический метод богословия, развитого схоластикой. Но как многое изменилось за последние 40-50 лет, особенно в промежутке между Первой и Второй Великой войной и еще больше после Второй войны! На голос жизни, на страдания людей, на их недоумения, сомнения, честные и искренние искания и вопросы пастыри католические и мыслители и богословы современного католичества все больше стали отвечать не формулами и подразделениями учебников, а из глубины опыта евангельского, из сокровищницы жизни Духа, жизни во Христе. Никогда, конечно, эта мощная струя жизни Духа не замирала в католичестве - в ее святых и праведниках и в самоотверженном подвиге служения ближним, в заботах о больных и сиротах, в миссионерских трудах среди азиатских и африканских народов, в молитвенном подвиге и созерцании, в совершении таинства Евхаристии.

Но были и преграды для духа, проявление юридическиформального подхода к духовному богатству жизни церковной, не способствовавшие развитию религиозного сознания. В 20-ом веке в связи с потрясениями Первой Мировой войны (а потом и Второй), с притеснениями, которым подвергалась Католическая Церковь во Франции в начале XX в. и духовным пробуждением в кругах верующих мирян, верующей (или близкой к христианской вере) писательской и интеллектуальной элиты, особенно во Франции (об этом говорят, напр., такие имена как Charles Péguy, Marc Sagier, Francis Jammes, Paul Claudel, Antoine St Exupéry или философы Emile Boutroux, Maurice Blondel, Gabriel Marcel, Etienne Gilson, Jacques Maritain, Jean Guilton, отчасти Bergson, чтобы назвать только некоторых) пробудилось также углубленное и одухотворенное церковное самосознание в кругах католических богословов и проповедников благочестия; так, уже начиная с 20-их годов, среди деятелей немецкого "Литургического движения" (Liturgische Bewegung), в высоко культурной писательской и просветительной деятельности известного о. Романо Гуардини (немца), особенно в трудах руководящих богословов Франции (доминиканцев Yves Congar и P. Dumont) и целого ряда лиц, связанных с издательством "Les Editions du Cerf" и другими высококультурными, близкими к католичеству издательствами в Париже; иезуитов Henri de Lubac, Jean Daniélou и других, но также и в немецком католичестве (иезуит Karl Rahner и ученейший немецкий швейцарец Urs von Balthazar).

Очень большая роль по внутреннему оживлению и одухотворению современного католичества выпала на долю бенедиктинского ордена и его монастырей, этих рассадников высокой духовной культуры и высокого благочестия: в Германии — аббатства Maria Laach, Beuron, Niederalteich (назову лишь несколько лиц: аббат Odo Casel, аббат Emmanuel Heufelder, P. Athanasius Wintersieg и другие); во Франции —

Solesmes, в Бельгии — Maredsous, St Andre, Mont Cesar. Во главе Maredsous стоял с 1909 по 1923 гг. аббат Dom Marmion (ирландец), один из великих наставников духовных в современном католичестве, писавший о внутренней жизни во Христе согласно ап. Павлу. Монастырь Chevetogne в бельгийских Арденнах, является одним из главных центров Западного мира по работе сближения христианских церквей и по изучению православия; руководящим в этом направлении является и его журнал "Irénikon" (назовем лишь некоторые имена: Dom Lambert Beauduin, Dom Clement Lialine, Dom Olivier Rousseau).

Сходная роль в Германии принадлежит, может быть, особенно аббатству Niederalteich, во Франции — доминиканскому монастырю, соединенному с высшей богословской школой — Saulchoir под Парижем (где преподает Yves Congar). Замечательны писания Louis Bouyer (ораторианца, бывшего протестантского пастора, большого ценителя и любителя православного благочестия), который — особенно в своей книге "Spiritualité chrétienne" — с огромной силой подлинно "иоанновского" созерцания подчеркивает превосходящее величие раскрывшейся во Христе Тайны Божией⁵.

Тайна нашего спасения, неразложимая, непередаваемая, неуловимая никакими формулами *реальность Божия* и тайна снисхождения Божия ("Любовь Божия, превосходящая всякое познание", по словам ап. Павла - Еф 3. 19) встает перед духовным взором этих наших современников, как нечто Покоряющее, Превосходящее, перед чем в трепете и умилении смолкает всякое познание человеческое, как это вставало перед взором Отцов Церкви - Афанасия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, и как оно встает перед взором Православной Церкви в ее литургическом молитвенном созерцании.

Неадекватность всех наших познавательских средств перед превосходящим величием Тайны Божией и тайны снисхождения Божия, о чем не устает говорить Православная Церковь, эта глубина и тайна снисхождения, о которой в 13 веке в изумлении св. Франциск восклицал: "O sublimitas humilis, o humilitas sublimis" — эта всепокоряющая реальность Божия и безмерность любви (о которой свидетельствуют, напр., две великие итальянские мистические созерцательницы Средних Веков и эпохи Возрождения — Екатерина Сьеннская и Екатерина Генуэзская и еще больше, может быть, английская созерцательница конца 14 века — Lady Julian of Norwich), превышающие способности нашего постижения, но раскрывающиеся нам действительно через преображение нашей жизни, через начало нашей жизни во Христе, — то, о чем учил, напр., Исаак Сирий и другие отцы Востока (и из чего в России родилась в 19 веке религиозная философия Ивана Киреевского - его учение о познании Истины) - все это теперь со все увеличивающейся силой и глубиной свидетельствуется руководящими мыслителями и богословами нынешней Католической Церкви (не всеми, конечно) в противовес схоластическому логическому рационализму, в значительной мере господствовавшему в католическом богословии донныне, (я не говорю, конечно, о жизни подвига и праведности, которых так много в западном христианстве). Тем самым католическое богословие возвращается к своим собственным истокам, к *нашим общим истокам* — к свидетельству апостолов Павла и Иоанна о превосходящем и животворящем характере познания Истины, к свидетельству и общему преданию великих Отцов Восточной Церкви. Поэтому так привлекает теперь католических богословов (Urs von Balthazar's и других) изучение Григория Нисского, Оригена, Максима Исповедника; поэтому такое большое впечатление, именно в руководящих католических кругах, произвела маленькая, но очень сконцентрированная книжка молодого еще, рано умершего, нашего богослова и

религиозного философа Владимира Николаевича Лосского "Essai sur la théologie mystique de l'Eglise orthodoxe".

Особенно громко заговорили в Католической Церкви голоса о внутреннем обновлении жизни Церкви и методов ее богословия, когда инициатива к этому пришла сверху, т. е. в период приготовления к Второму Ватиканскому собору, во время его и после него. Эти голоса отнюдь не звали к радикальной перемене и ломке (были, конечно, и такие, но они не имели большого значения), а, напротив, к духовному обновлению Церкви в духе древнейших традиций, вдохновлявших жизнь Церкви, и в особенности в смысле усиленного осознания *соборного начала*. В многочисленных работах французских богословов появляется и настойчиво повторяется слово "collégialité", соответствующее хомяковскому термину "соборность", слово, насколько мне известно - новое, до этого времени совершенно необычное в католическом рядовом богословии. Подчеркивается и участие мирян в ответственности за жизнь Церкви⁶. И особенно замечательны и значительны голоса ряда видных и даже руководящих иерархов Католической Церкви, раздавшиеся на самом Соборе⁷.

А в протестантизме, особенно немецком, с большой силой после великих потрясений Первой Мировой войны проснулось то мирозозерцание, которое можно назвать первохристианским и основоположно-христианским реализмом, которое в очень значительной степени утрачено было протестантизмом, но которое продолжало быть основоположно-решающей чертой христианского благовестия, как оно хранилось и проповедовалось как в Православной Церкви, так и в Католической. *Истина воплощения Сына Божия* — Слово действительно стало плотью и обитало с нами, "и мы видели славу Его" (Ин 1. 14) - и начавшееся через это преобразование всего тварного мира, особенно же через *победу Сына Божия* над Смертью, через Воскресение Его из мертвых⁸, в котором мы и весь мир призваны быть участниками.

В победе Его над смертью — основа и непосредственный корень христианского благовестия. Это опять со всей глубиной и силой было почувствовано, осознано рядом руководящих протестантских богословов и религиозных мыслителей и писателей XX-го века. И эта сила Воплощения и Воскресения Христова является уже теперь *началом, освящения жизни*. Кроме уже названного выше швейцарца Оскара Кульмана, мирозозерцание христианского реализма ярко представлено Wilhelm'ом Stählin'ом, а также некоторыми деятелями так называемого "Высокоцерковного движения" ("Hochkirchliche Bewegung"), возглавлявшегося некоторое время недавно скончавшимся известным ученым Friedrich'ом Heiler'ом "Бернейхенского кружка" ("Bernencher Kreis"); они особенно были активны в 20-х и 30-х годах нашего столетия; и вообще целым рядом протестантских богословов Германии. Особенно должны быть упомянуты А. Köberle, далее книга Эмиля Бруннера "Det Mittlet" ("Посредник" - 1927 г.), написанная под сильнейшим воздействием (как автор сам указывает) богословия св. Иринея Лионского и, конечно, наряду с произведением W. Stählin'a, "Религиозный смысл Воскресения", "Theologie der Auferstehung" W. Künneth'a (1933г.). Это замечательная книга, пронизанная тонами пасхального благовестия и победного христианского реализма. Из других современных нам протестантских богословов, охваченных первохристианским созерцанием тайны снисхождения Божия, назову убежденного деятеля по сближению христианских церквей — профессора Шлинка из Гейдельберга и других участников богословского журнала "Kerygma und Dogma".

Английское богословие XX века (особенно в 20-х и 30-х г.) обогатилось целым рядом богословских произведений, проникнутых созерцанием тайны Воплощения. В первую очередь назову два знаменитых сборника статей разных авторов "Essays Catholic and Critical" и "Essays on Trinity and Incarnation" и замечательную книгу L. S. Thomton'a "The Incarnated Lord", 1929 г.

Особенно значительным является в связи с этим пробуждение сознания Церкви, т. е. сознания реальности, *благодатной реальности Церкви* во многих протестантских кругах, особенно в период между Первой и Второй Мировыми войнами. Замечательна в этом отношении, например, роль выдающегося престарелого вождя французских реформатов, пылающего духом пастора Wilfred'a Monod'a на богословском съезде протестантов "Journées Protestantes" в 1930 году в Valence (во Франции).

Le Mystère de l'Eglise — "Тайна Церкви" — так начинает он свой доклад. Но мы, т. е. протестантский мир, мы потеряли понимание того, что такое - Церковь.

"Наши души, насильственно отрезанные преследованиями от своей исторической кафоличности, уподобляются иногда людям, изувеченным на войне: нас отрезали от наших самых драгоценных литургических традиций; папский клерикализм навязал нам естественную и понятную позицию реакции против Рима, но она часто застывала в бесплодных протестах..."

"Наконец, если говорить правду, протестантизм, как таковой, протестантизм во внутренней сущности своей, протестантизм спасения через веру (только) склоняется - намеренно или невольно - преуменьшать значение внешне данных даров благодати и значение Церкви.

Мы не можем не признать, что наше учение о Церкви представляет слабый пункт протестантизма во Франции; мало того: здесь у нас пробел или, вернее, пустота, зияющая прореха."

"В самом деле, - восклицает Моно с нескрываемым волнением, - наша умственная и духовная растерянность перед идеалом Церкви, как Тела Христова, меня глубоко волнует; наше невежество в этом отношении меня приводит в смущение, наше равнодушие меня потрясает. И перед Посланием к Ефесянам — оно вновь открывается нам — я чувствую, как глаза мои наполняются слезами."

Замечательна в этом же направлении, напр., и речь мистической и вместе с тем конкретной исторической реальности Церкви, произнесенная генерал-суперинтендентом Zoellner'ом на одном из собраний Экуменического Движения. "Таких примеров можно привести чрезвычайно много. Во многих протестантских кругах отвлеченно-субъективный подход к христианской проповеди сменяется трепетной захваченностью торжествующим, победным реализмом первохристианского благовестия. С другой стороны, в богословских построениях Бультманна и ряда его последователей мы имеем еще более заостренную субъективизацию и — если можно так выразиться — эмоционализацию христианской проповеди с ярко выраженным пренебрежением к основоположному ее элементу - *свидетельству* о Слове Жизни, раскрывшемся во плоти, о *прорыве* Божиим в мир и в историю человечества. "Мы видели... и мы свидетельствуем" - на этом построено христианство, в этом - сущность его, и это с новой силой оживает в нас (несмотря на все стремления к "улетучению" благой вести), каждый раз, что христианский мир с горячим томлением обращает свои взоры к тому, что произошло однажды *реально* в

истории, в истории человечества и мира — к воплощению Слова. И в этом обращении духовным взором к истинно бывшему воплощению Слова есть основа, есть исходная точка — и знамя! — постепенно все большего объединения христиан в одно Тело под Единым Главой — Христом.

Невероятное, невозможное совершилось! Прорыв Божий в мир совершился, и мы стоим в созерцании его, покоренные и объединенные единой открывшейся нам Любовью.

Глава вторая

Свидетельство о Превозмогающем Присутствии в евангельских повествованиях

Это - основная ось всего содержания этой книги. "Мы видели и свидетельствуем", "мы видели славу Его" — вот основа и содержание всей проповеди христианской. Прорыв Божий в мир! и освящение жизни и начаток освящения твари через это. Это уже теперь - источник объединения "верующих во имя Его", ибо они захвачены и покорены *одной* силой, участвуют в *одной* жизни — Его жизни.

Если под словами "мистический опыт" понимать ощущение непосредственное покоряющей близости, или вернее, превозмогающего присутствия Божественного, то эти слова в полной мере можно и следует отнести к содержанию опыта первых провозвестников христианства. "Мы видели славу Его" — эти слова 4-го Евангелия относятся к опыту всех апостолов и к содержанию не только 4-го, но всех четырех Евангелий. Слава эта сокрыта в унижении и смирении Сына Человеческого. Но вместе с тем она сияет через них и раскрывается восприимчивым сердцам. Есть целый ряд "классических" мест в Евангелиях, повествующих о таких встречах. В них явна их мистическая окраска, т. е. ощущение Превозмогающего Присутствия.

Петр после чудесного лова рыбы, потрясенный, "припал к коленам Иисуса" со словами: "Господи, выйди от меня, ибо я человек грешный": "Ибо ужас напал на него и на всех бывших с ним" (Лк 5. 8-9). Известны слова благочестивого сотника: "Господи, я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой..." Мытарь Закхей, радостно встречает Его на пороге своего дома и отдает пол-имения своего бедным (Лк 19. 2-9); грешная жена, потрясенная до глубины, начала обливать слезами и покрывать поцелуями ноги Его и отирать их своими волосами прежде чем она, наконец, исполнила то, для чего она пришла — помазать ноги Его благовонным миром: так внезапно охватила ее покоряющая сила Его присутствия. Слепорожденный, исцеленный Им, исповедует свою веру в Него: "Верую, Господи!" и поклонился Ему (Ин 9. 37). Ученики, шедшие в Эммаус и узнавшие Его только позднее в "преломлении хлеба" ("но Он стал невидим для них"), вспоминают, как "горело" их сердце, когда Он изъяснял им Писание по дороге. С надеждой, с уверенностью идут к Нему. "Если хочешь, можешь меня очистить!" восклицает прокаженный. "Сыне Давидов, помилуй нас!" зывают слепцы. Мария сидит у ног Его и слушает слова Его. Ученики бросают все и идут за Ним.

Это, конечно - вспышки "интуиции", прозрения - в превозмогающее величие Его присутствия. И это присутствие прежде всего раскрывается в благодности и милосердии Его. Недаром Матфей, пытаясь изобразить характер Его воздействия, Его проповеди, Его присутствия, прибегает к этим словам Исаяи о кротком Избраннике Божиим: "Се Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому

благоволит душа Моя... Не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его. Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит..." (Мф 12. 18-20; срв. Ис 42. 1-3). Еще сильнее и непосредственнее это выражено в собственных Его словах, сохраненных нам в том же Евангелии от Матфея: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня..." (11. 28-30).

Все снова и снова говорится в евангельских повествованиях о том, как теснились вокруг Него люди, как молили Его о помощи. Но мы знаем, что народ жаждал земного Мессию, облеченного земным могуществом; и покинули Его даже ученики, испугались и бежали. Петр трижды отрекся. Остались у Креста только Мать Его и группа преданных женщин и любимый ученик. Крестная смерть явилась катастрофой, тяжелой душевной катастрофой для учеников и близких Ему людей. Ученики не только бежали, но были в состоянии глубокого морального кризиса — они потеряли веру. Они сидят вечером с закрытыми дверями "страха ради иудейского"; они не верят сначала женщинам, которые говорят, что видели Его воскресшим. Христианская проповедь о победе не могла родиться в душах этих потрясенных, запуганных, потерявших свою веру людей. И вдруг, неожиданный перелом, психологический разрыв - они идут и проповедуют, что Он воскрес из мертвых, что это есть осуществление и венец величайшего плана Божия, и готовы умереть за эту проповедь. Это психологически необъяснимо, если не случилось что-то неожиданное, невероятное как раз в этот промежуток времени между глубиной их разочарования и их же победной, покоряющей сердца, торжествующей, мужественной проповедью — Его воскресение.

Воскресение и Сошествие Духа создает новых людей, но эти новые люди выросли из своего духовного прошлого, и это их духовное прошлое *связано с Ним!* — с теми семенами, которые Он бросил в сердца, с теми мистическими интуициями и "мистическими встречами" с Божественным и Превозмогающим Присутствием, которые они пережили в бытность свою с Ним, в общении своем с Ним. Произошло то, о чем Он говорил им в прощальной, основоположной Своей беседе с ними, согласно Евангелию от Иоанна: прошедшее ожило в их сердце, но еще ярче, еще внятнее и убедительнее, чем это было тогда. Случилось то, о чем Он сказал им: "Утешитель, Дух Истины, Которого Отец пошлет вам во имя Мое, Он вас научит и напомнит вам все, что Я говорил вам". И еще: "Он будет свидетельствовать обо Мне, ибо вы от начала со Мною" (14. 26; 15. 26-27). Вот - корень евангельской проповеди, мистический опыт встречи с превозмогающим Божественным Присутствием, данной им в Учителе и Господе и обновленной и углубленной в их сердцах силою Духа. Вот — истоки христианства и всего благовестия, и новой жизни, открывшейся им, и записей евангельских, и всей веры христианской, и всего мирозерцания и всей динамики и силы христианства... Мистическая встреча с Ним, явившимся во плоти. Величие в унижении и в победе. Но величие *сокровенное*, однако достаточно сильное, чтобы перестроить жизнь. Величие той закваски - небольшой, не бросающейся в глаза, — от которой подымается все тесто; величие зерна горчичного, которое, выросши, бывает выше всех злаков, становится деревом, и птицы небесные гнездятся в нем.

Этот опыт — то, что они слышали, видели, рассматривали своими глазами, и что руки их трогали - *предрешает все христианство*. Ибо это было "Слово Жизни": не посланец с неба, не великий носитель пророческого слова и служения, а сама "Вечная Жизнь", которая вошла в мир, которая "была у Отца и теперь явилась нам". В этом — благовестие. И жизнь в этом, и из этого проистекает: "Ему должно расти, мне же

умалиться" и "не я живу, но живет во мне Христос". Из встречи с Ним — жизнь с Ним и в Нем с участием в послушании Его, в муках Его, в Кресте Его и в подвиге Его Себя - отдающей любви. Глубины и высоты *иной* жизни, тут среди нас, уже теперь раскрываются в Нем, в явлении Его в мире, в глубине снисхождения Его.

Этот опыт, эта встреча становятся все углубляющейся и растущей *мистической жизнью* в Нем, захваченностью Им, покорностью Ему, как мы видим это на примере апостола Павла: "Я стремлюсь, не достигну ли я, как я сам уже захвачен (покорен) Христом Иисусом" (Флп 3. 12). "Любовь Христова понуждает нас" (2 Кор 5. 14) и "Живу уже не я, но живет во мне Христос" (Гал 6. 12-20).

* * *

Характерно и многозначительно, что мистические встречи души с Господом в христианстве, как прошлых веков, так и нашего времени, переживались и переживаются на фоне новозаветных событий. Христианская мистика не абстрактна, не вне-исторична: она связана с Живым Лицом, с Тем, Который в глазах ап. Павла (и не одного Павла) был здесь на земле среди нас Носителем Полноты Божества во плоти ("в Нем вся Полнота Божества обитала телесно" - Колос. 2. 9). "И Слово стало плотью" (Ин 1. 14). Поэтому христианское религиозное чувство во все времена ощущало "*мистическую насыщенность*" евангельских повествований, видело в них нередко, как ободряющие и умилительные примеры, так сказать, прообразы и своей встречи с милосердным Господом.

Сотник, молящий об исцелении отрока своего, в трепете восклицает: "Я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой. Но скажи только слово, и исцелится отрок мой". Это: "Я недостойн, чтобы Ты вошел ко мне" живет в христианской мистике при встрече души с Богом, особенно в евхаристических молитвах. Так и в молитвах св. Иоанна Златоуста перед причастием говорится: "Господи Боже мой! Вем яко несмы достоин ниже доволен, да под кров внидеши храма души моей, зане весь пуст и палая есть" (молитва 2-ая) и еще: "Несмы доволен, Владыко Господи, да внидеши под кров души моея, но понеже хочещи Ты жити во мне, дерзая приступаю" (молитва 9-ая). Так и в Западной (Католической) мессе священник молится перед причастием Св. Даров: "Domine, non sum dignus ut intres sub tectum meum: sed tantum dic verbum et sanabitur anima mea".⁹ А радостный трепет Закхея перед Господом, входящим в дом его, — Момент, когда совершился перелом во всей его духовной жизни, — вдохновил русского поэта-мистика Федора Глинку (1786-1880) к изображению души, готовящейся подойти к Чаше Господней. И здесь Он присутствует, как там присутствовал — но там видимо и телесно, ибо Он истинно пришел в мир грешных спасти.

"Завтра, Гость И Перед Ним Закхей падет.	завтра бледнея	в таинственный	дом и	Закхей придет, немея,
---	-----------------------	-------------------	--------------	-----------------------------

Смутен Молвит "Недостойн, Посещенья Твоего.	в	мытарь, сретенье	беспокоен. Его: недостойн
--	---	---------------------	---------------------------------

Гость	чудесный,	Гость	Небесный,
Ты	так	и	лучист,
А	сердечный	мой	тесный
И неприбран и нечист."			
Был	ответ:	"Не	угощенья,
Не	здоровых	Я	ищу.
Завтра	к	Чаше	исцеленья
Я болящих допущу.			
Завтра		собственную	Кровью
Благодатию			Отца,
Духом	мира	и	любовью
Сам вселюсь Я к ним в сердца.			
И	душа,	хотя	б
В	знойном	воздухе	истлела
Моего		коснувшись	грехов,
Возвратится к жизни вновь."			
Так,	надеждой	в	душу
Кто-то		сердцу	вея,
"Завтра,	завтра	Гость	говорит:
И тебя ведь посетит."			
"О	приди	же,	Гость
С	Чашей	жизненной	священный,
Ждет		грехами	Твоей!
Новый ждет Тебя Закхей."			

И женщина-грешница, припадающая к Его ногам (см. молитву перед причастием св. Василия Великого) и Мария Магдалина у гроба, сначала не узнавшая Христа и потом узнавшая Его по Его словам, обращенным к ней, когда Он назвал ее по имени, и отвечающая: "Раввуни — Учитель!...¹⁰ становятся прообразами для души. И встреча Его с двумя учениками, шедшими в Эммаус, когда Он "открылся им в преломлении хлеба", - сцена, вдохновившая с особой силой Рембрандта... Вся новозаветная серия его картин, находящаяся в Мюнхене, полна трепетного ощущения Высшего Присутствия.

Чувством удовлетворенной духовной жажды - через Его пришествие — дышат и слова старца Симеона: "Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром", которые христианская Церковь и на Востоке и на Западе поет или читает во время вечернего богослужения при окончании дня. Так встречей с Ним да закончится наш день и наша жизнь, как тогда жизнь старца Симеона. Просветление всей жизни и смерти в этом - конечный смысл и мистической и литургической жизни Церкви: ибо закваска раз навсегда вошла в мир для просветления мира (Евр 40. 10).

Глава третья

Свидетельство Евангелия от Иоанна и прорыв в мир Вечной Жизни

Соединение Вечного и Превосходящего с Личным, Живым и Историческим в лице любимого Учителя, Которого "мы видели и рассматривали нашими глазами" и Которого "руки наши осязали" (1 Ин 1. 1), т. е.: Божественное здесь с нами, среди нас, во плоти, "и мы видели славу Его" — вот содержание Евангелия от Иоанна. Вошел в мир и "стал плотию" Тот, Который есть "Слово Жизни", и через Которого мир произошел. Развертываются бесконечные горизонты перед нами. Меняются все оценки, все ценности наши, ибо коснулось их реальное присутствие Божественного - Слова Божия, Которое стало плотию. "Тем, кто приняли Его, Он дал власть быть чадами Божиими, верующим во имя Его, которые... от Бога родились" (Ин 1. 15).

В первом чуде - в Кане Галилейской вода становится вином (гл. 2). Уже древние Отцы и толкователи видели в этом чуде указание на то, что "земное" может стать "небесным", низшее может быть возведено на более высокую ступень, стать носителем Божественного.¹¹ "Кто верует в Меня, у того... из чрева потекут реки воды живой" (7. 37). Что-то иное, Высшее, вошло в нашу земную жизнь, в нашу историю, но во всей живой конкретной реальности исторического бытия. Плоть стала живым обиталищем Божественного Слова, "скиниену" Его личного, конкретно осязаемого Присутствия (καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν—"и вселился в ны" — Ин 1. 14; "и что руки наши осязали" — καὶ χεῖρες ἡμῶν ἐψηλάφησαν — 1 Ин 1. 1). Он — Владыка мира, вошедший в мир и освятивший мир. Поэтому хлеб и вино могут стать Его истинными Плотию и Кровью, носителями не только Его страданий ("Хлеб, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я дам за жизнь мира" - Ин 6. 51), но и Его вечной жизни: "Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь, имеет жизнь вечную" - 6. 54. Ибо самое страдание Его есть уже прорыв в мир Его Божественной Славы: "Ныне прославился Сын Человеческий и Бог прославился в Нем" (13. 31). Эти слова Он произносит в решающий момент — когда все теперь, после ухода Иуды с вечери, уже пущено в ход для предания Его на смерть, когда начинается уже крестный подвиг. Ибо Иуда ведь для того и вышел, чтобы сообщить последние сведения о Нем — куда Он собирается пойти, и чтобы через какие-нибудь 2-3 часа быть проводником тех, которые должны были силою схватить Его.

Поэтому, когда Иуда вышел ("а была ночь"), Иисус провозглашает торжественно Своим ученикам: "Ныне прославился Сын Человеческий..."

Земное преобразуется в Нем: смерть (мучительная, страшная смерть) становится торжеством и победой. А в Нем и через Него и наши жизнь и смерть преобразуются, так как в Нем дан прорыв в мир Вечной Жизни. Это — вторая тема: наше приобщение к Его Вечной Жизни. Тона Воскресения доминируют поэтому в 4-ом Евангелии (как и вообще во всей первоапостольской проповеди — см. проповедь учеников в первых главах "Деяний Апостольских").

Отблеск Вечности, или вернее, творящей, созидающей и преобразующей Вечной Жизни, которая есть Он Сам ("и свидетельствуем и провозглашаем вам сию Вечную Жизнь, Которая была у Отца и теперь явилась — ἐφανερώθη нам" — 1 Ин 1. 2), отблеск этот лежит на всем Евангелии от Иоанна, как, впрочем, и на всей проповеди апостольской. В этом смысле благочестивый (хотя и довольно радикальный) немецкий экзегет и богослов, Карл Людвиг Шмидт, был прав, когда писал, что дух Евангелия от Иоанна носится над всей проповедью раннего христианства¹². Какое-то новое мироощущение вошло в мир — об этом свидетельствует 4-ое Евангелие — мироощущение *уже совершившейся и всепроросветляющей Победы*. Это есть загадка,

ничем другим не объяснимая, как тем, что первые провозвестники действительно прикоснулись к Вечной Жизни.

2

Его страдания и смерть также получают через это особое превосходящее значение. И это — прорыв: не только "Славы" - прорыв бездонной, безмерной, изначальной Любви.

Парадоксальная, покоряющая, преодолевающая безмерность откровения - не "Пустоты" (как в некоторых буддийских учениях), а Вечной Жизни даже в самой смерти на кресте — вот основоположная черта христианской проповеди. Созерцание Несказанного, Неисследимого, Невообразимого, Невозможного, и вместе с тем - умирительного в своей потрясающей Истинности и *Правде*. Комментарием к этому единственному центральному факту — откровению Любви в смерти, в отдании Себя и в победе — является 1-ое Послание Иоанна. Все почти его содержание есть созерцание центрального факта, или, вернее, не "комментарием" является это Послание, а именно созерцанием, непрерывным, сплошным созерцанием той "Вечной Жизни, которая была у Отца и явилась нам". И это созерцание есть вместе с тем и *свидетельство*. Ибо они - посланы провозглашать и проповедовать, как мы видим из Деяний Апостольских (4. 19, 20; 5. 29). Вот такое центральное, основоположное свидетельство, как бы концентрирующее все благовестив, имеем, напр., в этих словах Послания: "И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру" (4. 14). Они соответствуют в полной мере этим основоположным словам 4-го Евангелия (в беседе Иисуса с Никодимом): "Так *возлюбил Бог мир*, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную" (3. 16). Вокруг этого - вращается все; это - центр всего благовестия, как нам пересказал его Иоанн, но Иоанну дано было раскрыть перед нами основоположный смысл всего происшедшего, погрузить взоры свои в самые глубины... решающего фактора в истории мира, т. е. Божественной любви. И опять, в новых и новых словесных выражениях (как это бывает и в литургическом созерцании) эта основная, открывшаяся Иоанну истина раскрывается нам на страницах его Послания. "Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев (1 Ин 3. 16), и еще: "Любовь Божия к нам открылась в том, что Он послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но что Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши" (4. 9, 10).

Самораскрытие этой бездны божественной любви — невероятное и непостижимое - смысл всего откровения и благовестил. Но любовь эта прежде всего *раскрывается именно в страдании*, в бесконечном страдании, больше даже чем в славе (но поэтому страдание это означает уже явление Божественной Славы: "Ныне прославился Сын Человеческий"). Поэтому и это последнее слово Иисуса на кресте гласит - согласно Иоанну: "Свершилось" (*τετέλεσται*)¹³, т. е. все исполнено. Бездна любви излилась до конца и... восторжествовала над Смертью.

3

Созерцание "*тайны*", согласно ап. Павлу. В чем же эта тайна? Да в том самом, о чем говорит Иоанн: "Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного". Т. е. перед глазами Павла раскрывается та же бездонно изливающаяся любовь Божия.

"Бог любовь Свою к нам выказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы еще были грешниками" (Рим 5. 8).

Вот эта безмерная любовь Божия захватывает нас, покоряет нас. "Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам" (Рим 5. 5). Эта любовь Христова понуждает (*συνέχει*) нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего (2 Кор 5. 14, 15). Ответный поток любви, *Его же* любви охватывает нас. "Всякое разумение превосходящая любовь Христова" (Еф 3. 18) обозначает прежде всего, конечно, Его безмерную любовь к нам, выразившуюся в самоотдании ради нас, но, по-видимому, также и *горение Его любви в нас*. Ибо последнее есть *факт новой действи тельности*, раскрывшийся в нас через Его смерть и воскресение. И об этой любви Христовой - за нас, и в нас действующую — тот же Павел восклицает в заключительном гимне знаменитой 8-ой главы Посл. к Римлянам: "Кто отлучит нас от любви Божией? Скорбь или теснота или гонение или голод или нагота или опасность или меч?... Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас... Ни смерть ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы... ни какая другая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (8. 35-39). Павел не учился у Иоанна и не читал ни 4-го Евангелия ни его 1-го Послания, написанных через 30 лет после смерти Павла. Они оба (вместе с другими провозвестниками благой вести) созерцали то же самое: смерть на кресте, — которая оказалась не только трагедией, но и прорывом безмерно снисходящей Любви — и восстание из мертвых, и любовь, как основную безмерно отдающую себя, безмерно изливающуюся Творческую Реальность. "Сетворю все новое", скажет эта Любовь в конце исторического процесса, согласно автору "Откровения". Павел увидел то, что Иоанн увидел: безмерную, открывшуюся в Сыне Любовь Божию, как основу всего. И в этом откровении и есть христианство - всегда, везде, у всех, поскольку оно остается христианством. Захваченность любовью Божией, раскрывшейся в Сыне.

4

У Иоанна рассказ о земной жизни Иисуса Христа пронизан ощущением присутствия этого основного божественного заднего фона, ощущением присутствия Вечной Жизни. Не абстрактной, а живой. Она дана в лице Иисуса Христа. Он - не "представитель" ее. Он есть сама Вечная Жизнь, вошедшая в мир. И раскрываются поэтому все новые горизонты на каждом шагу Его земного служения, Его проповеди. Об этом мы в общих чертах уже говорили. Благословение Его присутствием домашней жизни людей (брак в Кане); проповедь о *новом рождении* - от Духа - приходящему к Нему ночью ученому "учителю Израилеву" Никодиму; освящение Его присутствием дорог Палестины из селения в селение и через горы и холмы и пустыни, и отдых Его в полдневную жару у колодца Иакова и беседа с самарянкой о неоскудевающем источнике Вечной Жизни, который должен открыться в сердцах наших — о той Воде Живой, которую *Он* дает нам.

Во всех этих фактах, встречах, знамениях как бы разверзаются каждый раз небеса ("увидите небо отверстым"— Его собственные слова Нафанаилу - Ин 1. 51) и ощущается превосмогающее, покоряющее душу Присутствие.

Но, конечно, это же в значительной степени мы имеем во многих повествованиях и эпизодах и первых трех Евангелий. Уже вступительные слова Ев. от Марка подчеркивают это необычайное, разрывающее наши обычные жизненные нормы Присутствие: "Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия. Как сказано у Исаяи

пророка: Вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою". Этот Ангел, посланный Богом, должен уготовать путь перед Грядущим в мир. Этот провозвестник - Иоанн Креститель, величайший пророк в духе древних пророков. И что же? Он сам говорит и свидетельствует: "Идет за мною Тот, Кто сильнее меня. Я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его". Вот в каком духе понимает Марк - вслед за Иоанном Крестителем — личность Иисуса за несколько строк до появления Его в Евангелии. Да и все это Евангелие, вся эта благая весть есть Евангелие Его и о Нем: "Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия". Неотразимая, души покоряющая мощь Его присутствия с особой силой выступает, напр., в описании в той же первой главе Марка дня чудотворений и исцелений, проведенного Иисусом в Капернауме после призвания учеников. Ев. от Луки и от Матфея также пронизаны этим ощущением некоего превосмогающего Присутствия. "Выйди от меня, Господи, ибо я - человек грешный", восклицает Петр в рассказе о чудесном лове рыб (Лк 5). Особенно поразительны встречи кающихся грешников с Иисусом — женщины-грешницы, которая омыла ноги Его своими слезами и покрыла лобзаниями своими и облила драгоценным миром; Закхея мытаря, встречающего Его у порога дома своего и с этого момента начинающего новую жизнь и т. д. Чувствуется безмерность прощающего снисхождения, величие в милосердии и кротости. Напр., в словах, заканчивающих эту изумительную 11-ую гл. Ев. от Матфея (полную указаний на превосходящее, превосмогающее Присутствие): "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас..." А это чувство Присутствия, раскрывшееся ученикам в Эммаусе после того, как Он "узнан был ими в преломлении хлеба" (Лк 24. 35). Можно с большой определенностью говорить о мистическом опыте, мистических встречах учеников со своим Господом, запечатленных на страницах первых трех - синоптических - Евангелий.

Но в Ев. от Иоанна все это еще ярче и яснее: ибо освещается все повествование изнутри — Его собственными словами о Себе, а также и рядом вдохновенных свидетельств евангелиста, суммирующих смысл повествуемого, — напр.: "Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа" (ή χάρις καί ή ἀλήθεια διά 'ΙΗΣΟΥ ΧΡΙΣΤΟΥ ΕΓΕΝΕΤΟ - 1. 17). И уже в предыдущем стихе: "И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать". Из таких слов создается повышенная *атмосфера свидетельства*, проходящая через Евангелие, Свидетельствуем "мы" (т. е. первые провозвестники), свидетельствует Креститель, свидетельствует евангелист, свидетельствует стоящий у Креста (опять сам Иоанн, должно быть) и видевший прободение копьем ребра Распятого и истечение Крови и воды: "И видевший свидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что истину говорит, дабы вы поверили" (19. 35). Свидетельствует в конце Фома: "Господь мой и Бог мой", а затем, в заключительных строках последней, 21-ой гл., свидетельствует - уже более открыто - и сам автор и его ближайшее в момент написания окружение: "Сей есть ученик, который свидетельствует сие и написал сие, и мы (т. е. община в Ефесе) знаем, что истинно свидетельство его..." (21. 24).

Здесь мы прямо опять наткнулись на эту самую поразительную и характерную черту всего благовестия и Евангелия особенно 4-го (как и 1 Ин): *свидетельство* о Неизреченном, о Неописанном, о Неописуемом. Как это возможно? Только потому, что Он явился *во плоти*, что Слово *"стало плотью"*. Это и есть смысл этих значительных слов пролога: "И Слово стало плотью и обитало с нами... и мы видели Славу Его, славу как Единородного от Отца" (1. 14).

Слова Христа о Себе еще более помогают поднять завесу над тайной Его бытия. Но тогда они остались непоняты. "Я свет миру". "Я есмь Воскресение и Жизнь". "Я

есмы Хлеб, сшедший с небес". Смысл этих слов, вся глубина и полнота их значения раскрылись ученикам лишь потом — через *свидетельство Духа*. "Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне, и вы будете свидетельствовать, ибо вы от начала со Мною" (16. 26, 27). Это свидетельство Духа открывается лишь через новую жизнь Духа, вошедшую в мир и объемлющую нас. И это даровано нам *Его* приходом в мир.

5

Важно остановиться на этих, не только внешних, но и внутренних *мистических встречах* с Ним, на которые указывает Ев. от Иоанна. Вспомним свидетельство Иоанна Крестителя: "Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня" (1. 15). Иисус ему *открылся* - произошла внутренняя мистическая встреча: он увидел Духа Божия, сходящего на Него и пребывающего на Нем. "Я не знал Его, но Пославший меня крестить в воде, сказал мне: на Кого увидишь Духа, сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым" (1. 32, 33). "И я видел и засвидетельствовал", — говорит Иоанн Креститель (1. 34).

Слова: "Ибо от полноты Его мы все восприняли и благодать на благодать" (следующия за свидетельством Крестителя - Ин 1. 15), нужно, может быть, понимать, как слова не Крестителя, а самого евангелиста. Но одно ясно: Креститель, когда увидел Иисуса своими земными очами, имел вместе с тем и некое потрясающее переживание, некое "откровение", некое мистическое прикосновение к Высшей Действительности. Это гармонирует с теми, полными мистического смысла словами, которые влагаются в уста Крестителя: "Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. *Ему должно расти, а мне умяляться*" (3. 29, 30). Мы знаем, что в этих словах выражается основной ритм, *основной закон мистической жизни*. Умяляется душа в Его присутствии. Он один должен расти, Он один должен царствовать, — не я.

А беседа с самарянской у Сихемского колодца, разве она не касается *основной* темы мистической и вообще религиозной жизни - *томления* и невозможности удовлетворить его иначе, как той водой, которую Он дает? "Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную" (4. 14). В Нем лишь, лишь в той воде, которую Он дает, сердце может найти удовлетворение. Недаром, напр., Данте понял великую духовную насыщенность этих слов¹⁴.

С этими словами как бы перекликается возглас Иисуса: "В последний великий день праздника... Иисус возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой". И тут же следует объяснение евангелиста: "Это сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него" (7. 37-39). Жажда и ее утоление, более того — потоки воды живой, пробегающие через душу! Это один из самых типичных и характерных образов мистической жизни души, прикасающейся к Богу. Недаром еще древний псалмопевец пел: "Как лань жаждет потоков воды, так жаждет душа моя Тебя, Боже!" (Пс 41. 1), а Исайя восклицал: "Жаждающие, приходите и пейте!" (55. 1).

Здесь, у Иоанна, не только утоление жажды, но верующие в Иисуса сами становятся местом прохождения потоков воды живой - они текут через него. Душа

насыщается избытком благодати, избытком присутствия Духа, как уже в прологе Евангелия мы читали: "И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать" (Ин 1. 16).

Или вот еще "встреча", связанная с ощущением близости Божественного: исповедание слепорожденного, которого Он исцелил: " Он же (исцеленный) сказал: верую, Господи! и поклонился Ему" (9. 38).

В притче о Добром Пастыре раскрывается тайна Его добровольного отдания Себя ради нас: "Я есмь пастырь добрый. Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец..." (10. 11). Безмерное, добровольное отдание Себя. "Потому любит, Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою... Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее..." (10. 18). И через это раскрываются просторы Вечной Жизни. "Вор приходит только, для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели в избытке — (ἵνα ζωῆν ἐχῶσιν καὶ περισσὸν ἐχῶσιν — 10. 10).

И вместе с тем подчеркивается *мистическая нота* - глубокого, личного общения нашего с Пастырем Добрым. Он зовет Своих овец по имени, и они идут за Ним. "Я знаю моих, и мои знают Меня — как знает Меня Отец и Я знаю Отца - и Я душу Свою полагаю за овец". Близость, единение овец с Ним коренится в Его единении со Отцом, о чем будет говориться потом в "Первосвященнической молитве": "Я в них, и Ты во Мне, да будут совершены воедино..."

6

Это есть стихия *захваченности Божественной Любовью*, любовью Отца и Сына, которая есть основание и задний фон и источник христианского благовестия. С покоряющей силой раскрывается это в прощальной Его беседе с учениками (главы 13-16) и в так называемой "Первосвященнической молитве" (гл. 17). Там особенно чувствуется Его человеческая и божественная близость к нам, когда Он разделяет горе Своих учеников, когда Он скорбит за них перед страшной разлукой. Но скорбеть за близких, оставляемых, есть тоже человеческое чувство и особенно, может быть, хватающее за сердце. Но Он утешает их, Он не оставит их сиротами, Он придет к ним опять и возьмет их к Себе, когда уготовит им место у Отца. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, но потом забывает скорбь от радости, потому что родился человек в мир. Так и их радость будет тогда исполнена совершенства, и никто не отнимет ее от них. А теперь "да не смущается сердце ваше!" "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам. Не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и не устрашается!". "Вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня: ибо Я живу, и вы будете жить". Ибо уже теперь есть неразрывное единение — в любви.

Вся эта прощальная беседа пропитана как бы стихией Любви. "Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди"... кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим"(14. 23). Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас... По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою" (13. 35). Но даже более того - этой силой Его самоотдания в любви осуществляется такое существенное единение наше с Ним, что оно может быть сравнено с органическим единением лозы с растущими на ней ветвями. "Я есмь истинная виноградная лоза, а вы ветви... Пребудьте во Мне и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне..." (15. 1-4). Осуществляется уже теперь, уже в скорбях и испытаниях и разлуке, великое мистическое единение с Ним,

которое изменяет, преображает нашу сущность: мы становимся, по благодати, ветвями Божественной Лозы, и Его жизнь питает нас.

И одновременно сообщается им великое откровение, дается великий дар; который эту новую действительность уже теперь начинает осуществлять в них и в которой они уже теперь *найдут утешение*. "Если вы любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век, Духа Истины, Которого мир не может принять, ибо не видит Его и не знает Его. Вы же знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет" (14. 15-17). Это — та действительность Духа Божия, о которой Он, согласно ев. Иоанну, уже раньше говорил, когда возглашал о потоке воды живой.

Человеческое и Божеское соединяется дивным образом в этой прощальной беседе. В этой пред-голгофской Его скорби и в сострадании Его к имеющим осиротеть ученикам и в Его стремлении утешить их раскрываются вместе с тем глубины Божественного Присутствия. "Я есмь путь и истина и жизнь". "Я есмь истинная лоза..." "Я живу, и вы будете жить..." И звучит провозвестие победы: "В мире скорбны будете. Но мужайтесь: Я победил мир".

Эти тона торжества пред лицом страдания и смерти с еще большей силой находят себе выражение в молитве: "Сия есть вечная жизнь, да знают Тебя, Единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (17. 3). Вся суть, весь смысл искупления находит себе выражение в следующих словах: "И за них Я посвящаю Себя, дабы и они были освящены истиной" (17. 19).

Созерцание славы Его продолжается. Оно проходит чрез все повествование о суде над Ним и о страдании Его и о явлении Воскресшего. Величие перед первосвященником, величие перед Пилатом, величие на Кресте. Самые ужасные, подлинные муки, и последний разговор с Матерью и любимым учеником, и "Жажду!" и торжественный предсмертный возглас на кресте: "Совершилось!" (19. 30).

И вместе с тем какое богатство конкретных деталей - даже в повествовании о явлении Воскресшего: "Другой ученик бежал быстрее Петра", но дожидается у открытой погребальной пещеры, не входя в нее, пока старший годами Петр подойдет. Не тот ли это безымянный ученик, который в самом начале Евангелия вместе с другим учеником Иоанна Крестителя, Андреем, пошел вслед за Иисусом ("было это около десятого часа")? Подробности, мелочи — и слова: "Мы видели нашими глазами, и руки наши осязали" — и это была Вечная Жизнь.

Слава в уничижении: вот основная тема Евангельской проповеди. И еще: прорыв Вечной Жизни, победа Вечной Жизни. И еще больше: самоотдание Сына Божия, как основа спасения мира, основа истории.

Евангелие от Иоанна ставит перед нами вполне определенно, как цель, как задание, *единение* между верующими. Сам Господь молит об этом Отца в Своей торжественной прощальной молитве: "Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино" (17. 21). Это единство между верующими рассматривается здесь, как необходимое следствие их жизни во Христе, их единения со Отцом и Сыном. "Я в них, и Ты во Мне. Да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня" (17. 23). Эта заключительная молитва Учителя и Господа пред лицом Отца за всех уверовавших в Него выявляет с огромной силой то, что явственно, со всей определенностью вытекает

из всей проповеди Евангелия, или вернее из всей Божественной действительности, как она раскрылась в Евангелии. Божественная Любовь покоряет нас, если мы открываем ей сердца свои, но через нее мы — *одно*, одно живое целое, захваченное и покоренное этим прорывом Вечной Жизни и безмерным изливанием Любви.

Мы ветви *одной* Лозы, на которой мы живем, и оторванные от которой мы засыхаем и умираем. Мы — под водительством того же единого Доброго Пастыря, Который зовет нас, и мы идем за Ним. Он стал плотью, и мы - братья Его по этой плоти, которую Он освятил воплощением Своим. Верующим во имя Его Он дал власть быть детьми Божиими, рожденными по благодати. Нам всем, вместе с Крестителем, подобает умяляться, а Ему — расти и царствовать в нас. И тот же Дух, те же потоки Воды Живой, обещаны нам, верующим во имя Его. Это единство наше есть и цель и задание и вместе с тем уже начинающаяся действительность, динамическая действительность захваченности Его силой, Его близостью. 4-ое Евангелие свидетельствует здесь о новой плоскости бытия, о новой реальности нашей, о новом призвании и достоинстве нашем, которые вытекают из прорыва Божия в мир.

Глава четвертая

Созерцание славы и снисхождения Воплощенного Слова (в благовестии раннего христианства и в древних литургиях)

1

Созерцание славы Воплощенного Слова проходит красной нитью через весь религиозный опыт раннего христианства. "Мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца" (Ин 1. 14). Это задает тон. Это соответствует и основоположному свидетельству первых трех Евангелий. Вспомним слова Крестителя у Марка: "Идет за мною Сильнейший меня. Я недостоин, нагнувшись, развязать ремень от обуви Его" (1. 7). В 4-ом Евангелии это свидетельство Крестителя сливается уже в одно с созерцанием самого евангелиста и вместе с тем и всех проповедников Благой Вести: "Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Это был Тот, о Котором я сказал: Идущий за мною стал впереди меня, ибо был прежде меня. И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать. Ибо закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа" (1. 15-17).

Что можно еще большего сказать? Мы видели славу Его; мы видели Того, через Которого благодать (т. е. милосердное снисхождение Божие) и истина вообще стали быть (*ἐγένετο*). Но сказано еще другое — совсем неожиданное, и даже как будто странное, и это — даже еще большее: "И Слово *стало плотью* (*ὁ Λόγος σὰρξ ἐγένετο*) и обитало с нами, и мы видели славу Его..." Т. е. эта слава Божия по-еврейски *кавод* обозначает некое, поражающее своим величием, откровение недосыгаемой сущности Божией¹⁵ раскрылась нам через явление Слова Божия во плоти, или вернее, через то, что Божественное Слово "стало плотью, и вселился в ны"... и "мы видели славу Его". Не только славу Его, но славу, проявившуюся в Его приятии плоти, славу в *уничижении и смирении*. Мы затронули здесь самый основной нерв христианского откровения благовестия, христианской веры и христианского опыта (и можно еще прибавить: основной вдохновляющий принцип Христианского мирозозерцания и даже христианской эстетики, как и основное содержание христианского молитвенного созерцания).

Слава Его, раскрывающаяся в добровольном унижении. Поэтому, когда начинается уже период предсмертных Страданий, Иисус восклицает: "Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем"... - т. е. страдание есть, носите ль Его Божественной Славы, в страдании раскрывается Его слава. Поэтому в своих песнопениях Православная Церковь одновременно созерцает оба полюса — и славы и унижения: "Днесь висит на древе Иже землю на водах Повесивый"...

Эти два полюса остаются теснейшим образом связанными не только в Евангелии от Иоанна, но и в опыте ранних провозвестников и во всей христианской Церкви вообще.

2

4-ое Евангелие все проникнуто созерцанием этой Славы. "Увидите небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому" (1. 51). Эта Слава просвечивает и в других Евангелиях, в повествованиях о смиренном служении Его, о силе Его исцелений и о власти Его слова ("Народ дивился учению Его, ибо Он говорил, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи"), и находит себе особо яркое выражение в сиянии Преобразившегося на горе, которое раскрылось только избранным ученикам - Петру, Иакову и Иоанну Шф 17. 1-9; Мк 9. 2-6; Лк 9. 28-30; срв. 2 Петр 1, 17, 18).

Потом пришел кризис. Их взор углубился после решительного переворота, пережитого ими в Воскресении Его. И в страдании Его открылось их взору не только величие Праведника и Мученика за правду, но новые, неизведанные, непонятные глубины... "Один из воинов копьем пронзил Ему ребра", читаем у Иоанна, "и тотчас истекла кровь и вода. И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его" (19. 34, 35). В свете воскресения раскрылась и божественная глубина Его добровольного страдания и смерти и Царствие Божие, о котором Иисус проповедовал, что оно здесь, близко, приблизилось, оно раскрылось в своем высочайшем проявлении — в смерти Его и в воскресении Его. Это *осуществление* Царства в Нем Самом, в Его пришествии, Его проповеди, Его подвиге. Его победа озаряет новыми лучами — лучами Славы, лучами Высшего Присутствия и самые страдания и самую смерть. Начинается новая жизнь: преображение действительности силою Духа, пока только в *зачатке*: "и дал начаток Духа" (τόν ἀρραβώνα τοῦ πνεύματος) "в сердца наши" (2 Кор 1. 22). Но перелом совершился. И эта новая действительность коренится в явлении Его — в унижении и "Славе" — имевшем место в *истории*.

3

Христианство не переставало с тех пор питаться духовно-молитвенным созерцанием высоты величия Его и славы и глубины унижения, неразрывно связанных друг с другом. Так уже с самого начала евангельской повести, начиная с трепетного созерцания Елисаветы (Лк 1. 43): "Откуда мне сие, что пришла Матерь Господа моего ко мне? ", и в ликующей прощальной молитве старца Симеона (Лк 2. 29): "Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром; ибо видели очи мои спасение Твое" (ликование, соединенное, однако, с предвидением великих страданий: Ей, Матери, "оружие пройдет душу"), до созерцания добровольной глубины унижения и "кеносиса" Сына Божия, с последующим прославлением Того, Кто был "послушен даже до смерти, смерти же крестной" (Флп 2. 3 - возможно, что это древне-христианская литургическая или крещальная формула), и до исповедания Фомы: "Господь мой и Бог мой!". Характерно, что это исповедание Фомой

Воскресшего Господа связано с указанием на раны, но уже на "преодоленные" раны, на преображенном, воскресшем Телe Его. "Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои, и не будь неверующим, но верующим" (Ин 20. 27, 28).

Неудивительно, что такое созерцание могло и должно было лечь в основу молитвенного благодарения ранней Церкви. Это благодарение живет, напр., в тех молитвословиях и гимнах, которыми пронизан Апокалипсис. Там перед нашими глазами, наряду с ужасами, развертывающимися в мире, предстает атмосфера молитвенного созерцания и благодарного трепета святых, склоненных перед престолом Господа Вседержителя и перед Агнцем Божиим, Который "был мертв, и се, жив во веки веков" (1. 18).

"И я слышал голос многих ангелов вокруг престола. ., и число их было тьмы тем и тысячи тысяч, которые говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение. И всякое создание, находящееся на небе и на земле и под землею и на море, и все, что в них, слышал я, говорило: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков. И четыре животных говорили: аминь. И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков" (Откр 5. 11-14).

Из ряда сходных "литургических" сцен "Откровения" остановимся еще на той, что особенно ярко провозглашает уже совершившуюся окончательную победу Божию (19. 1, 2; 4-6):

"После сего я услышал на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: Аллилуйя! Спасение и слава, и честь и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его: потому Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее... Тогда двадцать четыре старца и четыре животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря: Аминь! Аллилуйя! И голос от престола исшел, говорящий: хвалите Бога нашего, все рабы Его и боящиеся Его, малые и великие! И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: Аллилуйя! Ибо воцарился Господь Бог Вседержитель".

Носителем славы и победы и могущества является здесь Сидящий на Престоле, а также и Агнец, закланный, но живой. Мы приблизились здесь к основному опыту, основному созерцанию и древне-христианской литургии.

4

Слава, великолепие, величие и... присутствие мистическое среди нас Страдавшего ради нас и Воскресшего. Вот - основное содержание Таинства Евхаристии.

"... Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным. Предходят же Ему лики ангельские со всяким началом и властью..."¹⁶"Ныне силы небесныя с нами невидимо служат. Се бо входит Царь Славы, се Жертва Тайная совершенна доносится"¹⁷. Одновременно и жертва и прославление, и страдающий Сын Человеческий и — Царь Славы. Весь диапазон христианского молитвенного созерцания объят этим таинством: и глубина снисхождения, страдания и крестной смерти, и прорыв величия Воскресения и слава

Царя царствующих и Господа господствующих. И не только наше молитвенное созерцание дано в таинстве Евхаристии, но и гораздо больше: истинное присутствие среди нас Пострадавшего и Прославленного.

Это обетование, данное ученикам, было: "Вот Я с вами во все дни до скончания века" (Мф 28. 20). Всегда, непрестанно духовно с нами (если мы того хотим), во всей ткани повседневной жизни, в страданиях и радостях, в трудах и испытаниях, принимаемых и переносимых во имя Его. Но здесь, в таинстве Евхаристии, это Его обетование проявляется с особой, покоряющей силой. Ибо это есть Таинство *прихода Господа к верным Своим* - ко всей Церкви и к каждому отдельному верующему, состоящему в этом союзе любви, - страдающего и прославленного Господа. Ведь установлено это Таинство Им Самим накануне страдания и смерти, в ночь прощания с учениками: "Сие есть Тело Мое, которое за вас преломляется"; "Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за вас изливаемая. Сие творите в Мое воспоминание". В евхаристическом хлебе и вине дана вся глубина подлинного присутствия Господа, пострадавшего на Голгофе. Так воспринимала это Церковь о самых первых времен¹⁸.

"Поэтому, когда едите хлеб сей или пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он не придет", и "кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем" (1 Кор 11. 29). Это красной нитью проходит через все совершение таинства Евхаристии в древней Церкви, через все древние литургии. Истинное присутствие здесь, в этих дарах (хлебе и вине), Страдающего Господа... "Се Жертва Тайная совершена доносится". Церковь предстоит молитвенно перед небесным жертвенником, где Голгофская Жертва бесконечной любви и отдания Себя, однажды раз навсегда принесенная на земле, в вечности бесконечно приносится Сидящему на Престоле (Откр 5 гл.). "Смерть Господню возвещаете", пишет ап. Павел. В евхаристических молитвах древних литургий, после установительных слов таинства ("Сие есть Тело Мое... Сия есть Кровь Моя...") следует обыкновенно так называемый "анамнесис" — воспоминание страдания и воскресения Христова, иногда в совсем кратких словах, иногда в более распространенной форме. Так, напр., особенно подробно в древней коптской литургии св. Григория Чудотворца: "*Ты претерпел поругания нечестивых*", возглашает священник, "*Ты предал хребет Свой на бичевание и ланиты Свои ударам; ради меня, Господи, Ты не отворотил лица Твоего от плевков и поруганий*". Народ: "*О, Господи, помилуй!*". Священник: "*Как овечка, Ты пришел на заклание, вплоть даже до самого Креста Ты явил заботу обо мне, мои грехи Ты уничтожил погребением Своим; Ты вознесся на небеса, Начаток бытия моего...*" Мы провозглашаем смерть Твою, мы исповедуем Твое воскресение" — так в литургическом папирусе из Дер Бализе (Der Baluzeh) в Верхнем Египте (4-го века).

Сходно в литургии св. Марка. В литургии Василия Великого читаем: "Вспоминаем и мы, Господи, спасительное страдание Его (Сына Божия), животворящий Крест, трехдневное погребение, воскресение из мертвых, восшествие на небеса, одесную Тебя Бога и Отца сидение, и славное и страшное второе пришествие Его" (сходно, но несколько более кратко в литургии Иоанна Златоуста). Равным образом и "канон" римской мессы возглашает: "*Unde et memores, Domine, ... eiusdem Christi Filii tui Domini nostri tam beatæ passionis nec non ab inferis resurrectionis, sed et in coelos gloriosæ ascensionis*" ("Поэтому мы вспоминаем благословенные страдания Христа, Сына Твоего и Господа Бога нашего, а также воскресение Его из мертвых и славное вознесение на небеса"). В Веронском фрагменте древнего "канона Ипполита" (самая, может быть, древняя дошедшая до нас форма "евхаристического канона", близкая к восточной) совсем краткая формулировка: "Итак, памятуя смерть и воскресение Его,

приносим Тебе хлеб и чашу, воздавая Тебе благодарение" ("Memores igitur mortis et resurrectionis eius, offerimus tibi panem et calicem, gratias tibi agentes" — см. главу 3).

В центре всего таинства стоит безмерное снисхождение, спасительная смерть и прославленное Человечество и воскресение Сына Божия.

Но таинство Евхаристии состоит не только в созерцании тайны спасения нашего, данного нам через Голгофскую жертву Его, но и в присутствии ее здесь среди нас. Вернее, мы, т. е. вся Церковь возносится к предстоянию перед этой единой (εφάπαξ - Евр 10. 10) на земле совершенной и непрерывно в вечности перед престолом Божиим приносимой Жертвой.

Господь приходит к верным Своим и присутствует среди них и соединяется с ними. Весь центр тяжести, все содержание древней литургии могут быть сведены к этому благодатному "Пришествию" и Присутствию Его, Страждущего и Преображенного¹⁹. Не даром поэтому во всех древних литургиях христианского мира - и восточного и западного - центральная, главная часть, - совершение Таинства, вводится новозаветным торжествующим возгласом: "Осанна в вышних! Благословен Грядый во имя Господне! Осанна в вышних!" Его слава включает именно момент Его безмерного снисхождения. Поэтому в ряде литургий, особенно сирийского происхождения, изображается, как чины ангельские с трепетом и ужасам созерцают тайну безмерного снисхождения Царя Славы И мир весь исполняется славой Его - славой Его не только, как Творца и Источника всего бытия, но и как Промыслителя и Спасителя мира. "Воистину небеса и земля полны славы Твоей через пришествие Господа и Бога и Спасителя Иисуса Христа", возглашает египетская литургия св. Марка²⁰.

Классична по силе своего выражения "возносительная молитва" ("анафора" - возношение душ и сердец) в литургии Василия Великого. Это, как все возносительные молитвы, есть благодарение Отцу за сотворение мира и дарование жизни, за попечение Его о людях и за высший акт Его попечения и любви - послание Единородного Сына в мир.

"Ты, Который еси Владыка, Господь Бог и Отец Всемогуций, Которому подобает поклоняться! Достойно и праведно и подобает величию святости Твоей Тебе приносить хвалу, Тебе петь, Тебя благословлять, Тебе поклоняться, Тебя прославлять, Единого истинно сущего Бога, и приносить Тебе с сокрушенным сердцем и в духе смирения духовное сие поклонение наше. Ибо Ты — Тот, Кто даровал нам познание истины Твоей. И кто способен изреци все величество Твое, провозгласить все хвалы Тебе? Или рассказать все дивные дела Твои во всякое время? Владыко всяческих, Господи неба и земли и всякой твари, видимой и невидимой, Сидящий на престоле славы и с высоты его вззирающий на бездны, Безначальный, Невидимый, Непостижимый, Отец Господа нашего Иисуса Христа, великого Бога и Спасителя нашего, Надежды нашей... Вместе с небесными силами, Владыко Человеколюбче, и мы грешные вопием и глаголем: воистину Ты еси свят и пресвят, и нет меры величеству святости Твоей, и праведен во всех делах Твоих...

... Ты не отвратился в конец от создания Твоего, которое Ты сотворил, Благий, и не забыл Ты творение рук Твоих, но многообразно посещал его милосердием Своим... Когда же пришла полнота времен, Ты глагоlal нам в самом Сыне Твоем, через Которого Ты и веки сотворил. Он, будучи сиянием славы и образом ипостаси Твоей и содержа все словом силы Своей... принял образ раба и подобным сделался телу

уничтожения нашего, чтобы нас сделать подобными образу славы Его..." И затем: "... в ночь, когда Он отдал Себя (на смерть) за жизнь мира, взяв хлеб в Свои святые и пречистые руки... благодарив, благословив, освятив, преломив, дал его святым Своим ученикам и апостолам, сказав: "Возьмите, ядите - сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов... Также и чашу"..."²¹

Это - одна из самых величественных молитв христианского мира. Церковь и Ангелы и все творение склоняется перед безмерным величием и снисхождением Господа Христа.

Но еще больше и трепетнее ощущает это снисхождение верующая душа, когда Он соединяется с ней в Своем истинном Теле и истинной Крови Своей. Со страхом и трепетом и смирением склоняется она перед безмерным пришествием Его. "Верую и исповедую, что Ты еси Сын Божий, пришедший в мир грешных спасти, от нихже первый есмь аз..." - "...Несмы достоин ниже доволен, да под кров внидеши храма души моей, занеже весь пуст и палея есмь... Но дерзая прихожду..." В этом соединении с Ним -источник новой жизни, участие в Его преображенной жизни, начинающейся уже теперь. Но дается это только через добровольное участие в Кресте Его. Ибо близость Его и безмерное снисхождение и богатство славы и величия раскрывается в своих глубинах через тайну Креста Его.

Глава пятая

Основное единство христианской духовной жизни на Востоке и Западе. Образы святых

1

Ярким примером того, что есть *одна* основная стихия Христианской жизни на Востоке и Западе, могут послужить хотя бы два следующих эпизода: один - рассказанный Фомой из Челано в его второй биографии Франциска Ассизского²², другой - сохраненный нам Иоанном Мосхом (550-619) в его "Луге Духовном", сборнике назидательных рас, сказов из жизни палестинских подвижников и отшельников²³. У Фомы из Челано читаем, что раз во время последней болезни Франциска, когда он сам не мог читать, т. к. Страдал глазами, один брат предложил почитать ему вслух из Св. Писания. Франциск всю жизнь свою бесконечно любил и чтит Писание, но в этот раз он ответил ему: "Non pluribus indigeo, fili. Scio Christum pauperum, crucifixum" (Мне большего не нужно, сын мой. Я знаю Христа бедного и распятого). И этого ему было достаточно: постоянного устремления духовного взора своего на Распятого. В этом вся мудрость Франциска, красной нитью проходящая через всю его жизнь от видения Распятого в часовне Сан Дамиано до стигматизации на Альвернской горе... Так и у Иоанна Мосха читаем: Пришедшей к праведному старцу Стефану ради поучения братии он, после долгого молча-гния, наконец сказал: "Что знаю, то скажу вам. Днем и ночью я ни на что более не взираю, кроме Господа нашего Иисуса Христа, пригвожденного к древу крестному". Христос — центр духовной жизни. Созерцание снисхождения Его и страдания и преизбыточествующей любви рот главный источник вдохновения для этой жизни. В этом нет различия между Востоком и Западом. Этим христианство питается, это даст закваску и смысл и обоснование и все направление и содержание новой жизни духа. Ап. Павел решил не знать ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого (1 Кор 2. 2). Но вместе с тем в том же послании читаем: "Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... Но Христос воскрес, Первенец из умерших" (1 Кор 15. 14-20).

Эти слова ап. Павла подчеркивают основное содержание благовестия. И отсюда рождается новая жизнь: "Живу уже не я, но живет во мне Христос". Там, где эта основа благовестия, содержащая в себе, как в центральном ядре всю проповедь, всю веру, вошла в нашу жизнь и обновила ее, там есть и подлинное христианство. В Нем (во Христе), "сокрыты все сокровища премудрости и ведения" (Кол 2. 3). Ап. Павел говорит и о "неисследимом богатстве Христа" (Еф 3. 8). Он "все почел за сор, чтобы приобрести Христа" (Флп 3. 8).

Начинается новая жизнь, новое творение: "Мы созданы во Христе Иисусе на добрые дела", "кто во Христе Иисусе, тот — новая тварь". То что происходит, что произошло в душах наших, может быть как откровение творческой силы Божией сравнено с созданием мира. "Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил сердца наши, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа" (2 Кор 4. 6). Более того, мы через Иисуса Христа возводимся в новое достоинство, примираемся с Богом, участвуем в обновленной жизни Сына Его, становимся детьми Божиими.

Итак, началась новая жизнь, новая стихия охватывающей жизни. Не эмоции только и восторги, а трезвенная, мужественная жизнь, творческий процесс жизни, в которой рождается "новое творение", новый человек через участие в подвиге Его, через отдавание себя, через "совлечение с себя ветхого человека", через умирание со Христом, чтобы жить — уже теперь — Его обновленной жизнью, чтобы быть в состоянии воскликнуть с ап. Павлом: "Я сораспялся Христу и уже не я живу, но живет во мне Христос". Обо всем этом — о преизбытке новой жизни и о трезвенности и мужестве этого пути, этого постепенного процесса, этого подвига сораспятия Христу говорит нам ап. Павел, но не его это "учение"; не его это "открытие". Он только описывает то, что открылось ему, что больше, чем он, что захватило его и что составляет суть этой новой жизни - начавшейся здесь на земле, среди испытаний и немощей наших - новой действительности. То же, слышим и из уст самого Учителя: "Если кто хочет быть Моим учеником, да отвержется себя и возьмет крест свой и за Мной да идет". Эта новая жизнь различными сторонами своими открывается различным возрастам человеческим, ибо это есть откровение *жизни*, в которое нужно вращать, которое дается по мере роста духовного: "Пишу вам дети, так как прощены вам грехи ради Имени Его. Пишу вам, отцы, так как вы познали Сущего от начала. Пишу вам, юноши, так как вы победили лукавого. Я написал вам, дети, так как вы познали Отца... Я написал вам, отцы, так как вы познали Безначального. Я написал вам, юноши, ибо вы сильны и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого" (1 Ин 2. 12-14). Здесь ясно отмечены черты, характерные для различных возрастов: просветленная мудрость отцов, доверие детей к Небесному Отцу, динамическая активность юношей. Эти черты не исключают, а, напротив, дополняют друг друга в одном и том же человеке.

Но высота познания и рост совершенства неотделимы от смиренной детскости сердца. Этому учил еще сам Господь: "Если не обратитесь и не будете, как дети, не можете войти в Царство Небесное" (Мф 18. . 2). Поэтому и Дух, излившийся в сердца наши, вопиет в них: Авва, Отче! (Рим 8. 15).

Нужно ли останавливаться на описании "неисследимых", неопишуемых богатствах этой новой жизни? Они не открываются ни перечню, ни филологическому или какому-либо другому анализу; о них свидетельствовали и свидетельствуют жившие и живущий этой жизнью. Писания Павла и других апостолов - не теория, не учебник или трактат, а свидетельство о том, что больше слов и описаний. Может быть, самая лучшая обобщающая характеристика этой новой жизни дана в этих словах: "Любовь

Христово объемлет нас, рассуждающих так: если Один умер, то все умерли... чтобы живущие уже не для себя, жили, но для Умершего за них и Воскресшего" (2 Кор 5. 14). Поэтому сущность и цель этого нового пути так характеризуются ап. Павлом: "Кто во Христе, тот новая тварь. Древнее прошло, теперь все новое" (2 Кор 5. 17).

2

Эта новая жизнь, стихия Духа, в которую мы призваны вращаться, построена на едином основании, на едином "Духовном Камне" - *πνευματικὴ πέτρα* - "Камень же был Христос" (1 Кор 10. 4). Ибо "никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос" (3. 11). Это состояние основного, *существенно* (не внешнего и формального только) единства ап. Павел характеризует следующими словами: это есть "единство Духа в союзе мира". "Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде... Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, . ." (Еф 4. 3-6). Из этого можно вывести заключение, что там, где наличествуют эти черты, можно, согласно ап. Павлу, говорить о единстве христиан. Но это далеко не только сумма одинаковых данных, это — повторяю — новая жизнь, новая динамическая *действительность*, к которой мы призваны, действительность Духа Божия в нас, действительность нашего вращания во Христа, нашей жизни во Христе, действительность благодатного сыновства: "Ибо все, водимые Духом Божиим, суть дети Божий".

Есть в новозаветных писаниях - у Павла и Иоанна — и ряд других не менее сжатых выражений, выявляющих центральную сущность благовестия: "Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь" (1 Ин 5. 12). "Если будешь исповедовать устами твоими, Иисуса Господом, и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься" (Рим 10. 9). И с особой силой все содержание новозаветного благовестия сконцентрировано в этих словах: "Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин 3. 11). "Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть, от Бога" (1 Ин 4. 2).

Такая же лаконичная, лапидарная краткость в этих словах (миссионерских, "огласительных" формулах?) Павла к Тимофею: "Верно слово и всякого доверия достойно, что Христос Иисус пришел в мир грешных спасти, из которых первый есмь я" (1 Тим 1. 15), или: "Верно слово: если мы умерли вместе с Ним, то и жить будем вместе с Ним" (2 Тим 2. 11). "Помни Иисуса Христа, воскресшего из мертвых, из семени Давида, согласно благовествованию моему", (2 Тим 2. 9 срв. 1. 10), эти слова написаны, вероятно, в последние месяцы жизни ап. Павла. "Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (1 Кор 12. 3). "Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же" Евр 13. 8).

И вот мы, вступившие на этот путь, захваченные этой жизнью, являемся членами благодатного Тела, растущими в новую, божественную действительность. Вращаясь в единение со своим Божественным Главой, мы вращаемся и во все большее единение друг с другом. Это — закон новой действительности, благодатной. Мы призваны к активности и подвигу, но дар Божий, но благодать еще активнее нас, и наша активность сама есть дар благодати. Не может быть, чтобы навеки, невозвратно было нарушено то единство, о котором молился. Сын Божий перед Своими добровольными страданиями: "Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино" (Ин 17. 21). Это единство отчасти уже осуществляется и не может быть окончательно нарушено между теми, кто пребывает во Отце, Сыне и Духе.

Плоды Духа мы знаем. Это - "любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание; на таковых нет закона", пишет ап. Павел (Гал 5. 22, 23). Потому что "те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями... Если мы живем духом, то по духу и поступать должны" (5. 24, 25). Все это есть новая действительность Духа Божия, действующая в людях, вытекающая из все большей захваченности Христом (Флп 3. 12) и направляющая к тому, чтобы Он возрос, а я умалился, чтобы не я жил, а Он жил во мне. Все это, однако, выше нашей повседневной жизни, нашей обычной душевной действительности. Это — цель, к которой мы призваны, наше обетованное нам, наследство детей Божиих. Но как часто мы не осуществляем нашего призвания!

Единство между христианами будет, когда мы будем все больше направляться к этой единой общей цели — жизни во Христе. В том великая роль и значение святых и праведников, что они напоенные Единым Духом, приблизились к заветной цели — к единению в Едином Отце и Едином Господе.

3

Несмотря на разделения христианских Церквей — не только разделения канонически-юридического характера, но и на некоторые появившиеся разногласия и притом немаловажного характера — основное единство христиан, объединяемых "единым Господом, единой верой, единым крещением, единым Богом и Отцом всех" (Еф 4. 4-6), объединенных одной благой вестью, или вернее, *единой реальностью* заполнения пропасти между Богом и нами снисхождением Божественной Любви, более того, захваченных и объединенных этой Божественной Любовью - это *основное единство* оставалось, к сожалению, часто в скрытом виде. Но нередко это единство прорывается, проявляется наружу: в принятии общего благовестия и в следовании по стопам Христа и в приятии Креста Его в повседневной жизни и во взаимном служении любви. Проявлялось оно и в великих святых, сияющих для одного народа, для группы народов, а потом, через ряд веков, воссиявших и для многих других христиан другой культуры, другого исповедания.

Франциск Ассизский засиял для протестантского мира с конца 19-го века (особенно через ученые труды французского гугенота, профессора Сабатье, и немецкого историка искусства, профессора Хенри Тоде), а в России — главным образом с начала 20-го века (через труды профессоров Герье, Гревса и других историков). Особенно сильным каналом воздействия образа Франциска на северно-европейского протестантского и на русского читателя были, конечно, его благоухающие "Цветочки" (венки народных сказаний 14-го века), много раз переводившиеся и печатавшиеся на разных языках. Не говорю уже о ряде других великих мистиков христианского Запада.

С другой стороны, образы русских святых — Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского, образы Оптинских старцев стали (особенно с появлением на Западе русской эмиграции) знакомы и дороги многим западным читателям. А также выдержки из "Добротолубия" и творений Исаака Сирина, аввы Дорофея, блаженного Диадоча, Исихия Иерусалимского и других восточных наставников в духовной жизни, и наконец религиозное мирозерцание древне-русской иконы²⁴. Почувствовалось глубокое, хотя и внешне полу-скрытое единство и основ веры и духовного опыта. Раскрылись сокровища духовной жизни — не Западной, не Восточной, а *Христовой* — из литургии и примеров святости, из писаний и свидетельств великих праведников и наставников "других" христиан, не только

"раскрылись", но и "раскрывались", часто и по многу, нередко в ежедневном общении жизни, эти сокровища христианского Востока для христианского Запада и христианского Запада для христианского Востока.

Впрочем, воздействия на Запад христианского Востока были, как известно, огромны, особенно в эпоху единства Церкви, а затем в течение Средних Веков - особенно через творения Восточных Отцов Церкви. Это воздействие замирало и подавлялось постепенно, но после Первой Мировой войны религиозное воздействие христианского Востока на Запад усилилось чрезвычайно (тут сыграли роль: литургическая красота Православной Церкви, русская икона, Достоевский и другие религиозные русские мыслители, и ряд других факторов, а также мученический подвиг Русской Церкви).

Воздействие и взаимодействие в таком огромном масштабе было и есть только потому возможно, что и Запад и Восток и Север и Юг христианского мира питаются в глубинах своих из Одного Источника, живут из Одной Жизни.

4

В чем великое значение святых? - Они являются *живыми свидетелями* этой Высшей Действительности, которая их захватила. Они - как бы пионеры человечества в безмерных просторах действительности Божией или, еще вернее, они - подлинные ученики Христовы. Они и нам облегчают вращение в эту новую действительность - Креста Христова и преображенной жизни. Они разных времен, разных культур, иногда принадлежат к разным вероисповеданиям. Вот - Паскаль (1623-1662), великий математик и естествоиспытатель, великий мыслитель, обладатель изумительного литературного стиля, соединяющего отточенность, сжатость, естественность, простоту, яркость и огромную силу - неподкупной, не литературной только, а захватывающей до боли жизненной правды. И вместе с тем он - святой. И еще больше: его глубина, как мыслителя, и сила, как писателя, родились из его духовного опыта, из его смиренного и трепетного шествования по пути святости.

Есть трепет стояния пред лицом Божиим и в фактах жизни Паскаля и в его писаниях - его *Pensées*. Мы знаем, как "документ Паскаля" {"памятная запись" - *Memorial de Pascal*), исписанный кусок пергамента, найденный после его смерти в его камзоле, между материей и подкладкой, - повествует об его "обращении". Раскрылось Невыразимое:

"Лето от Рождества Христова 1654. Понедельник 23 ноября... день св. Климента... часов с десяти с половиной и до половины первого ночи.

ОГОНЬ.

Бог	Авраама,	Бог	Исаака,	Бог	Иакова,	
а	не	философов	и		ученых.	
<i>Уверенность.</i>	<i>Уверенность.</i>	<i>Чувство.</i>	<i>Радость.</i>	<i>Мир.</i>		
Бог		Иисуса			Христа.	
"Отче праведный!	Мир	не	познал Тебя,	а Я	познал Тебя".	
<i>Радость.</i>	<i>Радость.</i>	<i>Радость.</i>	<i>Слезы</i>	<i>радости.</i>		
Я		отдалился		от	Него.	
Боже мой,		неужели	Ты	оставишь	меня?	
Да	не	буду	разлучен	с	Ним	во веки.

.....
 "Сия же есть Вечная Жизнь, да знают Тебя, Единого,
 Истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа".
Иисус Христос. Иисус Христос.
 Я разлучился с Нем...
 Да не разлучусь с Ним вовеки.

.....
 Отречение полное и сладостное."

В этой записи того, что Паскаль пережил в ночь своего обращения поражают два момента: преобладающая сила Присутствия Его, раскрывшаяся вдруг Паскалю, как Огонь; сжигающий нечистое и просветляющий душу, преизбыточествующая сила и полнота и величие Божие: Отец, раскрывающийся в Сыне и через Сына, Источник воды живой. И из этого Его присутствия, из этого откровения Его душе, вытекает величайшее смирение перед Его величием и смиренное склонение души перед Ним, и конец сомнениям, всепобеждающая уверенность: ибо Он здесь и покорил душу, и мир души, и неизреченная всезаполняющая радость, и слезы смиренного радостного благодарения (*Certitude. Certitude. Sentiment. Joie. Paix... Joie. Joie. Pleurs de joie...*). Из этого вытекает и *отдание себя*, как идеал, как задание: *полное отдание себя* (*Renonciation totale et douce*). И в этом отдании себя, в этом кресте подвига и смиренного, трепетного послушания — великая сладость.

С этого момента начинается в Паскале рост другого человека, отдавшего себя, свою волю своему Господу, и, чувствующего постоянный зов страданий Христовых, слышащего в сердце слова страждущего Господа, обращенные к нему: "Утешься, ты не искал бы Меня, если бы уже не нашел Меня"... "Я думал о тебе в Своих предсмертных муках" (*Console-toi: tu ne Me chercherais pas, si tu ne M'avais trouvé... Je pensais à toi dans Mon agonie*). И начинается жизнь святого. За эти восемь лет — от обращения до смерти — как росла и выросла его духовная жизнь и как расцвел вместе с тем его творческий гений!

Недаром он написал в одном из своих отрывков: "Если это рассуждение вам нравится и представляется вам убедительным, то знайте, что написал его человек, который перед написанием и после него стал на колени, чтобы помолиться Существому Высшему и Нераздельному, Которому он подчиняет все, что имеет, чтобы Он подчинил Себе и все, чем вы обладаете для вашего добра и для Его славы и чтобы таким образом Сила соединилась с ничтожеством" Сила *Ego*, соединяющаяся с нашим ничтожеством — вот как Паскаль рисует себе развитие духовной жизни. Труды — математические, богословские - в защиту христианской морали против расслабления ее казуистами и наброски его знаменитых "Мыслей", которые он спешно записывал, уже охваченный огромной физической слабостью, болезненным головокружением, труды педагогические, аскетические, помощь - обильная и тайная - бедным (при сведении до величайшего минимума собственных потребностей, - он жил в величайшей добровольной бедности), труд молитвенный, сопровождавший непрестанно и вдохновлявший прочие его труды - вот картина этих последних годов его жизни. Незаметная, смиренная, но глубоко напряженная жизнь и труженика и праведника, когда он болел предсмертной своей болезнью, он ни за что не хотел позволить, чтобы за ним ходили, чтобы ему приносили пищу в постель, чтобы убирали его комнату — он все хотел делать сам, не допуская, чтобы кто-нибудь ему служивал. Его удалось убедить только тогда, когда по его настоянию положили ему в комнату какого-то одинокого умирающего бедняка, за которым должны были ухаживать так же, как за ним самим.

Немногим из писателей и философов было дано с такой сосредоточенной силой сказать несколько слов об ужасе жизни без конечного смысла и без Бога, об этом непрестанном и бесповоротном утекании всего, что имеешь, неизвестно куда - *Il est terrible de sentir s'écouler tout ce qu'on possède*, — и вместе с тем свидетельствовал о жизни в Боге физик, математик и - великий христианин, один из самых красноречивых в своей лаконичности, мужественности, простоте и благородной естественности писатель и - тайный "делатель" духовный и подвижник. Он много может сказать как раз нашему времени.

5

А вот другой образ — может быть, величайший из подвижников и святых средневекового Запада, всей жизнью своей свидетельствовавший о Христе — Франциск Ассизский (1182-1226).

Иисус Христос, в яслях в бедности рожденный, странствовавший и проповедовавший, не имея, где главу приклонить, страждущий и распятый, и воскресший Сын Божий, вот - единый смысл и вдохновляющая сила и предмет любви и устремление всей жизни Франциска после того, как Он открылся ему. Эта жизнь составлена из горения духовного и подвига. Она вся есть посвящение себя Христу, смиренное, радостное служение Ему. Франциск охвачен любовью Того, Кто возлюбил нас *к* требует нашей любви к Нему. Но это - не ряд радостно-эстетических эмоций, как некоторые представляют себе жизнь Франциска, это - глубочайший и труднейший подвиг самоотдания и отказа от всего ради Господа, но подвиг этот преодоления себя превратился в радость, изливающуюся кругом, в безмерное горение любви.

Подвиг — *стержень* этой новой жизни, подвиг силою Христовою и из любви ко Христу. И вместе с тем какая это атмосфера поражающей простоты и безмерного смирения. Опять таки из любви к своему Владыке и Господу. Господь бесконечно смирился и унижился - до бедности, до страдания и смерти. Как же нам не унижиться и не быть духовно там, куда Он снизошел - среди неимущих, бездомных, не имеющих где главу приклонить, где тем ярче - в смирении и унижении - проявилось Его снисхождение и Его Божество? Подражать Его смирению, Его снисхождению, с той разницей, что мы — действительно грешники и ничего не имеем и что наше смирение есть только понимание того, что действительно есть. Ибо все от Него, мы же только пользуемся Его даром. Это соединение суровости подвига и полноты отречения (поскольку это возможно человеку) с духовным ликованием и радостно-трепетным служением людям в любви и смирении дает этой любви огромную, завоевательную силу и создает атмосферу изумительной духовной просветленности вокруг Франциска и ближайших его учеников. Но главное: по мере возрастания смирения, сознания, что он ничего не имеет и ничего не может сам, собственными силами, возрастало и воздействие Высшей Силы через него на окружающих его.

Один эпизод из жизни Франциска с особой яркостью освещает, так сказать, всю жизнь его изнутри: его одинокая молитва на Монте Альверно, подслушанная братом Львом (подкравшимся незаметно за ним в лес, куда Франциск уходил молиться). В течение сорока часов Франциск поднимал глаза свои к небу и снова склонялся вниз, повторяя те же самые слова: "Кто Ты, сладчайший Господи мой, и кто я, жалкий червячек и раб ничтожнейший Твой?"²⁵

Это основное созерцание христианской мистики: мое ничтожество и недостойнство, и - снисхождение Божественного Милосердия.

Ибо все это: и подвиг духовной борьбы со своим ветхим человеком, и радостное и смиренное служение ближнему в себя забывающей любви - вырастает, повторяю, из охваченности Франциска любовью к Господу Иисусу. "Когда ты видишь бедного, ты должен в нем видеть Того, во имя Которого он приходит к тебе, именно Христа, Который взял на Себя нашу нищету и наши немощи. Ибо немощи и нищета этого человека суть для нас зеркало, в котором мы благоговейно должны видеть и созерцать немощи и нищету Господа Иисуса Христа, Который нас ради претерпел их в плоти Своей".²⁶ Франциск покорен этой любовью к нищему и страждущему ради нас Господу Иисусу, он не может оторвать своего взора от этой высоты, проявившейся в бесконечном, добровольно взятом на Себя унижении и смирении Сына Божия. "O sublimitas humilis! O humilitas sublimis!" (О смиренная высота, о возвышенное смирение!) восклицает он, говоря о Таинстве Евхаристии. Это те два полюса — Божественный и подлинно-человеческий — которые, в истинно-иоанновском созерцании, постоянно предносятся и взору Православной Восточной Церкви в ее молитвенной и литургической жизни. Впрочем, бедный или вообще страждущий ближний для Франциска не только - отображение образа Господа Иисуса - страждущий Господь действительно мистически присутствует в страждущем брате нашем. Франциск до глубины ощутил правду этих слов: "Потому что вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то и Мне сделали Мф, гл. 25).

Любовь Христова - основная стихия жизни Франциска. Охваченный ее порывом и созерцанием нищеты Его, он не в состоянии принять участие в пышной трапезе кардинала, а садится на каменные плиты пола и плачет, и только так — сидя на полу — согласен вкусить немного пищи в день великого, добровольного унижения Господа. Это не надуманность, не искусственное взвинчивание себя: в проповеди Франциска пробудилась опять со всею силою апостольская проповедь о пришествии в мир Единородного Сына Божия, "Сына Любви Его" (τοῦ Υἱοῦ τῆς ἀγάπης αὐτοῦ - Кол 1. 13) и отдании Им Себя ради нас. Недаром первый биограф Франциска, Фома из Челано,²⁷ весь еще обвеянный живыми воспоминаниями о Франциске, которыми была насыщена среда его ближайших учеников и сотрудников, так характеризует значение Франциска как проповедника Благой Вести: "Этот человек был послан от Бога, чтобы по примеру апостолов свидетельствовать об Истине во всем мире"; "он горел тем огнем, который Иисус низвел на землю", поэтому "дух обновления был излит в сердца" тех, кто разделяли его подвиг.²⁸ В той же главе следующими краткими словами характеризуется вся его деятельность: "охваченный преизбытком горящей любви, он вступил на путь совершенства". Автор этой биографии, или, вернее, этого жития, прав: вся загадка Франциска — в Божественной Любви, захватившей его и породившей его ответное отдание себя, и зажегшей его любовью — не только к Господу и Владыке, но и *ко всему миру*, ко всем людям, ко всей твари, даже неодушевленной, к тому миру, от богатства и блеска и прельщения которого он отказался, чтобы опять приобрести его *во Христе; т. е.* во имя Того, Кому он безраздельно посвятил свою жизнь. И в Нем он приобрел *все*, не думая об этом "всем", а только об Евангелии. Но этот Единый просветляет, освещает все. Отсюда — из подвига отречения от своей самоустраемленности, — *радость*, уже теперь просветляющая и преображающая в лучах присутствия Божия, в лучах *подвига Христова*, и любовь к ближнему, особенно страждущему, к ищущему помощи ближнему, и ко всей природе — к животному, даже растительному миру, даже к миру неорганическому, неодушевленному — камням, ветру, огню, солнцу. Ибо "они приносят весть о Тебе, о Высочайший!"²⁹

Вся тварь для Франциска жива и близка его сердцу: он проповедует не только птицам, но и цветам. Скалы и леса, нивы и виноградники, сады и источники призывает он к восхвалению Господа. Он заботится о пчелах и ласточках, он разговаривает с "сестрой цикадой" и "братом фазаном", мало того - "даже по камням ступает он с благоговейным трепетом из любви к Тому, Кто называется Камнем Краеугольным" (*super petra etiam dum ambularet, cum magno timore et reverentia ambulabat*)³⁰, а червяка бережно снимает с дороги, чтобы не раздавила его нога пешехода: "*circa vermiculos etiam nimio flagabat amore*" — даже о червях он пылал чрезмерной любовью, - говорит его древний биограф.³¹

Даже и несовершенное, суровое и злое в природе, и грех в человеке не является препоной для любви Франциска, не затемняет для него образа Божия, живущего в человеке, сияния Божества, которым полон мир и которое всех нас делает членами одной семьи — братьями и сестрами в Боге. И эта сила любви есть вместе с тем просветляющая и духовно восстанавливающая сила: ею побежден свирепый "брат волк", этим безмерным порывом любовного смирения смущены и покорены одичавшие и озверевшие разбойники и увлечены вместе с Франциском, по примеру его, многие и многие грешные сердца на подвиг следования Христу. Суровые силы природы смягчаются и просветляются, прикасаясь к его внутреннему свету, побежденные, зараженные той же любовью." И не удивительно, если огонь и другие неодушевленные твари - так читаем в воспоминаниях его учеников - порой повиновались ему и чтили его, ибо, как мы, бывшие с ним, сами часто видали, он до такой степени исполнялся любовью к ним, так услаждался ими и таким состраданием и жалостью к ним бывал подвигнут дух его (*ipse tantum afficiebatur ad eos et in eis tantum delectabatur et circa ipsos tanta pietate et compassione movebatur spiritus ejus*), что он не мог видеть, чтобы с ними обходились неуважительно. И он так беседовал с ними, охваченный изнутри и извне ликованием, как будто бы они были разумными, и вследствие сего часто бывал восхищен к Господу в духе".³²

Все живые существа с доверчивой любовью идут к нему: птицы жадно слушают его проповедь и ждут его благословения, цикада садится на его руку и, по его приглашению, радостно поет свою хвалу Господу; птичка укрывается в его: руках и не хочет улетать; рыба, пойманная, которую он выпускает обратно в воду, играет около него в воде и не уплывает, покуда он не благословит и не отпустит ее; дикий зайчик ластится к нему, прыгает к нему на грудь под складки его одежды и не хочет с ним расстаться. А перед его смертью слетается огромное множество ласточек, которых он любил и о которых так заботился при жизни, и, кружась над крышей дома, в котором лежал умирающий Франциск, сладостной песней как бы прославляют Господа. Ибо вокруг Франциска, как и вокруг других великих святых, создавалась уже новая психологическая атмосфера, *новая среда*: среда обновленного существования, радостного восприятия *иной, повышенной и преображенной действительности* — дыхания Вечной Жизни. "Поэтому — так рассказывает нам близкий ученик его — мы, бывшие с ним, видели, как он внутренне и внешне ликовал по поводу всех почти творений, до такой степени, что при прикосновении к ним или созерцании их дух его, казалось, был не на земле, а на небе".³³ И из уст Франциска изливается восторженный гимн восхваления. Просветлен весь мир, все твари, и вся жизнь, даже испытания и страдания жизни, ибо все есть повод к благодарению и прославлению Бога: "Благословен Ты, Господи, за тех, что прощают из любви к Тебе и переносят немощи и скорби"; просветлена и самая смерть: "*Laudato si, Monsignore, per sora nostra morte corporate*" (*Cantico del Sole*) — "Благословен Ты, Господи, за сестру нашу телесную смерть".³⁴ Ибо, охваченный любовью ко Христу — единым содержанием и центром всей его внутренней жизни - Франциск в Нем воспринял мир, и братьев, и все твари, и

всю жизнь, и самую смерть, переживая заново слова ап. Павла: "Для меня жизнь - Христос и потому самая смерть - приобретение" (Флп 1. 21).

Характерна, так как она указывает на самые основные глубины жизни Франциска, следующая черта, приведенная в его биографии: "Он никогда не мог слышать выражения *любовь Божия* без того, чтобы не пережить какое-то внутреннее изменение: ибо, услышав их, он был как бы внезапно возбужден, приведен в движение, воспламенен, как если бы внутренние струны его сердца были приведены в звучание". "Сколь должны мы — так говорил он — возлюбить любовь Того, Который столь возлюбил нас".³⁵

"Поэтическая непосредственность", почти "наивно-народная" свежесть восприятия (под этим углом некоторые исследователи и писатели были склонны — иногда довольно однобоко — воспринимать жизнь св. Франциска), и вместе с тем - огромная мудрость и зрелость духовная, несокрушимая энергия и радостная суровость подвига, простота (но глубокая, основная, вытекающая из чистоты сердца и высоты духовной) и смирение, любовь Божия, охватившая его существо и изливающаяся на окружающих, преображение творения в лучах Божиих — все это вытекает из укоренения всего религиозного опыта Франциска в снисшедшем на землю Сыне Божием.

6

Третье лицо, на котором я хотел бы вкратце остановиться, — живший на рубеже 17-го и 18-го веков *Герхард Терстееген* (1697-1769). Протестантский мистик и слагатель духовных песнопений, некоторое время затворник, религиозный созерцатель и писатель, и одновременно ремесленник, почти безвыходно сидевший в своей комнате и занимавшийся плетением шелковых лент (соединяя эту работу со сосредоточенной молитвой и богомыслием), а потом по прежнему мистик и созерцатель, но при этом и миссионер и проповедник. В этом — все главное изменение внешнего облика его жизни в эпоху его зрелости: сначала затворник или полу-затворник, потом проповедник. Но в основе обоих периодов лежит сосредоточенная духовная жизнь. Дух этого созерцания выразился в его гимнах (некоторые из них принадлежат к лучшим молитвенным и литургическим перлам немецкого протестантизма).

В религиозном опыте Терстеегена, запечатленном в его гимнах, соединяется чувство *трепета* перед превозмогающим Присутствием Божиим и Его несказанным величием с жадной все большего общения с Ним, с молитвою о все большем единении с Ним: чтобы Господь вселился в сердце мое и царствовал в нем. Терстееген особенно подчеркивает мир, тишину, смирение, *смирненную простоту* души, которая предает себя и все силы свои и волю свою в руки Господа. Он на опыте пережил истинный смысл этих слов Крестителя о Христе: "Ему подобает расти, мне же — у маляться" Ин 3. 36). Это "умаление" мое соответствует росту Его присутствия во мне. Эта основная черта христианской мистической жизни хорошо изведена Терстеегеном, который с радостью и смирением и детским упованием и дерзновением склоняется в прах перед Владыкой и Господом.

"Присутствие Божие!" (Gott ist gegenwärtig!) — так начинается один из самых знаменитых гимнов Терстеегена: "Предстанем с трепетом пред лице Его. Господь посреди нас! Пуст все умолкнет, с умилением склонимся перед Ним... Придите, предадим себя Ему всецело.

Господь здесь, среди нас - Тот, Которого херувимы денно и ночью воспевают, склонившись перед Ним. "Свят, свят, свят!" - так восхваляют Его ангельские хоры.

Gott ist gegenwärtig; Lasset uns anbeien
 Und in Ehrfurcht vor Ihn treten.
 Gott ist in den Mitten. Alles in uns schweige
 Und sich innigst vor Ihm beuge.
 Wer ihn kennt,
 Wer ihn nennt,
 Schlag die Augen nieder!
 Kommt, ergebt euch wieder!

"Господи, приди и вселися в нас... Да станет душа моя обителью Твоею... Дай, чтобы, где бы я ни был, я постоянно видел Тебя пред собою и склонялся перед Тобой".

Wir entsagen willig alien Eitelkeiten,
 Aller Erdenlust und Freuden.
 Da liegt unser Wille, Seele, Leib und Leben,
 Dir zum Eigentum ergeben.
 Du allein,
 Sollst es sein —
 Unser Gott und Herre.
 Dir gebührt die Ehre.

 Mache mich einfältig, innig abqeschieden,
 Sanft und still in Deinem Frieden.
 Moch mich reinen Herzens, dass sich Deine Klarheit
 Schauen mag im Geist und Wahrheit.
 Lass mein Herz
 Ueberwärts,
 Vie ein Adler schweben
 Und in Dir nur leben.

 Herr, komm in mir wohnen, lass mein Geist auf Erden
 Dir ein Heiligtum auch werden!

 Wo ich gen,
 Sitz und steh,
 Lass mich Dich erblicken
 Und vor Dir mich bücken!

Терстееген изображает и драму искания души, и ещё более искание нашей души Господом Богом. Он зовет; неужели мы не услышим Его? Он стучит в двери нашего сердца. Неужели мы не откроем их Ему? Еще не поздно.

Душа не хочет отозваться на Его зов. Она боится на себя взять Его легкое иго; я все еще медлю и торгуюсь,

Но Он зовет, Он ждет, Он у порога сердца моего. Господи, я иду. Твоя благодать побеждает. Будь всегда моим Господом и Владыкой. Прими меня, о Милосердие

бесконечное. Держи меня крепко, чтобы я Тебя не покинул. Царствуй надо мной. Веди меня, куда Ты захочешь.

Gott ruhet noch. Ob ich mein Ohr verstopfet?
 Er stehet noch an meiner Tür und klopfet.
 Ei ist bereif, dass Er mich noch empfang.
 Er wartet noch auf mich — wer weiss, wie lang.

 Gott locket mich: Nun länger nicht verweilet.
 Gott will mich ganz: nun länger nicht gefeilet.
 Fleisch, Welt, Vernunft — sag immer, was du willst,
 Meins Gottes Stimm mir mehr als deine gilt.
 Ich folge Gott, ich will ihm ganz genügen.
 Die Gnade soll im Herzen endlich siegen.
 Ich gebe mich. Gott soll hinfort allein
 Und unbedingt mein Herr und Meister sein.
 Ach, nimm mich hin, Du Langmut ohne Masse,
 Ergreif mich wohl, dass ich Dich nie verlasse!
 Herr, rede aus, ich geb bequiefich acht.
 Führ, wie Du willst, — ich bin in Deiner Macht.

В центре религиозной жизни Терстеегена стоит, конечно, молитвенное обращение к Господу Иисусу, молитвенный диалог с Ним. "Сила любви Твоей освободила меня, чтобы я Тебе отныне служил. Ты цари во мне, Ты наставляй сердце мое — моих собственных сил еще не хватает. Вниди ко мне, о мой Господь!"

Ach, wann wird mein Herze frei
 Ueber Alles sich erheben
 Und in reiner Liebestreu
 Nur von Dir abhängiq leben
 Abgeschieden, willenlos,
 Von mir selbst und allem blos.
 Komm, du lang verlanqte Stund,
 Komm, Du Lebensqeist von oben!
 Ach, wie soll mein froher Mund,
 Jesu, Deine Treue loben,
 Wenn mich Deine Liebesmacht
 Dir zu dienen freigemacht!

 Eiqnes Wirken reicht nicht zu.
 Du musst selbst die Hand anlegen.
 Ich will still sein, wirke Du,
 Dämpfe, was sich sonst will regen.
 Kehr zu meiner Seele ein,
 So wird mir geholfen sein.
 (Гимн: Mein Erlöser, schau doch...)

Вся основа его веры и его духовной жизни выражена Терстеегеном в знаменитом его гимне *Für Dich sei ganz mein Herz und Leben* (Тебе да будут посвящены все сердце и вся жизнь моя). Он поклоняется "Могуществу Божественной Любви, раскрывшейся в Иисусе". Вместо того, чтобы думать о себе самом, он предпочитает "мыслью погружаться в море Любви Божественной". Пусть сладостное имя Иисуса будет

запечатлено в глубинах его души, во всей жизни его! Он жаждет жизнью своей в простоте и смирении свидетельствовать о Господе своем.

Вспоминаются, читая некоторые из этих мистических гимнов, изумительные молитвы перед Причастием св. Димитрия Ростовского: "Вниди, Свете мой, и просвети тьму мою! Вниди, Животе мой, и воскреси мертвость мою! ... Вниди, Царю мой, сяди на престоле сердца моего и царствуй в нем. Ты бо еси Царь мой и Господь"; и еще: "Величие души моя, радование духа моего, сладосте сердца моего, сладчайший Иисусе! Буди со мною везде и неразлучно выну, и меня всесилою Твоею десницею удержи с Тобою и в Тебе!"

Жизнь Терстеегена - тихая, но очень деятельная при этом, соответствовала основным тонам его религиозного песнотворчества. Предание себя, воли своей, своих каждодневных занятий, своих чувств, всей жизни своей в руки Божий, не только в смысле "работы во славу Божию", но в смысле *подчинения себя* и воли своей воле Божией, в смирении и трезвенности, — этому Терстееген учит и примером жизни своей и своей миссионерской деятельностью.

Терстеоген был подлинным христианским мистиком, смиренным и трезвенным. У него часто встречаются тона смиренного и послушного предания себя в руки Небесного Отца. Вдохновляющий центр его религиозной жизни — общение его с Господом Иисусом, покоренность его, захваченность его любовью Господа Иисуса. Он издал собрание мистических писаний Западного христианства (желая познакомить с ними протестантский мир, который в лице своих "правоверных" теоретиков отвергал мистический опыт), и этому сборнику он предпосылает следующее "Обращение к Господу Иисусу Христу" (Zuschrift dem Herrn Jesu Christo). "С преклоненной душой (mit gebücktem Geiste) и с детским дерзновением (kindlicher Zuversicht) приношу я Тебе в этой книге то, что всецело Тебе принадлежит (was ganz Dein ist)" — эти примеры и свидетельству святых Твоих, которые все, что они суть, суть только через Тебя (alles was sind, allein durch Dich sind), и во славу Твоего преизбыточествующего милосердия (Deiner überschwänglichen Mildigkeit). Ты соединился с ними, Ты жил в них — поэтому и только поэтому они жили в святости. Восхваляя их, я только восхваляю Твои дары. Все подвиги, все добродетели, все познания, вся благодать, все чудеса, которые мы видим у них — только дары Твоей благодати"...³⁶

"Всецело жить для Бога", пишет он в другом месте; вот — истинный секрет внутренней или мистической жизни. Он часто говорит о внутреннем молчании, о внутренней "отрешенности" (Abgeschiedenheit)³⁷, и это сближает его с "исихастами" Православного Востока. Это - не инертный квиетизм, а молчаливая напряженность, трезвенность духа и молитвенная сосредоточенность на Господе Иисусе, стремление жить в Нем, для Него, и проповедовать и свидетельствовать о Нем и о новой жизни, открывающейся нам в Нем. Отсюда и его глубокое и искреннее почитание всех истинных служителей Христовых, к какой бы части христианского мира они ни принадлежали.

Нет возможности и не имеет смысла даже пытаться перечислить все духовные сокровища, данные Православной Церкви в святых и праведниках ее. Сияние их облика очень велико, оно прошло через многие столетия и всевозможные перемены и народные катастрофы; оно доныне живо во многих сердцах. Они - наставники наши, ведущие нас к Богу в трезвении, горении духовном, смирении и активности, в

собранности внутренней, в мудрости духовной, соединенной с истинной евангельской простотой сердца, в тишине кроткого духа, в смиренной любви. Из бесчисленного сонма прославленных святых Православной Церкви остановлюсь на одном, сравнительно близком нам по времени, о котором имеется такое умиленное и вместе с тем такое живое в его житейских подробностях жизнеописание, на св. Тихоне Задонском, по запискам его келейника Чеботарева. Поражают простота, человечность, так сказать, психологическая "досягаемость" этого образа св. Тихона и, вместе с тем, подлинность его и свет духовный излучаемый им здесь, и напряженная молитва и помощь ближнему, активная до самозабвения, и ласковость и глубокая простота духа и смирение и внутреннее стояние перед Богом. Вот, что пишет Чеботарев:

"Ночи он имел привычку провождать без сна, а ложился на рассвете. Упражнением его были в ночное время молитвы с поклонами, но при том не хладные молитвы были, но самые горячие, от сокрушенного сердца происходили, так что иногда и гласно вопиял он: "Господи, помилуй! Господи, пощади!", и присовокуплял еще: "Кормилец, помилуй!". Сам же главою ударял о пол. Все же сие происходило в нем от великого внутреннего жара И любви к Богу. Но также в самую полночь выходил в переднюю келию, пел тихо и умиленно псалмы святыя. Замечательно, когда он был в мрачных мыслях, тогда пел псалом: "Благо мне, яко смирил мя еси", и прочая. Когда же в ведренных мыслях, пел псалмы: "Хвалите Господа с небес", и прочие утешительные псалмы, и всегда со умиленными слезами и сердечным вздыханием... В толшевском монастыре в полунощное время один около церкви обхаживал и перед всеми дверьми с коленопреклонением молился и горячо слезы проливал, чего я зрителем бывал".

Так и молитвенную жизнь великого Оптинского старца Макария (1788-1860) изображает нам его биограф, один из учеников его по Оптину:

"По временам старец приходил в состояние духовного восторга, особенно при размышлении и беседе о неизреченных судьбах Промысла Божия, Его великой и присносущной силе и Божестве; тогда запевал он одну из своих любимых церковных песен, как, например: "Покрываяй водами превыспренная своя, полагаяй морю предел песок" (ирмос на Рождество Богородицы), или песнь, в которой с такой глубокой силой и вместе краткостью выражено таинство Святой Троицы: "Придите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся", и прочая. В Великий Четверг сам певал посреди церкви песню: "Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный..." , и как певал! Казалось, что слово "вижду" имело в устах его прямое значение и что пение выражало лишь то, что на самом деле видели его душевные очи. Старческий голос дрожал от волнения чувств, слезы катились по бледным ланитам, и сердца слушающих проникались умилением..." ³⁸

Подвиг любви св. Тихона Задонского с трогательной простотой описан тем же Чеботаревым; его сила сострадания, его ласковость к людям, его активная щедрая и продуманная помощь, которая многих пострадавших от тяжких бедствий (пожара, неурожая и т. п.), ставила опять на ноги, его смиренная любовь.

"Он с охотой внимал Гласу вопиющих к нему: питал сирот и беззащитных, милосерд был к нищете и убожеству; словом, он все раздавал, как-то деньги, кои из казны получал, и что привозили к нему старшины донских казаков; также из городов Воронежа и Острогожска благородные и купцы богатые присылали немалое количество денег, но он не только деньги, но и самое белье раздавал, а оставалось лишь то, что на себе имел, и хлеб, который посылали благодетельные господа

помещики, но и того еще доставало: он покупал и раздавал. И одежду, и обувь получали от него бедные и неимущие, для чего покупал он шубы, кафтаны, холст, а иным хижины покупал, иным скотину, как-то: лошадей, коров, и оными снабждал их. Мало сего, даже и деньги занимал. Когда все раздаст, скажет мне: "Пойди, пожалуй, в Елец и займи денег у такого-то купца; я отдам ему, когда из казны получу, а теперь у меня нет ничего; вот приходит бедная собратия ко мне, и отходит без утешения; жалко мне и смотреть на них". Иногда и то бывало, что приходящему бедному и откажет, но только расспросит, откуда и какой человек; на другой день приходил в сожаление, призовет меня и скажет: "Вчера отказал я такому-то бедному; возьми деньги, пожалуй, отнеси ему — так, может быть, и утешим его". И всем бедным, приходящим к нему, весьма удобный был приступ. Смирennemудрие в нем было удивительное: из приходящих поселян стариков сажал при себе и с ними ласково и много разговаривал о их сельской жизни и, снабдя их нужным, отпускал их радостными. Также близ монастыря живущих экономических бедных крестьян, а паче вдов и сирот, он на своем коште содержал, и за них подушные и прочие казенные подати платил, хлебом кормил и одеждами одевал их; словом, во всех нуждах помогал им. Знаменательно было: в который день приходящих бедных более бывало у него и когда больше раздаст денег и прочего, в тот вечер он веселее и радостнее был; а в который день мало или никого не было, в тот день прискорбен был... Также и прохожие, на работу идущие крестьяне в случае, если иной из них дорогой заболит, у него спокойное пристанище обретали. Он сам успокаивал их, даже свою подушку и колпак приносил им, и пищу понежней приказывал готовить для них, чаем раза по два и по три на день сам поил их, по часу и более сидел подле них и ободрял их приятными и благоразумными разговорами. Некоторые из них умирали: он христианское и сострадательное попечение имел о них, чтобы больного напутствовать святыми Тайнами, при таких случаях сам присутствовал и при погребении бывал. А которые выздоравливали, отходили в путь с награждением, куда кому следовало".³⁹

В какой простоте и с какой непосредственностью это делается и как эта простота высока духовно!

Сонмы святых и праведников христианских окружают нас на протяжении веков с самого начала проповеди христианства. Они - живой ответ на эту проповедь, семена ее, взошедшие обильно и принесшие многократный плод. Они поэтому — живое доказательство для нас, что есть сила Божия, преображающая нашу немощь, что есть Божественная Действительность, ибо не из себя эти праведники и святые живут, а из Божьей силы. Вот почему Православная Церковь (как и Католическая) такое большое значение придает святым, существованию святых: все дары благодати, которые они получили, - Божий, Божие достояние, не их, святых, собственность, но они свидетельствуют нам о Боге, они сами стали живым достоянием Божиим, *Его* слава и сила сияют в них — в терпении, унижении и радости - и они зовут нас к Нему. Недаром это понял и один из духовных руководителей французского протестантизма, пылающий духом Евангелия, Вильфрид Моно (Wilfred Monod). В своей вышедшей в 20-их годах этого века книге *La nuée des témoins* (Облако свидетелей) он развивает на ряде примеров — некоторых, взятых из близких нам времен, мысль высказанную в Посл. к Евреям: "Окруженные таким *облаком свидетелей*, будем и мы с терпением проходить нредтоящее нам поприще" (Евр 12; срв. 11. 40). Все более теперь и многие представители протестантского мира начинфют понимать великое значение святых и святости, как живых свидетелей о Боге из среды братьев наших. "Так да просветится свет ваш перед людьми..." - эти слова Христовы, несмотря на все крайнее смирение

святых, осуществляются ими в их жизни. Святые вместе с тем... ведут нас к единству.⁴⁰

Живая проповедь, живое свидетельство, живое подлинное миссионерство, это свидетельство праведностью, горением духовным и служением любви во имя Того, Кому эти святые и праведники отдали свою волю и свою жизнь.⁴¹ Вот великий дар Божий, данный Церкви — пример и закваска и начаток. Единение придет через рост в святости, рост в смирении, в сознании, что мы ничего не имеем своего из духовных благ и что все от Него, через рост в следовании за Ним. Святые - наши руководители на пути к соединению. Это - путь органический, путь царский, охватывающий всю жизнь через рост духовный, через преодоление "ветхого человека" силою Христовою. Не моей силой, а *Его*; не силой святых, а силой *Его*, действующей особенно в святых и через святых. Это есть путь Церкви, как великого, живого Целого, растущего при взаимной связи и поддержке ее членов, по направлению к Главе — Христу (Еф 4. 15, 16). Единство дается нам *динамически*, силою Духа Божия, обновляющего и преображающего нас.

8

Но единство во Христе не только дано святым, оно начинается уже с грешников, обращающихся к *Одному* Господу, жаждущих *одною* спасения через Него. "Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый" — такими словами ап. Павел (1 Тим 1. 15) описывал великую тайну спасения. Для осуществления этой тайны Христос пришел на землю; она начала уже захватывать мир. Среди грешных, недостойных, слабых людей (мы все недостойные и слабые) уже начался процесс *спасения* силою Христовою, силою Креста Его, через обращение взора души к Нему с верой и надеждой, и действие Духа Его в нас. Мы — грешные, но все же уже объединены начавшейся в нас новой жизнью, объединены Им, на Которого мы уповаем — общим единым Спасителем нашим, и новой жизнью Его, жизнью Духа Божия, в которую мы еще начинаем вращать (и ушедшие вперед братья наша святые указывают нам путь, помогают нам). Милосердный Господь, подающий нам руку спасения, объединяет нас с Собою, даже уже в начале процесса и через это друг с другом.

В этом - тайна Церкви: то, что каждому из нас отдельно дано лишь "в начатке", предносится нам - присутствие Духа Божия дано в Церкви и увлекает нас все выше и глубже - к грядущей полноте единения с Ним и братьями. Поэтому довольно забытая было в протестантизме тайна Церкви так стала в центре внимания протестантских богословов за последние 40-50 лет. Это оплодотворило богословскую мысль и пробудило во многих чувство благоговейного созерцания великой Тайны Божией, предначертанной и осуществляемой в Церкви. Осуществление тайны Церкви - благодатный рост всех членов Тела в гармонической согласованности друг с другом в направлении к Единому Главе — Христу (Еф 4. 12-16) есть вместе с тем и основа истинного единения христиан; ибо осуществляется оно *динамически*.

Семена этой новой действительности в Нем уже рассеяны, разбросаны в различных областях нашей жизни и уже начинают приносить плод.

* * *

Я хотел бы здесь сказать несколько слов об объединяющем нас уже и теперь идеале христианской семьи, и о начатках его осуществления в той истинно

христианской семье, которая действительно и благодатно осуществляется в самых различных веках и частях христианского мира, несмотря на волны нравственного разложения, заливающие мир.

Христианская семья — русская, немецкая, французская, итальянская, православная, католическая, протестантская, англиканская — она существует и нередко подает пример истинно-христианского служения и объединяет пас христиан - единством духа, сходством традиции, единством вдохновения, несмотря на разность христианских вероисповеданий. И прежде всего объединяет нас *образ христианской матери*, ведущей своих детей ко Христу, к участию в жизни Христовой. Что и теме я посвящаю отдельный очерк этой книги.

Святыня очага - не только христианская святыня. Она святыня общечеловеческая; и осуществляется она божественной силой в глазах верующего, христианина и иехристианина. Мы видим это па примере патриархального религиозного уклада старо-индусской (живой и поныне), старо-китайской, древне-римской и древне-греческой семьи." Боги очага" - какую огромную роль они играют в древне-римском и древне-эллинском благочестии! Об этом говорят нам, напр., стихи Тибулла или древне-эллинские молитвы, посвященные очагу; сила отцовского и материнского проклятия; атмосфера присутствия в доме таинственных божественных сил при семейных трапезах и особенно при вступлении молодой нареченной супруги в дом мужа, а также в первую брачную ночь и при рождении ребенка. Эти элементы природной, естественной святости семьи и семейных устоев, которыми полна, напр., античная древность и в еще большей степени религия Ветхого Завета, где такую большую роль играет — гораздо более значительную, чем проклятия - благословение сыновей отцом во имя Божие, с устремлением вперед, с ожиданием грядущего откровения величия Божия и полноты владычества Его. Христианское благовестие радикальным образом утверждает эти предпосылки ветхозаветного благочестия. Еще гораздо сильнее, чем Ветхий Завет, христианство провозглашает *освящение всей ткани жизни* не только благословением Божиим, данным отцам избранного народа, и союзом Божиим, заключенным с этим народом, но другим неким, гораздо более глубинным и решающим и преображающим жизни благовестием: о *прорыве Божиим в мир*, в эту нашу плоть, в самую ткань нашей человеческой, земной, мировой истории, в эти наши страдания и нашу смерть, т. е. о прорыве Божиим через подлинное воплощение Сына Божия, Его крестную смерть и Воскресение. Лучами Его воплощения освящается вся ткань жизни." Едите ли, пьете ли — все делаете во славу Божию". "Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает; кто ест, для Господа ест; ибо благодарит Бога... Ибо никто из нас не живет для себя и никто не умирает для себя. Но живем ли, для Господа живем; умираем ли, для Господа умираем... Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы господствовать и над мертвыми и над живыми" (Рим 14. 6-9; ср. 1 Кор 10. 30).

Эти лучи нового смысла жизни, данного нам чрез воплощение Сына Божия, изливаются на христианскую семью и дают ей новое, повышенное значение, делают из нее "домашнюю церковь" (Рим 16. 4), освящают ее (или должны освящать ее) этим духовным динамизмом, этим веянием Духа, не отвергающим земное, а преображающим его. Как Церковь должна быть (и есть) освящением тварного, возрастанием его в новое творение силою Духа Божия, так и малая часть этого великого Тела, - христианская семья, должна преображаться и расти духовно во взаимном служении любви (как и в Церкви).

Здесь я хочу еще раз со всей силой вернуться к тому, с чего мы начали эту главу. Не мы сами объединяемся или соединяемся друг с другом, не нашими усилиями и заслугами - *Он* нас объединяет. В центре христианского религиозного опыта — повсюду, где бы он ни переживался - остается это исповедание ап. Павла: "Верно слово и всякого приятия достойно, что *Иисус Христос пришел в мир грешников спасти, из которых я первый*" (1 Тим 1. 15). В этом дано все, т. е. ключ к единству. Те, кто обращаются к Иисусу Христу, как грешные, молящиеся о спасении, уже объединены с Ним и между собой Его спасающей силою. Не своей молитвой они объединены; Он — Спаситель, Он - и Объединитель, Глава Тела, Единый Пастырь, объединяющий овец Своих, которых Он знает, в единое стадо, овец разных дворов: "Да будет едино стадо и един Пастырь". Не в нас — источник единения, в Нем — источник нашего единения, совершаемого, подготовляемого, растущего в нас силою Его, но уже данного нам в Нем, Господе и Владыке, в Отце, Сыне и Духе, создающем и ведущем Церковь Свою.

Глава шестая

Величие в смирении и унижении *Христоцентрическое благочестие средневековой* *Запада.*

1

"О смиренная высота! О возвышенное смирение!" Эти, Уже цитированные нами, слова св. Франциска Ассизского, Посвященные Таинству Евхаристии⁴² выражают самую интимную, основоположную суть христианского благочестия Средних Веков - то, чем оно жило и вдохновлялось не Только на своих вершинах, но и в вере бесчисленных масс Простых людей (где оно, конечно, часто переплеталось с различными видами механизации веры, а подчас и заглушалось ими, что, впрочем, встречается в истории религиозного чувства, как постоянная опасность - не только на средневековом Западе). Но есть некоторый основной фон, Некоторые основные источники религиозной жизни, которыми живет и благодатно питается и народная душа (хотя бы в своих устремлениях, воздыханиях и молитвах), как и жизнь праведников и святых.

Я хотел бы остановиться на двух или трех особенно важных и характерных проявлениях христианского благочестия западного средневековья, которые, конечно, очень близки по духу аналогичным проявлениям христианского Народного благочестия и Востока. Это во-первых: *ощущение близости Божественной, освящающей и просветляющей Жизнь*. Мы знаем, как остро порою ощущалась в Средние Века близость темных сил, врывающихся в жизнь человека. Много говорится в проповедях и поучениях о необходимости постоянной борьбы человека, при содействии Божиим, с силами зла и этот динамический призыв к духовной стойкости, духовному мужеству человека и нравственной борьбе с силами зла и греха есть неотъемлемая часть христианской проповеди с самого ее начала повсюду, куда бы она ни проникала.

Слова ап. Петра о том, что диавол ходит вокруг нас, как лев рыкающий, ища кого поглотить, и тона мужественного подвига, призыва к подвигу, которым насыщено все благовестие (см., напр., Еф 6), глубоко вошли в сознание христиан, вошли неисключимым элементом в христианское благочестие и Востока и Запада. Примером

мужественного, иногда сурового, подвига духовного полна история христианского благочестия и христианской святости, как на Востоке, так и на Западе.

Но могли быть и aberrации и искажения в этой основоположной христианской тональности призыва к подвигу и к духовной борьбе с силами зла. В Средние Века на Западе - и не только на Западе⁴³ - нередко встречается некоторое чувство религиозной "запуганности" некоторое омрачение мирозерцания - не как общее правило, не как общее настроение, конечно, но как один из элементов религиозной жизни, игравшей некоторую, иногда значительную, роль в окраске мирозерцания. Страх перед демонскими силами, представление о присутствии их повсюду в нашем окружении, в природе, омрачение лика природы, иногда однобокое представление о ней — и даже о красоте твари — как области не только присутствия, но и господства темных сил, встречается в Средние Века довольно часто. Нельзя по этим крайним выражениям религиозного пессимизма, принимающего иногда — можно сказать — ярко дуалистический характер, воссоздавать общую картину "мрачного мирозерцания" Средних Веков, как это делалось часто в 19-ом веке.⁴⁴ Это было бы просто неверно, или - вернее - крайне однобоко, но все же невозможно обойти молчанием эти не только суровые, но подчас и мрачные тона, это чувство "метафизического страха", подчас охватывавшего людей и являющегося несомненно одним из элементов столь сложного и исполненного контрастов "мирозерцания Средних Веков".

Христианское благовестие может быть воспринято — и было воспринято - самими простыми, самыми смиренными, самыми неучеными людьми. Христос распятый (и воскресший тоже!) был с самого начала и остается и в наше время "для иудеев соблазном и для эллинов безумием" и открывался для "призванных иудеев и эллинов", как "Христос, Божия Сила и Божия Премудрость" (1 Кор 1. 24). Простым сердцам раскрывались глубины Божии, глубины бесконечного снисхождения и самоотдания Его любви. Ибо что может разум человеческий перед величием бесконечной Тайны? и что может гордость человеческая перед безмерным, потрясающим и покоряющим смирением Бога? И сердцам "призванных" (1 Кор 1. 24), людей ученых и неученых, всякого звания, всякой культуры, всякого положения, сердцам смиренным и трепетным, ищущим Бога, раскрывались эти побеждающие глубины Смирения Божия. Ибо тем, кто "нищи духом", тем, кто чисти и просты сердцем, тем, кто подобен детям, открывается Царствие Божие, согласно Новому Завету. И простота эта зависит не от присутствия или отсутствия очень ценного по себе человеческого знания. Перед этими раскрывающимися глубинами снисхождения Божия смиряется человек и все становятся равно бедными и неимущими и немощными. Так чувствовали Средние Века, так чувствовало христианство не только в Средние Века.⁴⁵

И тогда и теперь было *религиозное чувство, религиозное томление верующего народа*, которое искало и находило себе удовлетворение различными путями. Прежде всего, может быть, в богослужбной красоте; Но также и в сознании близости к нам Господа нашего и Сил Небесных, — близости, проникающей и в повседневную жизнь человека, особенно в минуты горя и нужды — сознание близости к нам Господа в брате *нашем*, нуждающемся, требующем помощи.

Ощущение близости Божественного, насыщенность этим ощущением — нот впечатление, которое получается от ряда памятников средневековой письменности, рисующих нам религиозные переживания и ощущения, как в избранных

монастырских, так и в широких народных кругах (часто эти два слоя тесно связаны друг с другом). Вспоминаются слова св. Бенедикта Нурсийского (480-547), отца западного монашества; в его монашеском уставе (Regula): *Ubique credimus divinam esse praesentiam... maxime tamen hoc sine aliqua dubitatione credamus, cum ad Opus divinum adsistimus.* — "Мы верим в Божественное присутствие повсюду, но особенно без малейшего сомнения должны мы верить в него, когда участвуем в божественной службе".⁴⁶ Целый ряд благочестивых рассказов вводит нас в это религиозное мироощущение средневекового человека, особенно группирующиеся вокруг центрального таинства Церкви - таинства Евхаристии. Вот - монахиня Катаринтальского монастыря (St. Katarinental) в Южной Германии, проходя зимой через снежное поле, услышала издали звон Монастырского колокола, извещающего о возношении (elevatio) священником Освященных Даров, и преклоняет колена. И что же? На том месте, где она склонила колена, тут же, в снегу, зазеленела свежая трава.⁴⁷ Один из самых поразительных, по-моему, благочестивых рассказов Средневековья связан одновременно и с почитанием Матери Божией и таинством Евхаристии. Вот он в передаче французского каноника Gautiet de Coincy, автора знаменитого сборника стихотворных рассказов на старо-французском языке 14-го века: *Les miracles de la Sainte Vierge* (Чудеса Пресвятой Богородицы).⁴⁸ Бедная старушка умирает в страшной нищете, брошенная людьми. Даже священник, который все внимание свое посвящает богатому ростовщику, рассчитывая на наживу, отказывается прийти ее причастить. Но добрый диакон сжалился и идет к ней со Святыми Дарами. И видит он — лачужка вся озарена нездешним светом, у изголовья старушки сидит сама Мать Божия, окруженная двенадцатью девами райской красоты. Мать Божия, склонившись над умирающей, сама тонким платком, "белейшего, чем лилия", полотна вытирает предсмертный пот с ее лица. Диакон так испугался, что чуть не повернул назад, но кротко рукой поманила его Мать Божия. И вот, "когда с великим смирением он подошел к постели, Мать Божия и Ее девы, столь благостные и прекрасные, быстро встали со своих мест и смиренно пали на колени перед Телом Господа":

La	Mére	Dieu	et	Ses	puelles
Qui	tant	sunt	avenans	et	beles
Levées		sunt			instantamént
Si		s'agenonillent			humblement
Contre le cors du Sauver...					

Жизнь Церкви и вера Церкви, ветрена отдельных душ и всех, объединенных общей церковной молитвой, братьев с Господом, грядущим в Таинстве, является решающим и на Западе и на Востоке. Вокруг этого опыта Церкви разрастается веноч трогательных сказаний и произведений религиозного искусства.

Для евхаристического благочестия католического Запада сыграл большую роль праздник Тела Господня, учрежденный в 13-ом веке (1264 г.). Наблюдавший этот праздник в католических странах, напр., в Баварии, Тироле, Бельгии - знает, с каким молитвенным порывом и горячей верой широкие круги народа склоняют колена перед пронесимыми Дарами. Целая широкая отрасль церковного искусства — простые или украшенные драгоценными камнями евхаристические чаши, часто высокохудожественной работы, разные рельефные сюжеты, сияющие яркими красками — на драгоценных миниатюрах рукописей или на цветных стеклах соборов — символы, напр., Пеликана, питающего своих детенышей собственною кровью, и т. д.⁴⁹ - порождена этим евхаристическим благочестием.

Поучительны исполненные молитвенного трепета литургические созерцания, напр., Франциска Ассизского в его *Словах наставления* - *Verba admonitionis*: "Вот он предивно смиряется и подобно тому, как с Престола Царствия сошел Он в девичью утробу, так Он ежедневно Сам приходит к нам в смиренном обличий; каждый день нисходит Он из недр Отчих на алтарь в руки священнослужителя" (*Ecce quotidie humiliat se, sicut quando a regalibus sedibus venit in uterum Virginis, quotidie venit ad nos ipse humilis apparens, quotidie descendit de sinu Patris super altare in manibus sacerdotis*).⁵⁰

Евхаристическое благочестие верных и особенно святых и праведников, вытекающее из основоположной новозаветной традиции — из прощальной Трапезы самого Учителя и Господа, и игравшее такую огромную, центральную роль в жизни Церкви с самого ее начала (см. Деяния Ап., 2. 46; 20. 7-11; и евхаристические свидетельства катакомб) евхаристическое благочестие (несмотря на некоторые второстепенные различия в его проявлении) и теперь тесно сближает христиан Православного Востока и Католического Запада (что очень сильно ощущается особенно в это последнее время католиками).

3

Ощущение близости Божественного в нашей повседневной жизни, исполненной забот и тревог, а часто и тяжелых горестей и болезней, и на Католическом Западе (особенно опять останавливаясь на Средневековом Западе с его яркими и подчас глубоко трогательными формами проявления религиозной веры) и на Православном Востоке тесно было связана с почитанием Матери Божией. Близость Матери, Христа неотделима, конечно, от спасительной близости Ее Сына: Она - Заступница перед Ним, Ему - так говорило верующее; чувство и на Западе - как бы приятно, говоря по-человечески, быть умоленным через благую Матерь Свою. Средние Века очень богаты религиозным опытом и религиозными чаяниями верующей души и всей Церкви, связанными с Матерью Препялаго Владыки.

Литература о почитании Матери Божией в Средние Века на Западе так огромна, что есть специальная библиографическая, справочная литература по этому вопросу. Это и понятно: почитание Матери Божией на Католическом Западе играло никак не меньшую роль, чем на Православном Востоке, и принимало самые разнообразные формы. Везде присутствие снисходящей и спасающей близости Божией - через заступничество Его Матери. Об этом говорят многочисленные, часто глубоко трогательные и нередко наивные в своей трогательности рассказы, связанные и с монастырем, и со страданиями и бедами окружающего мира (иногда даже и мира преступников!). Ибо этому снисхождению, по-видимому, нет границ. Если есть покаяние, если есть молитвенный вздох, если есть зов о помощи, если есть зерно веры, хотя бы и несовершенной и непросветленной, то может прийти и помощь. Здесь и спасение через Матерь Божию - даже недостойного, даже преступника (чтобы дать ему время покаяться!) - являются как бы многочисленными вариантами и узорами благочестивого воображения на тему евангельского рассказа о висящем на кресте "благоразумном разбойнике". Эти рассказы составляли различные сборники, переводились с латинского на старо-французский и средне-верхне-немецкий (*mittelhochdeutsch*), итальянский, старо-испанский, старо-английский и португальский и др. языки, переходили из страны в страну Западного мира и читались с увлечением.⁵¹ А некоторые, по-видимому, пелись странствующими слагателями певцами близ больших центров средневекового церковного благочестия.

В уже цитированном сборнике *Les miracles de la Sainte Vierge* описывается как Матерь Божия своим благодным заступничеством спасает людей в самых тяжелых обстоятельствах и бедах, даже и упорных, казалось бы, грешников, если только в их сердце осталась искра веры и если они с упованием и сокрушенным сердцем призывают Ее помощь. Она является, как видение неизъяснимой сладости благочестивому сакристану.⁵² Она склоняется над больным монахом, все лицо которого покрыто ужасными гниющими ранами, и исцеляет его своим матерински сладостным прикосновением.⁵³

Противоположение людских страданий и мук и людского греха неизреченной и умиляющей красоте и благодности Божественного присутствия, не гнушающегося людской немощью, характерно для этих сказаний и всего этого мирозерцания. Даже немного подвыпившего монаха (но в общем благочестивого и смиренного сердцем и усердного в молитве) спасает от злых дьявольских чудовищ, нападающих на него в темных монастырских переходах и коридорах, когда он раз поздно вечером возвращается в свою келию, Небесная Дева дивной красоты.⁵⁴

И природная красота становится носителем, выразителем высшей Действительности, согревается дыханием томления о ней.

Простой, мало ученый, но благочестивый сердцем монах горячо всю жизнь свою почитал Пречистую Матерь Божию. Но он не знал, как восхвалять Ее. В детстве выучили его семь псалмов. И вот он придумал в похвалу Матери Божией постоянно повторять из известных ему семи псалмов пять, начальные буквы которых — оказалось — образуют имя Мария. Другого ничего не мог он придумать за малограмотностью. И что же? После его смерти нашли во рту его пять ярко красных роз, сияющих и пышных, как будто бы их только что сорвали.

Et	quant	Dieu	plout	qu'a	sa	fin	vint,
Moult		biau	miracle		en		evint;
Quar		trouvées		fluent			encloses
En	sa	bouche	V		freaches		roses,
Clerest,		vermeilles		et			foillues,
Come s'ils fussent lors droit coillues... ⁵⁵							

Во рту другого клирика, хотя и недостойной жизни, но покаявшегося перед смертью и в течение жизни, при всех грехах, усердно и слезно молившегося Божией Матери, также нашли благоуханную розу:

Une	rose	fresche	et	nouvelle
Main	tenant	qu'il	le	defouirent
Ttovèrent en sa bouche et virent...,				

Мир, хотя и исполненный злых, темных сил, греха и страдания, начинает уже просветляться прикосновением к иной, Божественной Красоте.⁵⁶

Особенно умилительны и возвышают душу многочисленные средневековые латинские гимны, посвященные Матери Божией. И здесь мы встречаемся с огромной силой воздействия на западный христианский мир знаменитого Акафиста Божией Матери византийского происхождения. Согласно синаксарю с острова Патмоса (9-го века), акафист написан был как благодарственное песнопение в связи с освобождением от осады персов в 626 году при императоре Ираклии. Ряд

современных ученых придерживается этой датировки, другие готовы отнести время сочинения акафиста к еще более раннему времени (6-му веку).⁵⁷ На Западе этот знаменитый акафист Матери Божией стал известен, по-видимому, лишь с 11-го века (в связи, должно быть, с Крестовыми походами) и породил много сходных произведений под названием *hymni saluatorii*, т. е. "приветственные гимны", или просто *salutationes*, или *salutoria*. Профессор католического фрибургского университета (в Швейцарии), доминиканец *Père G. G. Meetiman*, издавший греческий текст акафиста с двумя параллельными переводами - в одном издании с французским, в другом - с немецким - характеризует его в своей вводной статье, как "самый прекрасный, самый глубокий, и самый древний гимн в честь Матери Божией во всей христианской литературе".⁵⁸ Вспомним, напр., эти слова акафиста (который умилял бесчисленное количество православных Людей с древнейших времен, напр., и чеховского монаха — перевозчика в рассказе "Святой ночью", или философа мистика Григория Сковороду в его диалоге *Алфавит или букварь мира*)⁵⁹:

"Радуйся, Высото неудобовосходящая человеческими помыслами!
 Радуйся, Глубино неудобозримая и ангельскими чинами!
 Радуйся, яко еси Царево седалище...
 Радуйся, честнаго таинства дверь! ...
 Радуйся, Звездо являющая Солнце!
 Радуйся, Утробо Божественнаго воплощения! ..."

И еще, напр., указание на безмерное снисхождение и милосердие Божие, которого Она являлась орудием:

"Радуйся, Древо светлоплодовитое, от негоже питаются вернии!
 Радуйся, Древо благосеннолиственное, имже покрываются многие! ...
 Радуйся, во чреве Носившая Избавителя плененным!
 Радуйся, рождающая Наставника заблудшим!
 Радуйся, Судии праведного умоление!
 Радуйся, многих согрешений прощение!..."

И на Западе; особенно с 12-го века, расцветает огромное количество песнопений, восхваляющих Матерь Божию. Особенно известны, напр., гимны Адама de St. Victor (около 1192 г.):

<i>Ave,</i>		<i>Virgo</i>		<i>singularis,</i>
<i>Maier</i>		<i>nostris</i>		<i>Salutaris</i>
<i>Quae</i>		<i>vbcaris</i>	<i>Stella</i>	<i>Maris,</i>
<i>Stella non erratica!</i>				
...
<i>Radix</i>		<i>sancta,</i>	<i>radix</i>	<i>viva,</i>
<i>Flos</i>	<i>et</i>	<i>vitis</i>	<i>et</i>	<i>oliva,</i>
<i>Quam</i>		<i>nulla</i>	<i>vis</i>	<i>insitiva</i>
<i>Juvit ut fructiferet.</i>				
<i>Lampas</i>		<i>Soli,</i>	<i>Splendor</i>	<i>poli,</i>
<i>Quae</i>		<i>splendore</i>	<i>racis</i>	<i>soli,</i>
<i>Nos</i>		<i>assigna</i>	<i>tuae</i>	<i>Proli,</i>
<i>We districte judicat.</i> ⁶⁰				

Но Матерь Божия для верующего сердца теснейшим образом связана с Сыном Своим, и взор верующего не может оторваться от созерцания с любовью и умилением Матери, стоящей у Креста Сына Своего.

<i>Stabat</i>	<i>Mater</i>	<i>dolorosa</i>
<i>Iuxta</i>	<i>crucem</i>	<i>lacrimosa,</i>
<i>Dum pendebat Filius.</i>		
<i>Cuius</i>	<i>animam</i>	<i>gementem</i>
<i>Contristatam</i>	<i>ac</i>	<i>dolentem</i>
<i>Pertransivit gladius.</i>		

По-русски приблизительно так: *Мать стояла в день рыданий, У креста, полна страданий, Когда Сын висел на нем. И душа Ее больная, Вся трепета и стеная, Прободалась острием.* Это величайшее произведение религиозной лирики Средних Веков (Якопоне да Тоди) вдохновлено образом Скорбной Матери, стоящей у креста. Ибо в этом - решающее, в Сыне Божиим, отдавшем за нас жизнь Свою. Это и есть глубокая основа, глубочайший нерв всей веры. Ибо благочестие Средних Веков, несмотря на все пышно разросшиеся формы религиозной жизни (а иногда и пышно разросшиеся суеверия) — прежде всего, как и повсюду в христианстве, христоцентрично.

4

Снисхождение безмерного милосердия Божия в Сыне Его- вот суть христианского благочестия всегда и повсюду, в Средние Века и теперь, на Востоке и на Западе. Образ страждущего Христа доминирует в религиозной жизни Средних Веков, в литургическом благочестии, в жизни святых и подвижников, как умиляющий душу предмет благоговейного и трепетного преклонения, как предмет преданной любви и религиозного томления, как вдохновляющий источник и религиозного искусства и служения людям - неимущим, немощным, несчастным, ибо, "так как вы сотворили это одному из братьев Моих меньших, то Мне сотворили" (Мф 25. 40).

Несравнимость ни с чем образа и имени Христа ясно выражена, напр., тем, что у Данте (в XXXII песне "Рая" ст. 83-87) имя Христа *Cristo*, рифмуется 3 раза только с самим собой и ни с чем другим рифмоваться не должно. Франциск Ассизский всей своей жизнью запечатлел эти слова ап. Павла: "Я решил ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и при том распятого". Средневековое изобразительное искусство, можно сказать, родилось из созерцания смиренной земной жизни Господа Иисуса и особенно Его страдания.

Евхаристический культ Средних Веков, гимн Фомы Аквинского *Adoro te devote, latens Deitas*, рассказы из жизни Франциска Ассизского и многие благочестивые рассказы о том, как Христос открылся сострадательному сердцу, сжалившемуся над нищим и убогим и даже прокаженным, - именно в лице этого нищего, убогого и прокаженного,⁶¹ - все это вытекает из того же корня. И сама Матерь Божия - лишь Матерь пречистая и благая бесконечно благого Сына и Владыки. Конечно, в народном благочестии, особенно в повериях, и Матерь Божия и святые иногда как бы затемняют облик Преполого Спасителя и Владыки. В простонародье (да и не только в простонародье) встречаем ряд поверий, переходящих в суеверия. Но какое время свободно от своих, присущих ему суеверий, возводящих второстепенное и производное в изначальное и основное? И в наше время существуют благородные

сами по себе общественные лозунги, которые стремятся стать на первое место, заменить основное и решающее (и не только в марксистских атеистических странах). Если иногда в простонародном благочестии культ святых мог иногда облекаться в как бы полуязыческие формы в Средние Века, то в настоящее время культ Демократии и Прогресса сходен в известной степени с языческим римским культом Божественного Рима или Божественного Императора. Во все времена опасность подмены существует, но в Средние Века она была бесконечно меньше, чем теперь, ибо тогда это были ошибки эмоции, эмоциональные преувеличения, теперь же это вытекает из резкого сдвига самого мирозерцания.

5

Нет времени ни места дать пройти перед нами галлерею великих учителей и подвижников (тех, которые потом стали святыми Западной Церкви), которые жили и вдохновлялись общением со Христом, учили о Христе, свидетельствовали своей жизнью о Нем. Вот, напр., св. Екатерина Генуэзская, из знатного генуэзского рода и по рождению и по мужу (рожденная Фиески, по мужу Адорна) на Пороге Средних Веков и эпохи Возрождения. У нее происходит мучительная и длительная внутренняя борьба, как у Августина, пока она, наконец, решает посвятить свою жизнь и свое "я" Богу (не меняя при этом своего внешнего положения замужней женщины; живущей в миру). Решающим для нея является краткое видение Христа, несущего Крест Свой и источающего капли крови. Она посвящает Ему, а не себе, своему тщеславию и эгоцентризму, все свои силы, душевные и телесные. В порыве отдания себя она повторяла беспрестанно: *О Любовь, ни за что больше грехов!* И жизнь ее озаряется изумительным светом, который озаряет и окружающих ее.⁶²

Вот 18-летний доминиканский послушник 14-го века в монастыре в Констанце. Он прислушивается к голосу Божественной Премудрости, т. е. воплощенного Сына Божия, Который ему говорит: "Если хочешь познать Божество Мое, познай прежде всего страждущее человечество Мое".⁶³ Это познание страждущего человечества Его есть единственный путь, чтобы познать Божество Его: ибо в этом страждущем человечестве Сына Божия открылась вся безмерность Божественной Любви и Божественного Величества.

В конце 14-го века затворница при Норичском (Norwich) соборе в Англии, лэди Юлиания, имеет во время смертельной болезни видение безмерной любви Божией, раскрывшейся в Сыне Его. Думаю, что не будет преувеличенным сказать, что это — один из самых поразительных памятников христианского благочестия Средних Веков. Все содержание этой небольшой книжки *Revelations of Divine Love* (Откровения Божественной Любви), просто и несложно, но, думаю, заслуживает краткую и восторженную характеристику: "theodidactae, profundae ecstastica", данную Пьером Пуарэ (Pierre Poiret - 1646-1719), известным французским протестантским исследователем христианского мистического благочестия.

В мае 1373 г. Юлиания тяжело заболела и прочувствовала приближение смерти. Она попросила местного священника прийти к ее смертному одру и, когда он протянул ей распятие для напутствия в иную жизнь, у нее было внезапно видение: ей показалось, что лик Распятого вдруг ожил; она увидела Его невыразимые страдания и предсмертные муки и услышала несколько слов Распятого, обращенных к ней. Видение это продолжалось следующей ночью. Вслед за этим она выздоровела и прожила еще, по крайней мере, 40 лет (до 1413 года), а через 15-20 лет после видения

она записала то, что ей сказал в этом видении Господь, и то, как мало-помалу эти слова Его раскрылись ее пониманию.

Страдания, унижения Сына Божия безмерны, невыразимы, превосходят всякое постижение. "Впрочем, любовь, которая заставила Его претерпеть все это, настолько же превосходит Его страдания, насколько небо выше земли. Ибо страдания Его были делом, совершенным во времени, действием Любви; а Любовь была искони, без начала, и пребывает, и всегда пребудет – бесконечно".⁶⁴

"И внезапно, как я увидела на том же кресте, вид Его изменился на радостный". И она слышит обращенные к ней слова Распятого, доносящиеся с креста: "Довольна ли ты, что Я пострадал за тебя?" - "Да, благий Господи", ответила я; "благодарю Тебя, благий Господи, _ да будешь Ты благословен!" - "Если ты довольна, - сказал Господь наш, - то и Я доволен. В этом радость и блаженство и бесконечное удовлетворение для Меня, что Я выстрадал сии муки ради тебя. Ибо если бы Я только мог пострадать больше, Я бы пострадал больше".

И ей открылся плод Его страдания: искупленные этой дорогой ценой, мы принадлежим Ему. Более того: "Мы являемся Его наградой, честью и венцом Его. Это является предметом столь великой радости для Иисуса, что Он ни во что вменяет Свое тяжкое страдание, жестокою и позорною смерть. И в этих словах: "Если бы Я только мог претерпеть больше. Я бы больше претерпел", - я поистине увидела, что, если бы пришлось Ему каждый раз умирать за каждого человека, имеющего быть спасенным, как Он однажды умер за всех, то любовь не дала бы Ему покоя, покуда Он не совершил бы сие. И когда Он совершил бы сие. Он вменил бы сие в ничто ради любви. Ибо все кажется Ему лишь малым в сравнении с Его любовью.

И это Он мне явственно показал, сказав сие слово: "Если бы только возможно было Мне пострадать больше". Он не сказал: "Если бы нужно было страдать больше", но: "Если бы только возможно было страдать больше". Ибо если бы и не было нужно, но только *возможно* было *бы* пострадать больше, Он бы пострадал больше" (глава XII).

"С радостью и веселием взглянул наш Господь на Свой пронзенный бок и увидел (язву его) и сказал сие слово: "Взгляни, как Я возлюбил тебя!"

Ибо Бог открывается нам прежде всего и действеннее всего как Любовь. "Хотя свойства Божественной Троицы и равны все по достоинству, но Любовь была более всего показана мне, ибо она всего ближе к нам... Господу угодно, чтобы из всех свойств Благословенной Троицы мы больше всего уверенности имели в Любви. Ибо Любовь склоняет к нам и Божественное Всемогущество и Премудрость. Впрочем, люди большей частью слепы и не знают, что "Он - Все-Любовь" (All-Love) (глава XIII). Любовь же сия во всей беспредельности Своей открылась в Иисусе.

В последней (86-ой) главе своей книжки Юлиания приводит к единству все то, что открыл ей Господь. 15-20 лет она усиленно обдумывала и молитвенно созерцала все то, что было ей показано Господом, окинув взором и страдание и грех. "И 15 лет спустя, или более, я получила ответ во внутреннем уме своем, и он гласил так: "Желала ли бы ты знать, что имел в виду, что разумел Господь твой в сем откровении? Знай же сие твердо: Он разумел любовь. Кто показал тебе сие? — Тот, Кто — сама Любовь. Что показал Он тебе? — Любовь. Ради чего Он сие показал тебе? - Ради любви". "Итак, держись сего, и ты все больше будешь познавать и все больше

проникать в сие. И никогда ничего другого ты не увидишь здесь, во веки". Таким образом я познала, что Господь наш разумел любовь, Смысл откровения Его — любовь: "I learned that Love was out Lord's meaning" Эти слова очень близки по духу к 1-ом Посл. Иоанна и касаются основной Тайны мироздания (предносившейся, напр., и Достоевскому среди ужасов жизни, которые он так беспощадно изображал): снисхождение Божественной Любви.

Откуда ни взглянем, вся та же безмерность снисхождения. Восточная Православная Церковь так рисует это в одном из песнопений Страстной седмицы: "На землю снисшел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего, даже до ада снисшел еси ищай".

Глава седьмая

Образ страждущего Христа в религиозных переживаниях Средних Веков

1

Центром религиозной жизни, правда, иногда как бы затемненным, остается и для средневекового христианства, как и для раннего, личность Богочеловека, близкого, полного любви, состраждущего и спасающего, умирающего за мир на Голгофе. Особенно ярко этот человеческий, смиренный образ Христа, близкий, понятный, захватывающий душу, выступает с средневековой религиозности по мере ее углубления и эмоционализации, т.е. преимущественно с 12-го века,⁶⁵ хотя корни этих переживаний уходят, конечно, далеко вглубь - к самым истокам христианской традиции и христианского чувства, никогда не замиравшего вполне.⁶⁶ И в Средние Века сохраняли для христианского сознания свою силу прощальные слова — обетования Иисуса Своим последователям: "Се Аз с вами во вся дни до скончания века". Эта близость ощущалась в благодатной жизни Церкви (особенно реально в Таинстве Евхаристии), а для просветленного взора - всегда и повсюду.

Ubique daemon! - "Дьявол повсюду!" восклицает с ужасом Сальвиан, марсельский священник 5-го века. Эти слова его глубоко характерны и для настроений последующих веков. И вместе с тем, тот же самый Сальвиан живо ощущает повсюду — и в истории, и в окружающей жизни — близость Божию.⁶⁷ Точно также много веков спустя - в 12-ом веке, малоизвестный монах Клервоской обители, которому, как повествует нам собрание Клервоских сказаний, дважды во время молитвы являлся Господь Иисус, ощущает повсюду божественную близость — *felici ductus experimento, credidit ubique divinam esse praesentiam.*⁶⁸

Так и Франциск повсюду, во всем мире, в красоте всей твари, чувствует присутствие Возлюбленного своей души,⁶⁹ а вдохновенный его духом, вышедший из францисканской среды трактат *Scala divini amoris* (Лестница божественной любви) "во всей красоте, что есть в твари", видит "сияющий образ Иисуса Христа, что сияет и улыбается нам в красоте творений".⁷⁰

2

Еще более явственно и ощутительно реально раскрывается близость Христа — униженного и страждущего — в творении дел милосердия. "Алкал Я", — так скажет, согласно словам Иисуса, Царь Правды, Сын Человеческий, к милостивым в

день суда, — "и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня. Был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне "...Ибо "истинно говорю вам: так как вы сделали сие одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне".⁷¹

Эти слова Иисуса нашли могучий отзвук в сердцах христианства, в частности в Средние Века. Средние Века восприняли эти слова с детски верующим, ярким, подчас наивным, реализмом. Не нищий только, убогий или больной принимает нашу милостыню, наше служение любви, а собственно Сам Христос в образе бедного и больного. Христос здесь, Он близко, Он предстоит нам на каждом шагу в образе "одного из братьев Своих меньших", в образе страждущего, и ждет, просит, требует от нас сострадания, дела любви, вызывает нас, приглашает на то, чтобы любовно послужить Ему и ощутить Его духовную близость.⁷² А иногда Его мистическое присутствие раскрывается при этом ярким и чудесным образом. Известна легенда о св. Христофоре, который перенес на своих плечах через бурную и стремительную реку под видом мальчика Самого Христа.⁷³ Или вот, напр., благочестивый монах Альквириин из Клервоского монастыря, обладавший искусством врачевания; с особой любовью посвящал он себя уходу за бедными и неимущими. "И не только лечил он их болезни или ушибы, но и гниющую плоть страждущих, и гной источающие их члены он перевязывал собственными руками с такой заботой и вниманием, как будто бы он обслуживал раны Христа. И по истине так оно и было. Ибо все он делал ради Христа, "все сие Христос относил к Себе", и однажды Он открылся ему в чудесном видении.⁷⁴

Предметом наибольшего физического отвращения и ужаса для общества,⁷⁵ отщепенцами от прочего мира были весьма распространенные в Средние Века в Западной Европе *прокаженные*, носители этого страшного и заразительного, занесенного с Востока недуга, заживо разъедавшего их плоть, покрывавшего их тело зловонными струпами. Они жили вне городов и селений, изолированно от прочего мира, и издали просили милостыню на дорогах; проявление активного милосердия к ним, было не только делом любви, но и актом мужества. И вот, особенно часто Христос чудесно раскрывается Своим избранным в образе прокаженных. Так прокаженный, которому Франциск Ассизский, уже на пороге своей новой возродившей жизни, подает милостыню, одновременно лобызая его, вдруг чудесно исчезает. И Франциск исполняется изумлением и радостью духовной.⁷⁶ Сходно происходит и с блаженным Джiovанни Коломбини из Сьены (в 14-ом веке), как повествует нам его биограф: он ввел прокаженного к себе в дом, положил его на лучшую постель, обмыл его раны и с любовью служил ему; через некоторое время прокаженный чудесным образом исчезает из запертой комнаты, и вся горница исполняется дивным благоуханием.⁷⁷ А вот, что рассказывает Цезарий Гейстарбахский в своем *Dialogus miraculorum* (13-го века) про графа Тибо Шампанского: "Граф обладал столь великим смирением, что нередко лично посещал хижины прокаженных... Перед одним из замков его жил как раз некий прокаженный. Каждый раз, что графу приходилось проезжать мимо его хижины, граф слезал с коня и, взойдя к прокаженному, он обмывал ему ноги, подавал ему милостыню и затем уже ехал дальше. По прошествии некоторого времени прокаженный этот умер и был похоронен; но это не дошло до сведения графа. И вот однажды, проезжая опять по этой дороге, граф, как только поравнялся с знакомой ему хижинкой, соскочил опять с коня говоря: "Следует мне навестить отца моего". И, войдя внутрь, увидел он не прокаженного, но в образе прокаженного и в его одежде - Господа. Совершив по отношению к нему свое обычное дело милосердия — он радостно вышел. И вот, когда он говорил своим приближенным: "Я рад, что видел моего прокаженного", ему ответили: "Господин, знайте за вполне достоверное, что он давно уже умер и погребен

в таком-то месте". Услышав это, благочестивый граф возрадовался духом, что удостоился он узреть и личным служением почтить Того, Кому он уже долгое время служил в лице Его собратьев — членов Его тела".⁷⁸

3

Но особенно действенно ощущалась близость Христа, Его безмерная любовь и благодатная сила искупления при созерцании, умом и сердцем, Его страданий и крестной смерти. Это внутреннее созерцание страждущего Иисуса, памятование о Нем, духовное добровольное участие в Его крестном подвиге и чувство глубокой любви и безмерного преклонения и живого общения с Голгофским Страдальцем, вот — основная и центральная струя всей религиозной жизни Средних Веков, там, где она проявляется в повышенном и углубленном виде. Интересно остановиться на этом созерцании душою мук распятого Богочеловека в некоторых, наиболее ярких, наиболее ощутительных и повышенных его проявлениях.

Постоянное сосредоточение мыслью и сердцем на муках Христа переходило нередко в прочувствованное и ярко- конкретное переживание их заново (иногда даже физически-реально), порождало ряд образов и видений. Внешнюю фиксацию этих переживаний имеем в ряде благочестивых средневековых сказаний. Приведу лишь некоторые случайные примеры. Так Цезарий Гейстербахский знает некую благочестивую *девственницу*, которая "часто видела Спасителя висящим на кресте, с окровавленными ранами". Когда, побуждаемая состраданием и скорбью, она закрывала глаза, то она тем не менее продолжала Его видеть. В связи с этими видениями, "она не могла уже ни думать ни говорить о страданиях Господа без слез и сокрушения".⁷⁹ Так и священник некой обители, Даниил, видит распятого Христа и получает от Него чудесный дар слез: "Всякий раз, что начинал он размышлять или говорить о страдании Христа, тотчас изливались у него слезы".⁸⁰ Некий престарелый Клервоский инок видит в день Великой Пятницы Господа Иисуса Христа с руками и ногами распростертыми на кресте, как будто бы Он только что был распят. "Это блаженнейшее видение, хотя было оно кратким и почти мгновенным, явилось, однако, столь ощутительным и действенным, что благоговейная память о нем не могла уже изгладиться из сердца видевшего". "Как если бы кто, - так продолжает благочестивый составитель сборника Клервоских сказаний, — подливая в пылающую печь масла, заставил ее сразу вспыхнуть огнем, так и благодать сего откровения озарила еще более ярким и совершенным пламенем устремления к Господу сердце старца, уже давно распаленное небесной любовью".⁸¹ Послушник Конрад Гейстербахского монастыря слышит даже, в экстазе, обращенные к нему слова Распятого: "Конрад, видишь ты, сколько Я перенес ради тебя?"⁸² Два других послушника одного из германских монастырей видят зимним вечером на темном уже небе огромный сияющий крест с распятым на нем Господом, и склоняются перед Ним в безмолвной молитве.⁸³ У одного, еще совсем юного, но достигшего высокой святости жизни, монаха Клервоской обители его созерцания и видения все возрастают в ощутительности и реализме. Сначала он видит ночью во сне, что ангел Господень "ввел его в некий славный чертог, в котором он узрел Господа Иисуса Христа висящим на кресте, а Пречистую Матерь Его, Деву Марию, стоящей у креста вместе с блаженным евангелистом Иоанном. И когда он взошел туда, то ощутил благоухание столь великой сладости, как если бы покой тот был окроплен всевозможными благовониями". И, припав лицом к земле, он всеми силами, всем устремлением сердца своего стал молить Распятого преподать ему благословение. И, получив благословение, он проснулся, но еще долго после этого видения чувствовал он "всего внутреннего своего человека преисполненным дивной сладостью благоухания",

чувствовал себя обновленным и озаренным благословением Христа. В другой раз - то было уже на яву - стоял он вместе с братией за торжественной службой пасхальной ночи... "Начал он, предавшись внутреннему смирению, с особым вниманием размышлять о страданиях и воскресении Господа, так что от пылающего чувства благоговения и сострадания он весь изливался в слезах. И вот, по прочтении уже второй паремии, когда братия пела антифон (респонсорий) "Ангел Господень", вдруг Тот, Кто в сердце его возжег огонь устремления — Господь Иисус Христос, явился ему бодрствующему и плачущему, и стал перед ним посредине хора, распростирая руки Свои и как бы показывая их ему. И на пречистых ладонях Его явственно виднелись следы гвоздей, и видно было, как из этих свежих язв сочилась кровь. И, узрев Господа, брат тот возрадовался радостью весьма великою, но, пораженный и как бы придя вне себя, не знал в данный миг, что ему делать. Ибо хотел он броситься на середину и припасть к ногам Спасителя, но удерживали его стыд и почтение перед собранной братией, - как бы не сочли его безумным. Ибо он и того не знал, является ли Господь видимым лишь для него одного или также и для остальных. И весьма обильно плакал он при сем, и сердце его растоплялось в себе самом жалостью от безмерной сладости любви к Тому, Кого он зрел. А длилось это явление Господа все то время, пока в праздничном антифоне пелись следующие слова: "Он восстал от мертвых, придите и видите..." ⁸⁴

Еще ярче, еще более конкретно ощутительно было видение, которого удостоился другой Клервоский монах — благочестивый врач Альквириин.⁸⁵ Ему казалось, будто вестники небесные громко возглашают: "Вот грядет Господь, восстаньте и выходите навстречу Ему". Он скорее выбежал навстречу и стал у врат обители в ожидания Господа, и вот, действительно вошел через них Господь. "И когда входил Господь, он приблизился к Нему и поклонился Ему, умоляя, чтобы Он его благословил."⁸⁶ И, получив благословение, стал он пристально взирать на Него, и дивным чувством сострадания он сострадал с Ним. Ибо Господь представлялся ему как страждущий и немощный, пронзенный гвоздями и прободенный копьем, как будто бы Он только что снят был с креста, так что кровь весьма обильно струилась из раскрытых язв.

Душа шаг за шагом следит за драмой Голгофского Страдальца. Она в мыслях переживает заново Евангельский рассказ, конкретизирует его себе, восполняет новыми подробностями, Она созерцает бичевание Иисуса и издевательства над Ним, непосильное несение Им Своего креста на пути к Голгофе, последовательно развертывающуюся картину процесса распятия и мучительную агонию на кресте.⁸⁷ Иногда она переносится в чувствования, в скорбную, охваченную смятением и болью душу близких Иисуса, созерцающих Его муки, и сама созерцает, видит эти муки очами Его Матери и прочих, что остались верными Ему до конца.

4

Ибо с драмой Сына теснейшим, неразрывным образом переплетается драма Матери. На Ней, как известно, останавливается уже евангельское повествование. "Тебе Самой оружие пройдет душу", - так предсказывал Марии эту грядущую нравственную муку еще старец Симеон, когда молодая Мать принесла в храм 40-дневного Младенца (Лук 2. 35). Теперь же, на Голгофе, "стояли" - как рассказывает нам Иоанн - "при кресте Иисуса Мать Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина". И следует краткий эпизод потрясающей трогательности: распятый Иисус, уже близкий к смерти, поручает заботу о Своей Матери любимому ученику Своему: "Иисус, увидев Мать и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: "Жено, се сын Твой!"; потом говорит ученику: "Се мать твоя". И с

этого времени ученик сей взял Ее к себе" Ин 19. 25-27). Христианское чувство многократно и длительно останавливалось на этой сцене, на переживаниях Матери, стоящей у креста Сына или же держащей на руках Его бездыханное, снятое со креста тело, или в безмолвной невыразимой скорби созерцающей Его погребение.⁸⁸

Св. Бригитте, шведской созерцательнице 14-го века сама Св. Дева в видении повествует о том, как Она лицезрела и переживала истязания и смерть Сына. "Когда", говорит Она, "первый из гвоздей пробивал тело Его, Я при первом же ударе упала без чувств как мертвая: в глазах у Меня потемнело, руки тряслись, дрожали колена. И от великой горечи не могла Я взглянуть на Него, пока не был Он всецело пригвожден. И когда Я встала, увидела Я Сына Моего мучительно повешенного. А Я, Мать Его печальнейшая... еле могла держаться на ногах от скорби..."

Близится конец. "Тогда от чрезмерного телесного страдания из глубины человечества Своего возопил Он ко Отцу: "Отче, в руки Твои предаю дух Мой". Когда услышала Я этот вопль, Я, Его скорбнейшая Мать, то задрожали все члены Мои от жестокой боли сердца. И сколько раз потом Я ни помышляла об этом вопле, он как будто все еще звучал в Моих ушах".⁸⁹

Недаром, пока Он еще мучился на кресте, сострадание Его к Матери Своей на много увеличивало Его муки, как говорит нам автор книги "Созерцаний" (*Meditationes vitae Christi*). "Она поистине вместе с Сыном висела на кресте и предпочла бы умереть вместе с Ним, чем дольше жить". Она молит о Страдальце-Сыне небесного Отца — пусть Он по крайней мере облегчит муки Его: "Отец, поручаю Тебе Моего Сына". А Сын в это время молился за Мать: "Отец Мой, видишь, как страждет Мать Моя. Я должен быть распятым, а не Она; а между тем Она со Мною на кресте. Достаточно Моего распятия, ибо Я понес на Себе грехи всего народа... Видишь Ее отчаяние; Отец, поручаю Ее Тебе: сделай посильными, выносимыми страдания Ее".⁹⁰

А вот сцена снятия со креста. Свесившуюся, освобожденную от гвоздя правую руку Его "Владычица подхватила с благоговением и прижимает к Своему лицу. Она взирает на Него и целует Его с обильными слезами и горестными вздохами".⁹¹ "А когда тело со креста было спущено на землю" — рассказывает нам автор "Книги о страданиях Христа и о скорбях и плаче Его Матери" (из рукописи 13-го века) — "то Она, устремившись на Него, припав к Нему (*super ipsum tuens*), от безмерной скорби и безграничной любви пребывала как бы мертвой — *prae incontinentia doloris et immensitate amoris quasi mortua stabat*.

Стояла в головах умершего Сына Своего Мать Его Мария, слезами орошая Его лицо; многообразными стенаниями терзалась Она изнутри; неустанно лобызала Она чело Его и щеки, и глаза, и нос, и все тело, и плакала с таким обилием слез, что казалось, будто вся плоть Ее вместе с душой всецело растворялась в слезы. Слезами омывала Она безжизненное тело Сына.."⁹²

Эти сцены, эти переживания мук Иисуса и скорби Его Матери вдохновляют и церковное изобразительное искусство, внося в него (с особой силой во второй половине Средних Веков) струю глубокого, хватающего за сердце патетизма,⁹³ вдохновляют они, уже с ранних времен, и религиозную лирику и в особенности церковную, богослужебную песнь.

Мы знаем, что Восточная Церковь в своих песнопениях плачет и скорбит, созерцая умственным взором страдания Богочеловека. Она плачет и вместе со

Скорбящей Матерью, повторяя Ее сетования, созерцая и переживая Ее материнскую скорбь. Приведу хорошо известные по "Постной триоди" некоторые из песнопений Иосифа Песнотворца (Ἰωσήφ ὁ Ὑμνογράφος) жившего в 9-ом веке, — из канона, что поется в пятницу 4-ой седмицы Великого Поста. Мы слышим здесь возгласы и рыдания самой безутешной Матери и Девы:

Егда Тя, Чадо, неизреченно родих, болезней избегах, и како ныне вся болезней исполнятся? Вижду бо Тя висима яко злодея на древе, землю неодоержанно Повесивтаго, глаголаше Всечистая плачущи...

Умерщелену жизнь на кресте зряще, и не терпяще болезни утроб, рыдаше чистая Дева взывающе: Увы, Сыне Мой, что Тебе народ беззаконный воздаде?...

Ныне яко агнца незлобива зрю Тя висяща и от беззаконных ко кресту пригвождаема, Сыне Мой, пренебзначальный, рыданьми терзаюся, и матерскими одержима еси болезнями, Всечистая вопияше...⁹⁴

А вот, из канона Симеона Логофета, читаемого в Великую Пятницу:

Обешена яко виде на кресте Сына Своего и Господа, Дева чистая терзающися вопияше горце, со другими женами стеньяще, глаголаше:

О страшном Твоем рождестве и странном, Сыне Мой, паче всех матерей возвеличена бых Аз: но увы Мне, ныне Тя видящи на древе, распаяюся утробою...

Се Свет Мой сладкий, надежда и живот мой благий, Бог Мой угасе на кресте, распаяюся утробою, Дева стеньяши глаголаше...

Уязвена Тя видящи и без славы, нага на древе, Чадо Мое, утробою распаяюся, рыдающи яко Мати, Дева провещаваше...

Но вот тело умершего Страдальца снято с позорного древа и покоится на коленях Матери.

Приемши Его с плачем Мати неискусомужная, положи на колену, молящи Его со слезами, и обლობызающи, горце же рыдающи и восклицающи: "Едину надежду и живот, Владыко, Сыне Мой и Боже, во очию свет раба Твоя имех, сладкое Мое Чадо и любимое..."

Не изглаголеши ли рабе Твоей слова, Сыне Божий? Не ущедриши ли, Владыко, Тебя родящую? - глаголаше Чистая, -рыдающи и плачущи, обლობызающи тело Господа Своего.

Помышляю, Владыко, яко к тому сладкаго Твоего не услышу гласа, ни доброты лица Твоего узрю, якоже прежде, раба Твоя: ибо зашел еси, Сыне Мой, от очию Мою...

И все снова и снова раздаются эти рыдания, эти сетования Матери.

Избавляй болезни, ныне прими Мл с Собою, Сыне Мой и Боже, да сниду, Владыко, во ад с Тобою и Аз, не остави Мене едину: уже бо жити не терплю, не видящи Тебя, сладкаго Моего Света

Со другими женами мирноносицами рыдаючи Непорочная горце и носима видяше Христа, глаголаше: Увы Мне, что вижу! Камо идеши ныне, Сыне Мой, а Мене едину оставлявши?...

Точно также и в религиозной лирике средневекового Запада встречаем ряд "плачей" Богоматери над телом умершего Сына. Весьма распространены они в немецкой литературе.

*Owe kint, din wenqel sint
dir so qar erblichen;
al din krait, al din math
ist dir so qar entwichen.*

"Увы, Дитя Мое", восклицает в одном из них Мария, "побледнели совершенно Твои щеки. Совершенно исчезла вся Твоя сила, все Твое могущество".

*Tot, owe tot
tot, nu nim uns beide,
daz er also eine niht
von mir werde gescheiden.*

"Смерть, увы, смерть! Смерть! возьми теперь нас обоих, чтобы Он не был таким одиноким, разлученным от Меня!"

*Herzi brich! Kint nu sprich
Und las mich mit dir sterben,
ode ich muoz hie under dir
so jaemedich verderben.*

"Разорвись, Мое сердце! Дитя Мое, молви Мне хоть одно слово и дай Мне умереть вместе с Тобою. Или Мне придется здесь под Твоим крестом погибнуть от скорби".⁹⁵ В Италии 13-го века широкие народные массы охватываются религиозным порывом. Из глубин народной жизни вырастает это религиозное движение, органически связанное с деятельностью и проповедью св. Франциска Ассизского. Яркое и стихийное (хотя уже более внешнее) проявление этого подъема имеем, напр., в движении флагеллантов, когда десятки тысяч людей неудержимым потоком в течении месяцев переходили из города в город, из селенья в селенье, громко каясь в грехах, призывая милосердие Божие и воспевая страдания Христа и муки Его Матери.

*Eo Maria dolorosa
Veqo lo mio fiolo pennare
Oume, fiolo glorioso,
Lassa mi, che devo fare?*

"Я, скорбная Мария, вижу, как страдает Мой Сын. Увы! Сын Мой преславный! Несчастливая Я, что Мне делать?" — так звучит все снова и снова возвращающийся припев (в сборнике флагеллантских гимнов, правда, зафиксированных уже в 14-ом веке).⁹⁶

Оплодотворенная этим духовным подъемом 13-го столетия, в недрах, в первую очередь, францисканства зародилась, как известно, итальянская религиозная лирика, полная простоты и глубины беспредельно захватывающего чувства. О характере этих

гимнов — laude, нередко страстно-напряженных, имеем интересные указания в статутах некоторых религиозных (флагеллантских) братств того времени. Так, в статутах "Братства Распятого" (Statuti della compagnia del Crocifisso) в Губбио читаем, что члены его должны собираться в церкви в ночь Великого Четверга на Пятницу "для слушания Страстей Христовых, одетые во власяные вретича. В этой церкви да будет с благоговением воспроизведены перед народом слезные "лауды" и жалостные песнопения и горестные сетования Девы и Матери, осиротелой, лишенной родного Сына; при сем больше внимания следует обращать на слезы, чем на слова".⁹⁷

У великого францисканского мистика и поэта Якопоне да Тоди, в творчестве которого имеем венец религиозной песни итальянского средневековья, сочетается в его итальянском "плаче" Богоматери изумительная свежесть выражения с потрясающим патетизмом чувства. Дева Мария (Donna del Paradiso) переживает здесь на наших глазах шаг за шагом все фазы последней драмы Своего Сына. Его предали и схватили. Его влекут. Его отдали на истязание. Напрасно молит Она мучителей о пощаде, напрасно взывает к Нему, уже распятому:

O figlio, figlio, figlio! — figlio, amoroso figlio

figlio, chi da consiglio — al cor mio anquistato?

Figlio, occhi giocondi, — figlio, co non respondi?

figlio, perche t'ascondi — dal petto ove se lattato?

"О, Сын Мой, Сын Мой, Сын Мой! - Сын Мой, прекрасный, как лилия, Сын Мой, кто даст утешенье — Моему скорбному сердцу?"

Сын Мой с радостными глазами, - Сын Мой, что Ты не отвечаешь?

Сын Мой, что Ты скрываешься — от груди, что Тебя вскормила?"

Когда Он испустил последнее дыхание на кресте, Она начинает Свои полные безмерной скорби сетования:

Figlio, l'alma t'e uscita, — figlio de la smarita

figlio de la sparita — figlio attosicato!

Figlio bianco e vermiglio, — figlio senza simiglio,

figlio, a chi m'apiiglio? — figlio pur m'hai lassato.

Figlio bianco e biondo, — figlio, volto iocondo,

figlio, perche t'ha el mondo, - figlio, cosi sprezzato?

Figlio, dolce e piacente, — figlio de la dolente,

figlio, hatte la gente — malamente trattato!

"Сын Мой, душа Твоя отлетела — Сын скорбящей Матери,

Сын покинутой Матери, — Сын Мой, отравленный ядом!

Сын Мой, белый и румяный, — Сын Мой, Которому нет равного,

Сын Мой, к кому Мне обратиться? — Сын Мой, ведь

Ты покинул Меня!" и т. д.

Впрочем, излюбленное и наиболее яркое и законченное выражение нашел себе в Средние Века образ Матери, сострадающей распятому Сыну, в латинской религиозной лирике и в латинских песнопениях Церкви.

Плачьте все вместе со скорбной Матерью! Так Сама Она обращается к верующим, проходящим мимо креста:

Qui per viam perqitis, — Hic tecum sedete

Si est dolor similis, — Ut meus, vedete:

Meum dulcem filium — Pariter lugete.

Videte spectaculum — In cruce pendentis

More damnatitii — Crimina luentis,

Pro peccato populi — Mortem patientis.

"Вы, что проходите по дороге, посидите здесь со Мною: посмотрите, есть ли мука, равная Моей. Плачьте вместе со Мною над Моим сладостным Сыном. Вот - Он висит на кресте, искупая грехи, подобно осужденному преступнику; вот Он терпит смерть за грехи народа" ...⁹⁸

Мать с душой, пронзенной мечом страдания, скорбящая у подножия креста, на котором висит Ее Сын, вот - один из наиболее потрясающих сюжетов, какие можно себе представить, в частности - один из центральных сюжетов в церковной песне средневекового Запада. Все снова мысль верующих возвращается к этому образу, и они длительно останавливаются на нем, со смятенной и соболезнующей душой, плача и благоговей. Можно наметить целую цепь непрерывного, преемственного развития в процессе воплощения этого образа в церковной песне, особенно 11-го века,⁹⁹ предвосхищаются при этом уже целые выражения, стихи, даже группы стихов, вошедшие, воспринятые потом (в конце 13-го века) в классическое, высочайшее по законченности и силе, воплощение этого плача Западной Церкви, плача вместе со скорбной Матерью над распятым Единородным - именно в "Stabat" Якопоне да Тоди:

"Мать	стояла,	в	день	рыдания
У	креста,	полна		страдания,
Когда	Сын	висел	на	нем,
И	душа	Ее		больная,
Вся	трепеща	и		стена,
Прободалась	острием.			

На этом древе, словно преступник, висит истинный Бог и человек, дрожа обессиленными коленами.

О сколь бедным, о сколь обнаженным явился Ты на кресте, как предмет насмешек и поругания... и притом добровольно, без принуждения, изъязвленный во всех членах Твоих!

Весь залитый кровью, Ты недвижим в Твоей скорби, подпоясанный жалким вретischem: о, безконечное величие, о, неслыханная бедность!

Привет Тебе, окровавленная Глава, венчанная тернием, израненная, избитая простью, с лицом, покрытым, плевками! ...

Так поют гимны, обращенные к отдельным членам тела Страдальца.¹⁰³

*Для сего именно и был пронзен бок Твой, - читаем в трактате "Мистическая Лоза", - чтобы нам открыт был вход. Для сего то и ранено было Твое сердце... чтобы нам обитать в нем. А и также для того, чтобы чрез видимую рану могли мы видеть невидимую рану любви.*¹⁰⁴

*Все мое знание, всю мою мудрость заключи в Твои язвы - так восклицает один немецкий мистик 14-го века, - чтобы мне всецело погрузиться в Тебя, истинную книгу любви, и в смерть Твою.*¹⁰⁵

Религиозное чувство ищет ярких образов и символов, чтобы изукрасить предмет своей любви. Страждущий Христос, это — чудесная гроздь виноградная; крест, это - точило; кровь, изливающаяся из раны, это — целебное вино, напоющее мир (ибо уже сам Иисус называет Себя в 4-ом Евангелии истинной виноградной Лозой; а образы грозди и точила, встречающиеся в Библии, уже ранними Отцами Церкви были отнесены к Голгофской драме).¹⁰⁶ Или еще: распятый Иисус - источник жизни (fontana vitae), в потоках Его крови омываются верные. "Благословенны Отцом Моим вы, состраждущие Мне", восклицает Иисус в видении, бывшем Ангеле из Фолиньо... "Удостоились вы в крови Моей омыть одежды свои".¹⁰⁷ Так и в "Откровении" Иоанна (7. 14) громко возглашается об избранных: "Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили их Кровью Агнца".

Изобразительное искусство Церкви, равно как и песня, многократно с любовью останавливается на этих образах, освященных традицией: креста — точила, и неиссякающих потоков очистительной крови.¹⁰⁸ Или иногда Христос уподобляется чудесной розе.¹⁰⁹ Церковная песня и некоторые благочестивые средневековые писания говорят об ярко-красной розе крови Христовой, о розе язв Его. "На нашей Лозе, которая есть благодатный Иисус, цветет тем не менее роза, рдеющая и пылающая: она рдеет от крови страдания, она пылает огнем любви, окроплена она росой слез сладчайшего Иисуса".¹¹⁰

<i>Ave</i>	<i>rosa</i>	<i>sanquinis</i>
<i>Fusi</i>	<i>more</i>	<i>iluminis</i>
<i>De carne Salvatoris!</i>		

"Радуйся, роза крови, излившейся подобно потоку из плоти Спасителя!"¹¹¹

Конечно, все эти образы неадекватны, недостаточны, внешни; они не могут передать невыразимой высоты Голгофской тайны, они бессильны также изобразить объединение души с распятым Богом. Ибо Иисус, и притом страждущий, заполняет душу. Он — основной фон ее бытия, единственное, что ценно, всеохватывающая стихия духовной жизни. Ощущая это, душа в состоянии лишь твердить имя Иисуса, что как руководящий основной мотив проходит через все переживания, от скорби до радости: *"Иисус, рожденный от Бога"*, - так поет Бонавентура; *"Иисус, предсказанный в прообразах; Иисус, сошедший с небес; Иисус - Сын Марии...*

Иисус - Пастырь добрый; Иисус, орошенный слезами; Иисус — Царь, нами не признанный; Иисус - Хлеб жизни...

Иисус, изменнически преданный; Иисус, ниспростертый в молитве; Иисус, окруженный толпою; Иисус, связанный оковами.

Иисус, насыщенный позором; Иисус, заушенный: Иисус, преданный Пилатом; Иисус, осужденный на смерть.

Иисус, всеми презренный; Иисус, пригвожденный ко кресту; Иисус, сопричисленный к разбойникам; Иисус, напоенный желчью

Иисус - солнце, помраченное смертью; Иисус, пронзенный копьем; Иисус, залитый кровью; Иисус погребенный

Иисус, торжествующий через смерть Свою; Иисус, радостно воскресший; Иисус — наша слава; Иисус, владычествующий над миром,

Иисус - Победитель величественный; Иисус - Жених украшенный... Иисус — наша желанная цель!¹¹²

Ибо из страданий вытекала радость - победа над смертью! А из тесного общения с этим страдающим Богом вытекала возможность духовного обновления, духовного переворота. Интересно было бы проследить, как действительно из подобных настроений и переживаний зарождалась иногда новая, могучая и просветленная духовная жизнь — повышенная и торжествующая, полная силы и творчества жизнь великих мистиков.

6

Страждущий Христос в переживаниях великих мистиков Средневековья! Это — центральный пункт всей их духовной жизни, в Нем все богатство, вся их мудрость, все их знание, вся радость их, весь смысл их существования. Они живут для Него, думою о Нем, любовью к Нему... "Нет другого пути Божия" — восклицает Андже́ла из Фолиньо, — "кроме пути жизни и смерти Богочеловека--Страдальца".¹¹³

Центром всех "Откровений Божественной Любви", бывших Юлиании из Норича, явилось созерцание агонии распятого Страдальца. "Ты не можешь достигнуть Моего Божества, если не пройдешь сначала через Мое страждущее человечество" — так слышит Seuse голос Вечной Премудрости - Иисуса. Здесь мы стоим перед неисчерпаемой областью, перед неизмеримым богатством тонов и переживаний, от острой боли до просветленной, ликующей радости — радости общения с Ним.

На этих высотах духовной жизни Средних Веков Иисус царит безраздельно как Центр и Источник устремления, как Путь, Истина и Жизнь.

Глава восьмая

Христоцентризм в протестантских немецких церковных ГИМНАХ

Помните это известное стихотворение Ф. И. Тютчева:

"Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой:
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Но видите ль? Собравшись в дорогу,
Последний раз вам вера предстоит.
Она еще не перешла дорогу,
А дом ее уж пуст и гол стоит..."

Заключительная строфа особенно поразительна:

"Еще она не перешла дорогу,
Еще за ней не затворилась дверь,
Но час настал, пробил... Молитесь Богу!
В последний раз вы молитесь теперь".

Проницательный и тонко чувствующий 30-летний поэт изобразил в этих словах ту опасность, которая, по его мнению, грозила немецкому протестантизму: отход от веры. В этих словах Тютчева было много правды, но *не все правда*. Сказанное им в значительной степени соответствует все большему духовному оскудению, которое испытывал протестантизм в 19-ом веке, особенно в области своих богословских учений, в их внутреннем, так сказать, выветривании. Но не все протестантство в последней глубине своей затронуто этими словами. Ибо *вера* не всегда покрывается внешним богословствованием ученых специалистов и не всегда соответствует ему. Напротив, из нея, из живого, хотя и скрытого в глубинах источника веры, может временами возрождаться и богословие (что, напр., отчасти произошло в немецком протестантизме в 20-ом веке). Вера имеет свой особый, решающий источник - не в учености, а в прикосновении к живому центру жизни духовной и веры - к Тому, Кто питает ее, к Единому Господу и Владыке. Ему посвящены самые интимные и трогательные излияния души христианской в протестантизме (как и в православии и католичестве), и особенно, может быть, в некоторых излюбленных церковных песнях (Kirchenlieder), напр., в немецких лютеранских и реформатских церквах. Эти излюбленные церковные песни мы встречаем в большинстве сборников церковных песен (Gesangbücher). Сборники эти составлялись и рядом частных лиц и потом — с середины 18-го века — стали составляться и поместными Церквями, при чем часто они довольно отличны друг от друга (каждая поместная Церковь — напр., Тюрингенская, Гессенская, Гамбургская, Гольштинская, Саксонская и др., имеют *свой* Gesangbuch, которые различаются между собой и в зависимости от года издания, и т. д.

Некоторые из этих "песен общины" (Gemeindelieder) суть переложения - более близкие или более отдаленные — латинских средневековых гимнов (напр., O Haupt voll Blut und Wunden), или подражания им; другие церковные песни более самостоятельны. Одни принадлежат к самому героическому, драматически-патетическому времени реформации — 16-му веку, другие - ко времени большого внутреннего углубления и сосредоточенно-тихого молитвенного горения веры в 17-ом и отчасти в 18-ом веке. Некоторые из гимнов, вошедшие в сборники и получившие более широкое распространение, относятся даже к 19-му веку (напр., Wenn Alle untreu werden). Их главная характеристика - *христоцентричность*, или обращение к Всеблагому Отцу через Сына, через ходатайство Сына. В них много детского, сыновнего доверия, смиренной преданности, но и детского, смиренного дерзновения,¹¹⁵ много преклонения, радостного и трепетного, перед волею Небесного Отца и все покоряющей любви к Господу Иисусу. Получаются иногда высокие и замечательные, глубоко трогательные - иногда именно в своей детской чистоте и простоте сердца — перлы христианского песнопения.¹¹⁶

Вспомним, хотя бы, такие из них:

<i>Meinen</i>		<i>Jesum</i>		<i>lass</i>		<i>ich</i>		<i>nicht,</i>
<i>Weil</i>	<i>Er</i>		<i>Sich</i>	<i>für</i>		<i>mich</i>		<i>gegeben,</i>
<i>So</i>		<i>erforderi</i>				<i>meine</i>		<i>Pilicht</i>
<i>Unverrückt</i>		<i>für</i>		<i>[</i>	<i>hn</i>		<i>zu</i>	<i>leben.</i>
<i>Er</i>	<i>ist</i>		<i>meines</i>			<i>Lebens</i>		<i>Licht,</i>
<i>Meinen Jesum lass ich nicht...</i>								

<i>Jesum</i>		<i>lass</i>		<i>ich</i>		<i>rimmer</i>		<i>nicht,</i>
<i>Weil</i>	<i>ich</i>		<i>soll</i>	<i>auf</i>		<i>Erden</i>		<i>leben.</i>
<i>Ihm</i>	<i>hab</i>		<i>ich</i>		<i>voll</i>		<i>Zuversicht,</i>	
<i>Was</i>	<i>ich</i>	<i>bin</i>		<i>und</i>	<i>hab,</i>		<i>ergeben,</i>	
<i>Alles</i>	<i>ist</i>		<i>au</i>		<i>Ihn</i>		<i>gericht.</i>	
<i>Meinen Jesum lass ich nicht...</i>								

<i>Nicht</i>	<i>nach</i>	<i>Welt,</i>		<i>nach</i>	<i>Himmel</i>		<i>nicht</i>
<i>Meine</i>	<i>Seel</i>	<i>sich</i>		<i>wünscht</i>	<i>und</i>		<i>sehnet,</i>
<i>Jesum</i>	<i>wünscht</i>	<i>sie</i>		<i>und</i>	<i>Sein</i>		<i>Licht,</i>
<i>Der</i>	<i>mich</i>	<i>hat</i>		<i>mit</i>	<i>Gott</i>		<i>versöhnei,</i>
<i>Mich</i>		<i>befreiet</i>		<i>vom</i>			<i>Gericht</i>
<i>Meinen</i>	<i>Jesum</i>			<i>lass</i>	<i>ich</i>		<i>nicht.</i>
<i>(Christian Keimann, 1658)</i>							

"Не отступлю от Господа моего Иисуса, ибо Он отдал Себя за меня. Сего требует мой долг: непоколебимо жить для Него. Он - свет жизни моей. Не отступлю от Господа моего Иисуса.

Никогда не отступлю я от Иисуса, пока я жив на этой земле, Ему я, исполненный веры, предал все, что я есмь, и все, что имею. Все направлено на Него, как на цель. Не отступлю от Господа моего Иисуса.

Пускай покинет меня свет очей моих, пусть замрут мой слух, мой вкус и осязание; пускай мой последний день наступит для меня на этом свете! И тогда, когда оборвется последняя нить моей жизни, не отступлю от Господа моего Иисуса.

Ни мира ни неба жаждет душа моя — Иисуса одного лишь жаждет она и света Его, Его, что примирил меня с Богом и избавил от суда. Не отступлю от Господа моего Иисуса".

Сходно с этим восклицает и знаменитый Paul Gehrhardt (1607-1676) в одном из своих гимнов:

<i>Nichts,</i>	<i>nichts</i>	<i>kann</i>	<i>mich</i>	<i>verdammen,</i>
<i>Nichts</i>	<i>nimt</i>	<i>mir</i>	<i>meinen</i>	<i>Mut;</i>
<i>Die</i>	<i>Höll</i>	<i>und</i>	<i>ihre</i>	<i>Flammen</i>

Löscht meines Heilands Blut.

<i>Kein</i>	<i>Urtel</i>	<i>mich</i>	<i>erschreckei,</i>	
<i>Kein</i>	<i>Unheil</i>	<i>mich</i>	<i>betruht</i>	
<i>Weil</i>	<i>mich</i>	<i>mit</i>	<i>Flügeln</i>	<i>deckt</i>

Mein Heiland, der mich liebt.

(Из гимна *Ist Gott für mich, so trete...*)

"Ничто, ничто не может меня осудить. Ничто не может отнять у меня моей уверенности, ибо ад и его пламя будут погашены кровью Спасителя моего. Никакой приговор не пугает меня, никакая беда не огорчает, ибо меня покрывает сению крыл Своих Спаситель мой, меня возлюбивший".

А вот слова, посвященные тому же безмерному Божественному Милосердию, явившемуся нам в СынеБожием:

<i>Er</i>	<i>ist</i>	<i>das</i>	<i>ewige</i>	<i>Erbarmen,</i>
<i>Das</i>	<i>alles</i>	<i>Denken</i>	<i>übersteigt.</i>	
<i>Es</i>	<i>sind</i>	<i>die</i>	<i>offenen</i>	<i>Liebesarme,</i>

Des, Der Sich zu dem Sunder neigf...

<i>O</i>	<i>Abgrund,</i>	<i>welcher</i>	<i>alle</i>	<i>Sünden</i>	
<i>Durch</i>	<i>Christi</i>	<i>Tod</i>	<i>verschlungen</i>	<i>hat!</i>	
<i>Das</i>	<i>heisst</i>	<i>die</i>	<i>Wunde</i>	<i>recht</i>	<i>verbinden,</i>
<i>Da</i>	<i>findet</i>	<i>kein</i>	<i>Verdammen</i>	<i>statt,</i>	
<i>Weil</i>	<i>Christi</i>	<i>Blut</i>	<i>beständig</i>	<i>schreit:</i>	

Barmherzigkeit! Barmherzigkeit!...

<i>In</i>	<i>diesem</i>	<i>Grunde</i>	<i>will</i>	<i>ich</i>	<i>bleiben,</i>	
<i>Solange</i>	<i>mich</i>	<i>die</i>	<i>Erde</i>	<i>trägt.</i>		
<i>Das</i>	<i>will</i>	<i>ich</i>	<i>denken,</i>	<i>tun</i>	<i>und</i>	<i>treiben,</i>
<i>Solange</i>	<i>sich</i>	<i>ein</i>	<i>Glied</i>	<i>bewegt.</i>		
<i>So</i>	<i>sing</i>	<i>ich</i>	<i>einstens</i>	<i>höchsi</i>	<i>erfreut:</i>	

O Abgrund der Barmherzigkeit!

"Сие есть Вечное Милосердие, что превосходит всякое помышление. Сии суть распростреты к нам объятия любви Того, Кто Сам приклоняется к грешным.

О Бездна, которая все грехи поглотила через смерть Христову! Сие есть подлинное излечение ран; уже нет здесь места осуждению. Ибо кровь Христова взывает, непрестанно взывает: О Милосердие! Милосердие! ... В этих глубинных

основаниях хочу я пребыть, покуда носит меня еще эта земля. Сие я хочу помышлять, делать, к сему стремиться, пока еще могу двигать я членами своими. И тогда придет время, и я воспою в великой радости: О Ты, Бездонное Милосердие!"¹¹⁷

И опять та же тема о бесконечном, снисшедшем к нам *прорыве милосердия* Божия в Сыне Его — напр., в этом замечательном хвалебном гимне Филиппа Фридриха Хиллера (Hiller), 1767 года:

*Mir ist Erbarmung widerfahren
Erbarmung, deren ich nicht weri.
Das zähl ich zu ciem Wunderbaren.
Mein stolzes Herz hat's nie begehrt.
Nun weiss ich das und bin erfreut
Und luhme die Barmherziqkeit.*

*Ich habe nichts als Zorn verdienet
Und soll bei Gott in Gnaden stehn.
Gott hat mich mil Sich selbst versühnet
Und macht durch Blut des Sohns mich rein.
Wo kam dies her? Warum geschieht's?
Erbarmung ist's und weiter nichts.*

*Das muss ich auch, mein Gott, bekennen,
Das rühm ich, wenn ein Mensch mich iraqt.
Ich kann es nur Erbarmung nennen
So ist mein qanzes Herz gesaqt.
Ich beuqe mich und bin erfreut,
Und rühme die Barmherziqkeit...*

*Gott, der Du reich bist an Erbarmen,
Reiss Dein Erbarmen nich von mir,
Und führe durch den Tod mich Armen,
Durch meines Heilands Tod zu Dir.
Da bin ich ewig recht erfreut
Und rühme die Barmherziqkeit.*

"Мне оказано милосердие — милосердие, которого я недостоин. Это я считаю совершенно невероятным. Мое гордое сердце никогда к этому не стремилось. Но теперь я твердо знаю это и исполнен радости и прославляю Милосердие.

Я заслужил только гнев, и вот теперь я в милости у Бога. Господь примирил меня с Самим Собой и очищает меня кровью Своего Сына. Откуда это? Почему это так? Это — бесконечное Милосердие, и ничего больше.

О Боже, богатый милостью, не отыми милосердия Твоего от меня, и приведи меня, бедного, через смерть — через смерть Спасителя моего — к Себе! Тогда, исполненный вечной радости, я буду прославлять Твое милосердие".

Иисус Христос — Владыка и Господь! Филипп Фридрих Хиллер так поет об этом:

*Jesus Christus herrscht als Köniq.
Alles wird Ihm untertäniq,*

*Alles leqt Ihm Gott zu Fuss.
 Aller Zunge soll bekennen,
 Jesus sei der Herr zu nennen,
 Dem man Ehie geben muss...*

*Gebt ihr, Sünder, Ihm die Herzen,
 Klagt ihr, Kranke, Ihm die Schmerzen,
 Saqt ihr, Armen, Ihm die Not.
 Wunden müssen Wunden heilen,
 Heilsöl weiss Er auszuteilen,
 Reichtum schenkt Er nach dem Tod...*

*Ich auch aui der tiefsten Stufen,
 Ich will qlauben, ich will rufen,
 Ob ich schon noch Pilgrim bin.
 Jesus Christus herrscht als Köniq,
 Alles ist Ihm untertänig.
 Ehret, liebet, lobet Ihn! (1752).*

"Иисус Христос царствует, как Владыка. Все Ему покорно, все Бог положил под ноги Его. Каждый язык должен исповедовать Иисуса Господом, Которому подобает воздавать честь.

Предоставьте, о грешники, Ему сердца ваша; Ему поведайте, о страждущие, ваши муки; а вы, убогие, — нужду вашу. Его раны исцеляют наши раны; Он дарует целительное миро, а после смерти — богатство.

И я тоже, на низших ступенях бытия, и я буду верить и взывать, хотя я пока еще странник на чужой земле: Иисус Христос царствует, как Владыка, все покорно Ему". Знаменитый гимн ниже-рейнского мистика и поэта, Герхарда Терстеегена (Tersteegen- 1697-1767) *Ich bete an die Macht der Liebe* ("Склоняюсь пред Владычеством Любви")¹¹⁸ получил самое широкое распространение. Это - одно из самых замечательных произведений Терстеегена; оно посвящено созерцанию безмерной любви Божией и ответному отданию себя в любви Господу Иисусу.

*Ich bete an die Macht der Liebe,
 Die sich in Jesu offenbart.
 Ich qeb mich hin dem freien Triebe,
 Wodurch auch ich geliebet ward.
 Ich will, anstatt an mich zu denken,
 Ins Meer der Liebe mich versenken...*

*Ich iühl's, Du bist's, Dich muss ich haben.
 Ich fühl's, ich muss fur Dich nur sein;
 Nicht im Geschöpf, nicht in den Haben,
 Mein Ruhplatz ist in Dir allein.
 Hier ist die Ruh, hier ist Vergnügen,
 Drum folg ich Deinen selgen Zügen...*

*O Jesu, dass Dein Name bliebe
 Im Grunde tief gemauert ein.
 Möcht Deine süsse Jesusliebe*

*In Herz und Sinn geprägt sein —
Im Wort, im Werk und allem Wesen
Jesus und sonst sei nichts zu lesen. (1751; 1757)*

"Я поклоняюсь Владычеству Любви, раскрывшейся во Христе Иисусе. Я отдаюсь свободным отдаением Любви, что первая возлюбила меня. Вместо того, чтобы думать о себе, я хочу погрузиться в море Любви...

Я чувствую, это — Ты, Тебя я должен иметь. Я чувствую — только для Тебя должен я быть. Ни в творении, ни в жизни - только в Тебе место успокоения моего. Здесь — радость! Здесь — успокоение! Поэтому всегда буду я следовать за Тобой.

О Иисусе, пусть имя Твое будет внедрено в основу бытия моего! Пусть сладостная любовь Иисусова будет запечатлена в моем уме и сердце! Пусть в моих словах, деяниях и во всем существе моем будет прочитано только одно слово "Иисусе" и больше ничего".

Многие благочестивые религиозные стихотворения, если имели напевность и соответствовали молитвенному духу церковной общины, становились церковными гимнами, попадая в тот или иной местный Gesangbuch (а иногда и во все сборники церковных гимнов).

С другой стороны, эти церковные песни влияли на религиозное творчество отдельных поэтов. Целый ряд есть религиозных стихотворений, написанных в том же духе, что и лучшие песни Gesangbuch'a: созерцанием и прославлением безмерной Любви Божией и чувством близости к своему Спасителю и упования на Него.

Вот, напр., глубоко трогательное стихотворение Адольфа Морадта:

Ich bleib bei Dir.

*Ich bleib bei Dir. Wo könnt ich's besser haben?
Mir ist so wohl in Deiner Liebeshut!
Du schmückest mich mit ew'iqen Liebesgaben,
Den Du erkaufst mit Deinem heil'gen Blut.
O weich mit Deiner Gnade nicht von mir,
So weich ich nimmer, guter Hirt, von Dir...*

*Ich bleib bei Dir. Es kann mit alien Schätzen,
Mit alien Gaben und mit aller Lust
Die game Welt ja nimmer den erqötzen,
Dem Deine Liebe wohnt in der Brust.
Du, arme Welt! Ich sehn mich nicht nach dir,
Ich bleib bei Jesu, und Er bleibt bei mil.*

"Я пребуду с Тобой! Ибо где мне может быть лучше? Мне так хорошо быть под кровом Твоей любви. Ты украшаешь меня дарами любви Твоей, меня, которого Ты искупил пречистой Твоею кровью. О не покидай меня благодатью Своею! Тогда я никогда, о Пастырь Добрый, не отступлю от Тебя...

Я пребуду с Тобой! Мир со всеми сокровищами и дарами своими, со всем веселием своим не может того удовлетворить, у кого в сердце обитает Твоя любовь.

Бедный мир! Я не стремлюсь к тебе: я остаюсь при Господе Иисусе, и Он будет со мной".

Сходных голосов много в немецкой религиозной лирике, целый ряд произведений которой был воспринят в тот или другой местный *Gesangbuch* (или даже в несколько таких сборников, как, напр., некоторые стихотворения известных поэтов, — Клопштока, Клаудиуса, Фил. Шпитта — или менее известных — графини Аугусты Эглофштейн и других). Особенно известно это стихотворение романтика фон Гарденберга-Новалис, воспринятое во многие сборники церковных гимнов:

Wenn So bleib Alle ich untreu Dir doch werden, ireu, Erden
Dass Dankbarkeit auf
Nicht ganz vergessen sei.

Für mich emptingst Du Leiden,
Verqingst für mich in Schmerz.
Drum widm'ich Dir in Freuden
Auf ewiq dieses Herz...

Ich habe Dich empfunden.
O lasse nicht von mir!
Lass inniq mich verbunden
Auf ewiq sein mit Dir!

Einsf schauen meine Brüder
Schon wieder himmelwärts
Und senken fröhlich nieder
Und fiallen Dir ans Herz.

"Если и все изменят Тебе, то я останусь Тебе верным, чтобы чувство благодарности не совсем умерло на земле.

Ради меня Ты восприял страдание, ради меня умер Ты в муках. Поэтому я навсегда с радостью посвящаю Тебе это мое сердце.

Я ощутил Тебя! Не оставляй меня! Сделай, чтобы тесно объединенный с Тобой, я навеки был с Тобой!

Когда-нибудь мои братья опять подымут взоры свои к небу и склонятся в радости и припадут к Твоему сердцу" Не буду более останавливаться на ряде умильных песнопений, посвященных молитвенному созерцанию главнейших евангельских событий — Рождеству, Страданию и Воскресению. Здесь много перлов глубоко-христианского благочестия; целый ряд из них унаследован от Средних Веков, является переложением на немецкий язык латинских гимнов.

Вот, напр., рождественский гимн (1655 г., музыка Иоанна Себастиана Баха 1736 г.):

Ich sreh an Deiner Krippen hier,
O Jesu, Du mein Leben.
Ich komme, bring und schenice Dir,

Was Du mir hast gegeben.
 Nimm hin, es ist mein Geist und Sinn,
 Herz, Seel und Mut, — nimm alles hin
 Und lass Dir's wohlgefallen!

Da ich noch nicht geboren war,
 Da bist Du mir geboren
 Und hast mich Du zu eigen gar,
 Eh ich Dich kannt, erkoren.
 Eh ich durch Deine Hand gemacht,
 Da hast Du schon bei Dir bedacht,
 Wie Du mein wolltest werden...

Ich sehe Dich mit Freuden an
 Und kann mich nicht satt sehen,
 Und weil ich nun nicht weiter kann,
 Bleib ich anbetend stehen.
 O dass mein Sinn ein Abgrund wär'
 Und meine Seel ein weites Meer,
 Dass ich Dich möchfe fassen! ...

Einsi aber, hoff ich, wirsf Du mir,
 Mein Heiland, nicht versagen:
 Dass ich Dich möge für und für
 Bei mir und an mir fragen.
 So lass mich doch Dein Kripplein sein!
 Komm, komm und leqe bei mir ein
 Dich und all Deiner) Frieden!

"Я стою здесь перед Твоими яслями, о Жизнь моя, Иисусе! Я прихожу и приношу Тебе в дар то, что Ты Сам мне даровал. Прими в дар мой дух и ум, сердце, душу и силу. Прими это все, и да будет сие благоугодно Тебе! Прежде, чем я был рожден, Ты уже родился ради меня и избрал меня Своим прежде, чем я знал Тебя. Прежде, чем я был сотворен Твоей десницей, Ты уже предустановил, что Ты будешь моим...

Я взираю на Тебя с радостью и не могу насытиться лицезрением, и так как я ничего другого сделать не могу, я стою, и созерцаю умиленно. О если бы мой ум был бездонной пучиной, а душа моя безбрежным морем, чтоб я мог воспринять Тебя!

Но в одном, надеюсь, Спаситель мой, Ты мне не откажешь: чтобы я мог постоянно носить Тебя в себе. Дай мне стать Твоими яслями. Приди, приди и вниди в душу мою, и принеси мир Твой с Собою!"

Какое соединение детской простоты сердца, смиренного сыновнего доверия с глубиной мистического порыва! Или вот гимн: *Dies isf die Nacht, da mil erschienen der grossen Gottes Freundlichkeit* ("Это та ночь, в которой мне явилось милосердие великого Бога моего"), К. Ф. Нахтенхезера¹¹⁹ (1684 г.), не говоря уже о таких классических художественных гимнах, как: *Es ist eine Ros entsprungen*, или *Nun singet und seiet froh, или Vom Himmel hoch da komm ich her* и т. д. Среди гимнов, посвященных страданиям Спасителя, выделяется знаменитое созерцание Павлом Герхардом изъязвленного лика Христова: *O Haupt voll Blut und Wunden* (1650 г.),

являющееся переложением на немецкий язык средневекового *Salve, Caput cruentatum* (13-го века). Созерцание страдающего Господа покоряет сердце.

*Ich will hier bei Dir stehen,
Verachte mich doch nicht;
Von Dir will ich nicht gehen,
Wenn Dir Dein Herz bricht.
Wenn Dein Haupt wird erblassen
Im letzten Todessioss,
Alsdann will ich Dich fassen
In meinem Arm und Schoss!*

"Я хочу здесь стоять у Креста Твоего. Не презри меня! Не хочу отходить от Тебя, когда сердце Твое останавливается. А когда побледнет лик Твой, пораженный смертью, тогда хочу я принять Тебя в объятия моей души". И, переносясь мыслью к собственной предстоящей смерти, он молит страждущего Господа:

*Wenn ich einmal soll scheiden,
So scheide nicht von mir.
Wenn ich den Tod soll leiden,
So tritt Du dann herfür.
Wenn mir am alierbanqsfen
Wird um das Herz sein,
So reiss mich aus den Anqsten
Kraft Deiner Anqst und Pein!*

"А когда я сам буду умирать, то не отступай от меня. Когда я должен буду претерпевать смерть, тогда Ты приди ко мне. Когда мучительно будет сжиматься мое сердце, тогда Ты вырви меня из мук - силою Своего борения и

Своей муки!"

А в другом гимне 17-го века *Jesu, meines Lebens Leben, Jesu, meines Todes Tod* ("Иисусе, Жизнь моей жизни и Упразднитель моей смерти") созерцание страстей Христовых точно также повергает душу в глубину благодарного умиления:

*Nun, ich danke Dir von Herzen,
Herr, für die gesamte Not:
Für die Wunden, für die Schmerzen,
Für den herben, bittern Tod,
Für Dein Zittern, für Dein Zagen,
Für Dein tausendfaches Plagen,
Für Dein Anqst und tiefe Pein
Will ich immer dankbar sein.
(E. Chr. Homburg, 1659).*

Воскресение Христово не так ярко представлено в гимнах немецкого протестантизма. Воскресению Господа и нашему грядущему воскресению посвящен замечательный гимн Христиана Кнорр фон Розенрота 1654 г. (его играют старинные башенные часы в Дармштадте): *Morgenqlanz der Ewigkeit, Licht von unerschöpflichen Lichte* ("Утренняя Заря Вечности, Свет от неисчерпаемого Света...").

<i>Ach,</i>	<i>Du</i>	<i>Aufqanq</i>	<i>aus</i>	<i>der</i>	<i>Höh,</i>
<i>Gib,</i>	<i>dass</i>	<i>auch</i>	<i>am</i>	<i>jüngsten</i>	<i>Tage</i>
<i>Unser</i>		<i>Leib</i>		<i>verklärt</i>	<i>erstefi</i>
<i>Und,</i>	<i>enfernt</i>		<i>von</i>	<i>aller</i>	<i>Plage,</i>
<i>Sich</i>	<i>au</i>		<i>jener</i>		<i>Freudenbahn</i>
<i>Freuen kann.</i>					

"О Ты, Восход с Высоты, дай, чтобы в последний день наши тела восстали преображенными и, избавленные от всего страдания, могли радостно шествовать по пути ликованья".

Очень большую роль в лютеранском благочестии, как выразитель его питающего глубочайшего вдохновения, играет знаменитый гимн того же Паула Герхарда(1653 г.): *Befiehl du deine Wege...* ("Поручи пути свои..."). Обращу внимание на очень характерную вторую строфу:

<i>Dem</i>	<i>Herren</i>		<i>musst</i>	<i>du</i>	<i>trauen,</i>
<i>Wenn</i>	<i>dir</i>		<i>soll</i>	<i>wohl</i>	<i>ergehn,</i>
<i>Auf</i>	<i>Sein</i>	<i>Werk</i>	<i>musst</i>	<i>du</i>	<i>schauen,</i>
<i>Wenn</i>	<i>dein</i>	<i>Werk</i>	<i>soll</i>		<i>bestehn.</i>
<i>Mit</i>	<i>Sorgen</i>		<i>und</i>	<i>mit</i>	<i>Grämen</i>
<i>Und</i>	<i>mit</i>		<i>seibsteiqner</i>		<i>Pein</i>
<i>Lässt</i>	<i>Gott</i>	<i>Sich</i>	<i>qar</i>	<i>nichts</i>	<i>nehmen:</i>
<i>Es muss erbeten sein.</i>					

"Господу должен ты доверять, если хочешь спасения, на *Ego* дело должен ты взирать, если хочешь, чтобы твое дело уцелело. Собственными попеченьями и усилиями и добровольно избранными страданиями ты не можешь вырвать у Бога ничего: все должно быть *испрошено молитвой*". Эти слова вводят нас во внутренний мир лютеранского благочестия, именно в ту основную установку его, где оно противоплагается духу самоуверенного гордого законничества и самоутверждения. В этом была огромная заслуга Лютера: подчеркнуть то, что так легко забывается, — превосходящее, решающее значение *благодати* в деле нашего спасения. Спасение нам *дается*, оно нам дано во Христе, но труден путь участия в Кресте Христовом. И вот этим путем — *активного участия* в крестном подвиге Христовом (силою той же благодати, т. е. свободного *дара Божия*), духовного *со-распятия Христу* (что является основой всего нравственного и мистического учения ап. Павла: "Я сораспялся Христу... живу уже не я, живет во мне Христос"), этой *духовной активностью*, порождаемой в нас даром благодати, лютеранская богословская мысль, лютеранское *теоретическое* богословие - в лице Лютера (не всегда, однако!), и особенно лютеранских ортодоксальных теоретиков и систематиков 17-го века, пренебрегало, или вернее не только игнорировало, но и полемически отрицало ее. Внутренняя же жизнь благочестия, опыт духовный, жизнь молитвенного созерцания, молитвенного горения и подвига молитвенного — там, где они с силой прорывались в жизни протестантов, питаемые проникновением в Слово Божие и живым общением со Христом - преодолевали эту односторонность. Теоретическая абстрактность лютеранского учения о спасении тоже могла легко становиться "сухим, формалистическим, самодовольным фарисейством ("Я-де понимаю истинное спасение, а "злые католики", которые слишком суетятся и хлопочут в своем земном самоослеплении, - нет!"). В молитвенном опыте эта сухая абстракция преодолевалась, вступала в свои права *живая жизнь и живая динамика Духа*. Так было это у Паула Герхарда, так и у многих праведников протестантских. Со всей силой своего

протестантского убеждения Герхард провозглашает вслед за ап. Павлом, что сами мы не можем себя спасти, что "делами Закона", внешним благочестием мы не можем "вырвать наше спасение" у Бога (Mit Sorgen und mit Grämen, und mit selbsteiqner Pein lässt Gott sich gar nichts nehmen);но тут же подчеркивает *активность* нашего общения с Богом - в молитве, более того: в борьбе, в *подвиге молитвенного общения*. Es muss erbefen sein.

Все от благодати; это — большие скобки, в которые вставляется вся наша духовная жизнь. Все, в конечном смысле, в нашей духовной жизни есть *дар Божий*, поэтому нам нечего гордиться и кичиться ("мы — рабы недостойные" - Лк 17. 10), но благодать *делает* нас *активными*, зовет нас к молитве, к борению молитвенному, к великой динамике, к великому подвигу молитвенного общения, и раскрывается и сообщается нам в молитвенной жизни. Это — великий закон внутренней жизни христианства, о котором свидетельствуют и ап. Павел и все отцы-учители духовной жизни христианской, - так, напр., Исаак Сириин, Макарий Египетский, и великие праведники христианские всегда и повсюду.

Жизнь благодати *активна*, но заслуги нашей нет, но есть *наше живое соучастие* в этом живом потоке жизни Духа, в этой жизни подвига Христова. И есть молитвенное борение и горение духа. Es muss erbeten sein.

Мы увидим, как эти глубины христианской жизни, жизни во Христе, о которой говорит ап. Павел, раскрылись великому протестантскому праведнику, Иоганну Арндту (Johann Arndt 1555-1621), автору знаменитой книжки *Об истинном христианстве* (Vom Wahren Christentum), которая была переиздана на своей родине бесконечное количество раз и которой было суждено по крайней мере раз 5 быть переведенной на русский язык и напитать многие души и в России, особенно в 18-ом веке: не проповедью протестантизма, а проповедью Евангелия, той самой проповедью, которой жила и живет Православная Церковь. (См. ниже главу: "Встречи христианского Востока и христианского Запада").

Прежде чем покинуть христианскую лирику немецкого протестантизма, приведу еще один гимн, уже гораздо позднейший - написанный в 1862 г. немкой-балтийкой из Курляндии, Юлией Хаусман (Hausmann. Она родилась в 1825 г. в Митаве, долгое время была домашней учительницей, умерла в России в 1901 г.). Этот гимн *So nimm denn meine Hände* (вошедший, напр., в Гамбургско-Гольштинский сборник гимнов) перекликается с гимном Герхарда *Befiehl du deine Wege*.

<i>So</i>	<i>nimm</i>	<i>denn</i>	<i>meine</i>	<i>Hände</i>
<i>Und</i>		<i>führe</i>		<i>mien</i>
<i>Bis</i>	<i>an</i>	<i>mein</i>	<i>seliq</i>	<i>Ende</i>
<i>Und ewiqlich.</i>				

<i>Ich</i>	<i>maq</i>	<i>allein</i>	<i>nicht</i>	<i>qenen,</i>
<i>Nicht</i>		<i>einen</i>		<i>Schritt.</i>
<i>Wo</i>	<i>Du</i>	<i>wirsi</i>	<i>qehn</i>	<i>stehen,</i>
<i>Da nimm mich mit.</i>				

<i>In</i>	<i>Dein</i>	<i>Erbarmen</i>	<i>hülle</i>
<i>Mein</i>		<i>schwaches</i>	<i>Herz</i>
<i>Und</i>	<i>macn</i>	<i>es</i>	<i>gänzlich</i>
<i>In Freud und Schmerz.</i>			

Lass ruhn zu Deinen Füßen
Dein armes Kind.
Es will die Augen schliessen
Und glauben blind.

Wenn ich auch gleich nicht fühle
Von Deiner Macht,
Du führst mich doch zum
Ziele Auch durch die Nacht.

So nimm denn meine Hände
Und führe mich
Bis an mein seliq Ende
Und ewiglich.

"Итак возьми мои руки, и веди меня до конца моей жизни и вовеки! Я не могу одна ступить ни одного шага. Где Ты будешь стоять *или* идти, - возьми с Собой и меня! Облеки Твоим милосердием мое бедное сердце и сделай его совсем тихим. В радости и горе дай Твоему бедному ребенку найти покой у Твоих ног. Он хочет, закрывши глаза, слепо верить. Если я еще и не ощущаю Твоего могущества, - Ты все же ведешь меня к цели, даже и через ночь. Итак возьми мои руки и веди меня до моей блаженной кончины и вовеки!"

Мы видим из этого краткого обзора ряда протестантских гимнов, как протестантское (лютеранское) благочестие характеризуется пламенным устремлением к Спасителю и Господу Иисусу, горячим и глубоким христоцентризмом - и вместе с тем чувством детской смиренной доверенности и преданием себя в руки Небесного Отца. Мы касаемся здесь — несмотря на все полемические парадоксы и перегибы лютеранского школьного богословия с его отрицанием подвига духовного - подлинных глубочайших основ христианской духовной жизни. Благодать -даром данная нам — делает нас активными, зовет к подвигу самоотдания. Он Сам влечет нас к Себе. Это чувствовали слагатели этих молитв.

Глава девятая

Встречи с англиканством

1

Есть своеобразная сдержанно-трезвенная, умирительная тишина и умирность в лучших проявлениях англиканского благочестия. Мы найдем это в ряде англиканских богослужений, напр., в торжественно-сдержанном и благоговейном совершении классических (при всей своей краткости) ежедневных служб англиканского Prayerbook'a: Morning Prayer (Утренняя молитва) и Evening Song (Вечернее песнопение) с их речитативным чтением на два полухора псалмов каждого дня и новозаветных благодарственных песнопений: "Величит душа моя Господа" и "Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко".¹²⁰ Помню, напр., словно из глубины доносящиеся серебрянные голоса хора мальчиков в изумительной, как бы целиком резной из камня, готической "капелле" 15-го века - не "капелла" (chapel), а целый величественный собор! — в King's College в Кэмбридже. Во всем этом чувствовалась сдержанно-умиренная, проникновенная литургическая красота.

Также и в идеале доброго, смиренного пастыря церковного, исполненного сознания своей ответственности за вверенную ему паству, нашло себе выражение это благочестие — в идеале, который предносился, напр., поэту и мыслителю Джорджу Херберту (1593-1633), человеку огромной утонченной культуры, древнего рода, который предпочел быть смиренным пастором маленького прихода в Бемертоне, близ Salisbury, из желания посвятить свою жизнь служению Господу Иисусу. Через 200 лет тот же идеал предносился, напр., другому поэту и ученому, Джону Киблю (Kible, 1792-1866), который тоже променял блестящее положение в Оксфорде на жизнь пастора деревенского прихода. И как богата была (и есть) англиканская церковь такими пастырями — и священниками и епископами соединившими (и соединяющими) и ученость и утонченную высокую культуру с апостольским горением духа. Таким был учитель внутренней жизни во Христе епископ Линкольнский Эдуард Кинг¹²¹ (1829-1910), далее великие труженики по изучению новозаветного текста, и экзегеты и пастыри церковные, епископы В. F. Westcott (1825-1901) и В. Lightfoot (1828-1889), или напр., епископ Wilberforce (1805-1873), сын великого филантропа и друг Гладстона, и вообще ряд руководящих деятелей Оксфордского движения в 19-ом веке и также последовавшего за ним мощного внутреннего обновления Англиканской Церкви в Англии (Church of England). Создался тогда и своеобразный и замечательный тип священника — труженика духовного среди беднейших кругов населения в самых запущенных кварталах (slums) больших городов, особенно Лондона, среди нищеты и разврата, тип апостола-евангелиста, работающего с себя-забывающей любовью для помощи людям материальной и духовной. У ряда этих священников соединялись с этой заботой о помощи страждущим также и старания восстановить благолепие и красоту церковной службы, при чем они мечтали литургическую красоту использовать для главной, охватившей их основной цели — привлечь, вернуть души ко Господу. Проповедь, незаметное ежедневное служение любви через личное общение, ободрение, утешение и помощь нуждающимся, забота о детях, о больных и одиноких, старание сделать из здания церкви (которое должно было быть открытым весь день — по католическому образцу, - чтобы люди могли там посидеть, собраться мыслями и помолиться) место не только для богослужебных собраний, но как бы и дом духовный для одиноких и забытых - вот основные черты деятельности этих священнослужителей. В первую очередь нужно здесь назвать Чарльза Lowden'a,¹²² о. Mackintoshie'a, но было и есть немало и других священников такого миссионерско-апостольского духа.

Эта деятельность продолжалась (и продолжается и в 20-ом веке, особенно после Первой и Второй Мировой войны,¹²³ когда обострились социальные проблемы и, конечно, не лишена некоторой опасности, наблюдаемой среди некоторых молодых священников (и англиканских и католических): именно, социальная работа — дело огромной важности — все более и более секуляризируется и теряет свое религиозное вдохновение, свою христианскую закваску, свою "христоцентричность", и втягивается все более в социальную и политическую борьбу, не преобразенную религиозно. Деятели церковные перестают тогда быть сверх-классовыми и сверх-партийными служителями братства в Боге и милосердия, и "соль теряет свою силу".

Но сколько истинных примеров служения людям, выросшего из последования Христу и пылания о Христе, являет нам Англиканская Церковь в 19-ом и 20-ом веке! Вот перед нами образ истинного пастыря душ и практического деятеля любви, воспитателя поколений духовенства на подвиг любви во имя Христово - епископа Гора (Charles Gore, 1853-1931), основателя Мэрфильдской монашеской общины (Mirfield) и Мэрфильдского богословского колледжа (около огромного

промышленного центра — Шеффилда), где объединяется вдохновение проповеди о Воплощенном Слове с вдохновением служения людям.

Из ряда выдающихся священнослужителей Англиканской Церкви конца 19-го и начала 20-го века назову далее отца Fynes Clinton'a, великого друга Русской Православной Церкви; особенно хочется мне остановиться на нескольких именах из ряда многих, которых можно было бы назвать, — на имени епископа Трурского, Фрира (Frere, Bishop of Truro) в Корнволле (на крайней юго-западной оконечности Англии), великого аскета, подвижника (он принадлежал к ордену англиканских францисканцев), человека огромной доброты и смирения и смиренного, трезвенного пылания духовного (я у него останавливался несколько дней в 1934 году, когда читал в Англии лекции о положении Церкви в России). Далее назову епископа Экзетерского Сесилия (из рода лордов Сесиль), человека огромного очарования и доброты, и особенно двух лиц: - архиепископа Кентерберийского (сначала Йоркского) Вильяма Темпля (William Temple, 1881-1944) и епископа Чичестерского (of Chichester) д-ра Вильяма Белл (William Bell). Темпл был великий руководитель ко Христу; он учил служить Ему с чувством ответственности, сознательно, трезвенно и мужественно, и был истинно христоцентрическим богословом, строил здание своей религиозной мысли на "основании, кроме которого не может быть положено другое и которое есть - Христос" (1 Кор 3. 11).¹²⁴ И, вместе с тем, это его "инкарнационное" богословие зовет нас к подвигу практического служения людям во имя Христово. Это — основоположно-христианский подход, тут нет ничего специфически нового, но это было заново глубоко пережито архиепископом Темплом; отсюда его дар руководителя и вдохновителя молодого поколения. Как человек, Темпл был очень привлекателен: талантливый, дельный, энергичный, внимательный к людям, с несомненным даром и мыслителя и практического деятеля, и при этом человек подлинного смирения, смиренной и горячей веры и очень большой доброты. Охваченный вместе с тем стремлением послужить *единению* христиан на твердом основании веры в Воплощенного Сына Божия.

Епископ Вильям Белл Чичестерский был образец праведника, живое, непосредственное проявление доброты к людям, спокойной и мужественной веры и мужественного горения духа, приближавшегося к святости. Чувствовалась при общении с ним не только большая подлинность духовная, но и смиренная и ясная высота духовная — мудрость и просветленность, веяние иной жизни. Он заступался за Правду и Милосердие, за милосердие даже по отношению к врагам. Он восставал в Палате Лордов против сплошного уничтожения бомбами вражеских городов и населенных пунктов во время Второй войны. Он же организовал широкую помощь жертвам нацистских гонений, бежавшим из Германии. Та же подлинность и высота духовная ощущалась и при общении с епископом Фриром.

Нельзя не вспомнить также о ряде великих праведников, деятельных и искренних христиан, рассматривавших жизнь свою, как служение Богу и братьям, среди мирян Англиканской Церкви. Вот, в эпоху еще внутренней консолидации англиканства — человек высокой и утонченной образованности, принадлежавший по своему происхождению к высшему слою лондонского торгового класса, один из членов "Virginia Company" Николай Феррар (Nicholas Ferrar, 1592-1637). Его недавний биограф назвал его "одним из величайших английских христиан, что когда-либо жили" и одним из мудрейших и лучших людей, что когда-либо украшали Английскую Церковь.¹²⁵ Человек, перед которым раскрывались возможности блестящей государственной карьеры, поселяется вместе со старой матерью и семьями брата и замужней сестры в деревне далеко от Лондона. Эта многочисленная семья - одних

детей из потомства брата и сестры, живущих вместе, было около 15 (сам Николай не был женат). Для детей создается своя собственная школа, уровень которой стоит так высоко, — и морально и интеллектуально — что ряд друзей отдает туда своих детей. Взрослые члены этого семейного поселка все заняты: один — хозяйством, садом, делами по имению; другие преподаванием в школе, чтением — особенно религиозно-назидательных книг, писанием, домашними богослужениями. Внутри усадьбы была старая заброшенная церковка, которую Феррары с любовью обновили и украсили. Николай Феррар — негласный руководитель всей этой совместной жизни - принял сан диакона и получил разрешение совершать службы, кроме Communion Service (обедни). Он и вся эта "усадебная община" в тесном контакте с местным епископом и соседним священником; это - действительно своеобразная община, без обетов, но имеющая свое особое молитвенное правило, совершаемое в усадебной церкви. Есть там и непрерывные ночные службы: взрослые чередуются в чтении Псалтири. Прочитавший свою часть, звонит в колокол, и его приходит сменить другой. Это поистине какое-то полу-монашество в миру, но прежде всего это — живой центр обширного организованного благотворения, центр молитвенной жизни. И все это очень скромно, не бросается в глаза, мало заметно, тем не менее в тишине влияет. Люди приезжают, смотрят, заходят в церковь на краткие службы и проникаются атмосферой — духовной тишины, смирения, служения людям, веянием святости. Король Карл 1 посетил дважды *Little Gidding* (так называлась усадьба) в последний раз перед битвой при Naseby и был поражен их естественностью и простотой их благочестия и просил одолжить ему составленную ими подробную рукописную "симфонию" ("конкордацию") четырех Евангелий. Многие люди приезжали отдохнуть духовно и набраться сил в этой тихой молитвенной обстановке. Всем оказывалось радушное гостеприимство. Из свидетельств современников явствует, что главной притягательной силой была личность Николая Феррара.

Одним из величайших филантропов Англии, заступником за угнетенных, борцом против рабства был Вильям Вильберфорс (Wilberforce, 1759-1833). Он в первый раз выступил за отмену рабства в Парламенте с речью, продолжавшейся 3 1/2 часа, в 1789 году, но добился успеха только в 1807 году; вдохновением для него было Евангелие, Закон Христов.

Назову еще руководящего церковного деятеля второй половины 19-го и начала 20-го века, лорда Халифакса (1839-1934), великого христианина, и другого великого христианина, премьер-министра Великобритании Гладстона (1809-1898), а также одного из руководящих в свое время деятелей Англиканской Церкви, большого знатока и друга Православной Церкви, Джона Беркбека (Birkbeck) издавшего переписку Хомякова с Пальмером и английский перевод знаменитого краткого трактата Хомякова "Церковь едина".

Хочется упомянуть еще имя Evelyn Underhill (собственно Mrs. Stuart Moore), человека большого мистического горения, автора знаменитой и замечательной книги *Mysticism*.¹²⁶ Здесь соединяется большое научное знание предмета — мистический элемент в религиях человечества — с широтой религиозного кругозора и горячей устремленностью к центру откровения Божия миру — Воплощенному Слову Божию, ибо в Нем раскрылись глубины любви Божией, которые должны захватить — и захватывают — и нас. А это и есть мистический путь: трезвенно, в духе мужественного подвига, в терпении, смирении, быть покоренным открывающеюся нам Божественной Любовью и со смиренным трепетом предать себя совершенно на служение Ей.

Одной из характерных черт англиканства — главным образом, конечно, для многих представителей его руководящего слоя — был и до известной степени является и поныне, дух *христианского гуманизма*: соединение добросовестной учености, мужественного и добросовестного искания научной истины, мужественной и уравновешенно-осторожной мысли с христианской верой и благочестием. Это нашло себе выражение, напр., в многочисленных трудах в области библейской и античной филологии, библейской экзегетики и особенно новозаветного и патристического богословия, трудах, дышащих нередко и силой религиозной мысли и подлинностью задушевной веры. Такими были, напр., труды по установлению критически проверенного текста уже названных Westcott'a и Hort'a, далее, комментарии и богословские труды того же Весткотта, обоих Lightfoot'-ов - епископа John Barber Lightfoot (1828-1889) и Роберта Henry Lightfoot (1883-1953), архиепископа Бернарда, автора замечательного двухтомного комментария к Евангелию от Иоанна (1929), комментарий Armitage Робинсона (один из лучших до сих пор) к Посланию к Ефессянам (1902), и т. д.

Особенное внимание заслуживает замечательная и проникновенная маленькая книжка сэра Edwin'a Hoskyns'a (изданная им в сотрудничестве с Noel Davis'-ом) "Загадка Нового Завета" (*The Riddle of the New Testament*) и его же, изданная уже после его смерти, книга о Четвертом Евангелии.

Считаю долгом назвать еще одного видного англиканского епископа и ученого богослова, большого ума и большой веры, на первый взгляд не очень общительного и суховатого, на самом деле человека большой доброты — и очень большого знания и здравого рассуждения. Это — епископ Глостерский Хедлэм (Headlam). Я знал его в течение ряда лет бодрым пожилым человеком, мечтавшим о сближении между Церквами и пылающим любовью к христианской науке - науке, согретой силой веры. У него есть маленькая книжка (среди многих других весьма ценных книг), посмертная (изданная в 1950 году), которую нужно переиздать (она распродана): *The Fourth Gospel as History* (Историческая ценность Четвертого Евангелия).

Еще более интересны и значительны произведения англиканской богословской мысли 20-го века (я не касаюсь здесь более ранних периодов англиканской богословской мысли). Помещаю ниже отдельную главу, посвященную англиканскому "инкарнационному" богословию 20-их и 30-их годов нынешнего века. Здесь упомяну лишь несколько более поздних книг. Во-первых, замечательное исследование д-ра м. Ramsay'я (нынешнего архиепископа Кентерберийского): *Слава Божия и Преображение Христа* (1949) и его же *Воскресение Христа* (1946). Леонард Hodgson выпустил в 1957 году небольшую книжку *Учение об Искуплении* (*The doctrine of Atonement*); американец W. Wormann Pittinger в 1951 году — свою книгу *Христианская Жертва* (*The Christian Sacrifice*) и Алан Ричардсон - свое очень ценное *Введение в богословие Нового Завета* (1958-1966).¹²⁷

Думаю, что англиканское богословие, выросшее из апостольской проповеди и богословия древних Отцов Церкви, особого своего напряжения и высоты достигло в 20-30-ых годах нашего века. Его можно назвать поистине "инкарнационным", ибо оно развивается на фоне молитвенного созерцания тайны воплощения Сына Божия (что приближает его к богословию православия и ряда руководящих богословских мыслителей современного католицизма — особенно, напр., Н. de Lubac, J. Daniélou, Yves Congar, L. Bouyer), в ее всемирно космическом значении и оплодотворено

сходным созерцанием тайны Воплощения у великих отцов древней Церкви (напр., у Иринея Лионского, и др.). Оно породило ряд замечательных произведений христианской богословской мысли (см. ниже стр. 163). И — странно как будто бы, но на самом деле вполне понятно и внутренне последовательно — этот подъем богословски-молитвенного созерцания тайны Воплощения соединяется во многих случаях (так особенно у епископа Гора и его богословской школы, у архиепископа Темпля и многих других) с повышенным практическим — и в то же время богословски-мистическим интересом к делу социального служения Любви: Воплощенный Сын Божий открывается нам с особой силой - и при том решающей для всей духовной судьбы нашей, согласно Его собственным словам (Мф 25. 31-46) — в страдающем наименьшем брате нашем. Это вдохновение широкого социального служения страждущим людям во имя страждущего Сына Божия охватило целый ряд поколений лучших англиканских священников и молодых кандидатов к священству в 20-ых и 30-ых годах этого века — времени большого подъема умственного, молитвенного, мистически-созерцательного (в духе предания древних Отцов) и каритативного в жизни Англиканской Церкви (Church of England), чему я сам был близким свидетелем. Эти годы были вместе с тем и временем, может быть, наибольшего приближения настроений и веры ряда руководящих лиц Английской Церкви к религиозному вдохновению и преданию Православной Церкви. Очень большое впечатление производил на меня тогда этот подъем религиозной жизни среди англиканской молодежи, готовящейся к священническому сану. Жизнь этой молодежи, усиленная умственная работа, иногда полная рвения и исследовательского энтузиазма начинающих ученых, была сосредоточена вокруг молитвы и участия в Таинстве Евхаристии (ежедневное причастие во многих колледжах). С этим соединялась и здоровая физическая деятельность (см. ниже стр. 149).

3

Но есть и большие опасности и соблазны, проявляющиеся в жизни Англиканской Церкви, как в религиозной жизни повсюду, но некоторые из этих опасностей особенно присущи именно англиканству, отчасти связаны с историей его возникновения и роста и с окружающей его общественной и политической средой. Возникновение англиканства в значительной степени проникнуто духом *компромисса*. Иногда это - разумная средняя линия между крайностями, стремление найти некий органический синтез, но иногда — и даже очень часто — это именно компромисс, т. е. *неорганическая уступка* различным внешним, главным образом политическим воздействиям, исходящим в первую очередь от власти, то стремящейся дипломатизировать (и привлечь к себе умеренные элементы разных направлений), то брутально-бесцеремонной.

Подчиненность Церкви Государству _ не политическое только, но и в вопросах веры и богослужения — явилось одним из основных зол в жизни Английской Епископальной Церкви (Church of England). Это с болью сознавали - и нередко обличали - многие из лучших ее представителей. Но - что еще хуже - этот исторически довольно случайно сложившийся компромисс, сыгравший такую роль при создании Англиканской Церкви, породил дух компромисса, словесного внешнего соглашательства, желающего внешне соединить трудно соединимое и даже несовместимое — дух, который так часто проявлялся и проявляется в истории англиканства. Никакая Церковь не имеет ни возможности, ни права исследовать глубочайшие внутренние убеждения или мысли верующих, но в Англиканской Церкви можно проповедовать, в качестве священника или епископа, в печати или с кафедры учение, идущее в разрез с глубочайшими *основами* учения Церкви - и

оставаться англиканским священником или епископом. Это стало возможным благодаря духу "применяемости к окружающей среде", духу "*адаптации*" и уступки внешним силам (общественно-политическим, культурным) в самых основоположных и решающих вопросах веры. И, в связи с этим, апостольски-миссионерское горение молодых священнослужителей, зовущее их на подвиг социального служения ближнему, на подвиг христианской любви, могло "*адаптируясь*", применяясь к окружающей общественно-интеллектуальной среде, выкинуть за борт вдохновляющее благовестие и оставить только "*социальное христианство*" без связи его с глубинами снисхождения к нам Божественной Любви (т. е. только "*горизонтальное*" христианство, пользуясь современным выражением — лозунгом, распространенным, конечно, не только в англиканстве, но и в кругах протестантских и даже вышедших из среды католицизма). Компромиссность, которая нередко проявлялась в истории англиканства, помогла молодым представителям этого "*горизонтального*" христианства сделать себе из Социального Служения, из идеала Прогресса, Демократии, идеалы, близкие духу времени и заменившие проповедь о снисхождении Сына Божия. Это, конечно, касается далеко не всего современного англиканства, и это, конечно, не последнее слово об англиканстве, таящего в себе большие благодатные силы, но это — та *опасность*, которую оно теперь остро переживает.

Глава десятая

Образы англиканского благочестия

Дополняю предыдущий очерк частью моей статьи, написанной и изданной в Варшаве отдельной брошюрой в 1931 г. после многократных и довольно длительных посещений мною Англии в непосредственно предшествовавшие годы. Приводимый ниже первый очерк навеян в значительной степени жизнью богословских колледжей; второй — литургической жизнью прихода.

I

Есть стороны современной нам англиканской религиозной жизни, которые производят глубокое впечатление. Невозможно забыть того духа глубокого и искреннего благочестия, который царит в современных английских богословских колледжах. Пишущий эти строки неоднократно жил в качестве гостя не только по дням, но и по неделям в английских богословских колледжах. Ранним осенним утром, еще в полутемноте, мелькают тени студентов, и в ваннах и душевых помещениях слышится плеск воды, при этом полное молчание: до службы церковной разговоры не допускаются. С разных сторон, по полутемным, изгибающимся корридорам, студенты — но уже в белых богослужебных мантиях-накидках ("*surplice*") поверх своих обычных костюмов — поспешно и тихо направляются к центру жизни и центру всех строений колледжа — домовой церкви колледжа (*chapel*); иногда, впрочем, отправляются в соседнюю деревенскую приходскую церковь. Войдя в храм, становятся на колени на своих местах перед длинными узкими аналойчиками и молча молятся некоторое время. Каждый день приобщаются все или почти все студенты колледжа. Молча выходят они поочереды со своих мест и полукругом становятся на колени перед священником, который приобщает их из чаши.

После обедни, во время утреннего завтрака еще соблюдается молчание. Так это в "*англо-католических*"¹ колледжах: в Kelham, Cuddesdon, Mirfield, Chichester и др. А днем царит энергичная работа, непринужденный, юношески-бодрый, жизнерадостно-веселый тон. После получасового перерыва, следующего за утренним завтраком,

когда студенты читают свои письма, газеты, начинается рабочий день краткой безмолвной молитвой, молчаливым молитвенным сосредоточием (meditation) в главной церкви колледжа или в маленькой капелле (посвященной очень часто Матери Божией — Our Lady's chapel). Студенты, начиная ежедневный свой труд, возносят в безмолвной молитве мысли свои к Богу. А затем, т. к. лекции слушают в весьма ограниченном количестве, идет усиленное чтение, самостоятельная научная работа в библиотеке: выписки, пишутся рефераты. (В середине же дня непременно или спорт или физическая работа в саду часа на 1 1/2 - 2). Еще два (или три) раза — перед вторым завтраком около 1 часа дня и перед обедом — в 7 часов — происходит краткое совместное молитвословие в капелле колледжа, состоящее в значительной степени из речитативного чтения псалмов на два полу-хора всеми молящимися — каждый полу-хор читает поочередно по стиху, а заключается день молитвами на сон грядущий — *compline* — (все эти совместные молитвословия длятся по 20-25 минут) в 9, 30 вечера, после чего каждый идет в свою комнату и может работать, сколько хочет, но разговоры друг с другом уже прекращаются.

Этот дух размеренного благочестия соединяется с такой юношеской непосредственностью, веселостью, простотой, с таким жизнерадостным добродушием, я сказал бы также — простодушием и доверчивостью в обращении, также и со старшими, которые воспринимаются как старшие товарищи, с такой живостью и энергией, что невольно заражаешься сам этим духом простоты и свежести и начинаешь ценить и любить эти типичные черты лучших, наиболее привлекательных - простых и искренних, представителей английского молодого поколения. И вместе с тем, усиленная, углубленная религиозность, интерес к вопросам систематического богословия, особенно же к глубинам религиозной жизни — к вопросам христианской мистики и к коллективной мистической жизни Церкви, к тому, что мы называем *соборностью*, к внутреннему потоку жизни церковной, как он выражается в общении святых и в благодати таинств. Таинство Евхаристии занимает центральное и основное место во внутренней жизни, в религиозном мирозерцании и опыте этих молодых будущих работников Церкви. Они говорят все, что это — питающий нерв всей их жизни и их работы. Когда они находятся вне колледжа, во время каникул, многие из них стараются тем не менее присутствовать на обеде. Мои молодые друзья из английских богословских студентов, проводившие свои каникулы в протестантских странах, в местах, где не было англиканской церкви, ходили, когда только могли, в католическую церковь (но, конечно, не приобщались там).

Это литургическое обоснование благочестия тесно соединяется с сильной мистической струей, да оно и понятно. Таинство Плоти и Крови Господней питает глубочайшие и сокровеннейшие основы и сокровища религиозной жизни человека. Вообще у лучших из этой молодежи богословских колледжей поражает интенсивность и глубина их религиозных интересов, направленных в сторону мистики, в сторону соборной жизни Церкви, в сторону социального служения братьям, вытекающего из сознания победной, мир покоряющей силы христианского благовестия.

Мне приходилось в богословских колледжах много раз останавливаться, в отсутствии их хозяев, в студенческих комнатах, и я смог произвести наблюдения над выбором книг, стоящих на студенческих полках. Тут почти всегда были английские поэты природы и религиозные поэты, соединяющие мистический порыв с религиозным просветлением мира — W. Blake, Shelley, Keats, Wordsworth, часто Thompson, великий мистический лирик недавнего времени (католик), далее творения мистиков - напр., Lady Julian of Norwich, Walter Hilton, что-нибудь о Франциске

Ассизском и ряд книг по мистике и по основным вопросам религиозного опыта, особенно часто книги von Hügel'я, книги по истории Церкви, большие новые исследования историко--догматического характера, вроде Williams'a *The Doctrine of Original sin* или вроде *Essays Catholic and Critical* или сборника религиозно-философских и историко-религиозных статей о Воплощении (*On Incarnation*). Конечно, сильный и нередко незрелый интерес к мистике Средних Веков может переходить иногда в склонность к религиозно-эстетической настроенности и неуравновешенности. Лучшим противодействием этому может служить строго трезвенный дух наших восточных подвижников-мистиков и аскетов. Недаром такой живой интерес у многих из этой молодежи к трезвенной и строгой ясности православного благочестия (что, ведь, в значительной степени соответствует многим из их собственных духовных предпосылок). Особенно же их привлекает мощная и твердая *соборность* нашей Церкви (дух древне-церковного и вселенского), питающаяся мощным, непрерывающимся живым потоком преемственности христианства.

Их религиозный порыв, их чувство всеобщего благодатного братства во Христе, их чувство всеобщей мистически-церковной (хотя бы лишь потенциальной) связанности во Христе влечет их к подвигу любви. Эта молодежь мечтает о христианском социальном служении; особенно поэтому влечет многих из них работа в самых бедных городских кварталах среди рабочего населения. Идеализм этой молодежи в этом отношении необычайно привлекателен. Они ищут себе именно самые бедные, самые тяжелые и напряженные по религиозной работе рабочие приходы, и некоторые из них бывают глубоко разочарованы, когда попадают в приходы, где социальная работа менее напряжена и ответственна. Но не только из чувства христианской любви и социальной ответственности вытекают эти мечты — и не только мечты, а и действительная, самозабывающаяся, вдохновенная работа любви! - она основана на том, что является нервом всего их мирозерцания, всей их религиозной жизни, и что они так благоговейно воспринимают и ощущают в Таинстве Евхаристии: из их веры в Тайну Воплощения Христова. Воплощение Христово является для истинно верующего англиканца этого типа, для этой новой, охваченной горячей жаждой служения молодежи *основой для всей их жажды служения, для всею социально-просветительною подвига*. "Все покорить Христу" (2 Кор 10. 5), христианство как закваска для жизни мира, как семя Вечной Жизни, освящающее мир и социальную работу; христианство как победная, радостная и завоевательная сила, как единственная сила, могущая внести свет в человеческие бездушно-бессердечные взаимоотношения, в мир несправедливости. Отсюда миссионерско-апостольское горение у ряда лиц из этой молодежи. Недаром их учителем по духу является престарелый епископ Charles Gore, основатель Мерфильдского колледжа (*College of the Resurrection* — "Колледж Воскресения"), горячий англо-католик, горячий сторонник и проповедник социально-христианского подвига, который из Иоанновской проповеди о том, что "Слово плоть бысть" и что "любовь мы познали в том, что Он положил душу Свою за нас; и мы должны полагать душу за братьев", — выводит основы всей жизни и деятельности отдельного христианина и всей Церкви Христианской. Мир духовно покорить Христу — через внесение драгоценного зерна Евангелия во *все* условия и отношения жизни мира. *Christ must be Lord of all, if He is to be Lord at all* — "Христос должен быть Господом над всем, если Он действительно Господь".¹²⁸ Так и предшественник епископа Gore'a и его учитель, великий ученый, специалист по Новому Завету, епископ Broke Foss Westcott писал и учил: "Если Слово действительно стало плотью, то братство людей есть действительность: на этом основании — воплощения — можно строить здание, которое отвечает и современным нуждам и запросам человеческого общества".¹²⁹ А в Ламбетской энциклике всех

епископов англиканского исповедания (от 9 августа 1930 года) читаем: "Никогда в истории не было более ответственного и подходящего момента, чем сегодня, чтобы возгласить Иисуса Христа Господом всей нашей жизни и Владыкою над миром" — *In all history there has been no greater opportunity than there is to-day to claim Jesus Christ as Lord of all life and King throughout the world.*

Неудивительно, что в связи с этими влияниями, многих представителей этой молодежи так привлекает *проповедь победы, дух победы*, вытекающие из горящего устремления нашей Церкви Православной к центру и основе нашей веры — Воскресению Христову.

II

Из колледжа мы перешли к волнующейся вокруг него жизни — к той жизни, к которой готовятся эти молодые люди. И прежде всего начнем с жизни *прихода*.

Жизнь англиканского прихода, что касается его богатой и разносторонней организационно-воспитательной и каритативной деятельности, ярко и обстоятельно изображено в вышедшей недавно по-русски книжке епископа Вальтера Трусского "Англиканская Церковь" (YMCA Press, Париж, 1930).

Я хотел бы кратко остановиться еще на некоторых ее сторонах — в первую очередь на жизни литургическо-молитвенной. Ее самым существенным и центральным выражением для англиканца является *Book of Common Prayer* — "Книга Общественных Молитв" (среднее между Требником, Часословом и Служебником). Нельзя отрицать, что большая религиозная красота, размеренная ясность, спокойствие в Боге укорененной веры, соединенное с какой-то прозрачной чистотой, каким-то душу умиряющим просветленным дуновением, веет из англиканского богослужебного чина, из молитв Prayer Book'a. Самый характер многих песнопений содействует духу соборности: они речитативно поются — читаются всей церковью на два — правый и левый — полу-хора (как мы уже видели в колледже), большей частью под руководством хора певчих. Серебрянно-звонко отчеканивается каждый стих псалма или новозаветных песнопений: "Величит душа моя Господа", "Ныне отпускаеши", молитвы Захарии и повторяющегося каждый день за утреней Амвросиевского гимна "Тебе Бога хвалим".¹³⁰ По три псалма в среднем читаются ежедневно за Morning Prayer (утреня) и за Evening Prayer (вечерня) и после каждого из них — опять таки на два полу-хора — троичное славословие:

Первый: *Glory to the Father and to the Son —
And to the Holy Ghost.*

Второй: *As it was in the beginning, is now and ever shall be —
World without end. Amen.*

При словах: *And to the Holy Ghost* ("И Святому Духу") ("слава: И ныне") верующие склоняются, чтя Троидинобо Бога.

Центром литургической жизни и вообще жизни прихода является теперь опять все больше и больше (еще в середине 19-го века этого не было так или было исключением) *The Communion* или *Holy Communion* (литургия, обедня), и при том не только в специально "англо-католических" приходах. Высшим, центральным моментом англиканской литургии является, конечно, освящение Даров и приобщение верных. В подготовительной молитве священник на коленях перед алтарем молится

вслух от имени всех верных, желающих причаститься: "Мы не дерзаем приступить к сей Трапезе Твоей, о Милосердный Господи, уповая на нашу собственную праведность, но на Твою обильную и великую милость. Мы недостойны даже собрать крохи, падающие со стола Твоего. Но Ты Тот же еси, Господи, Который всегда был и еси милосерд: даруй нам посему, Милостивый Господи, так есть Плоть Возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, и пить Кровь Его, чтобы наши грешные тела были очищены Его Телом, и наши души были омыты Его драгоценной Кровью, и чтобы мы непрестанно пребывали в Нем и Он в нас".

Затем следует "Молитва освящения" (Prayer of Consecration), которую священник также произносит вслух перед алтарем: "Боже Всемогущий, наш Небесный Отец, Ты, по милосердному благоутробию Своему, дал Единородного Сына Своего Иисуса Христа пострадать на кресте для нашего искупления; Который принес там (через принесение в жертву Самого Себя единожды совершенное) полную, совершенную и достаточную жертву и приношение и умиловивление за грехи всего мира, и установил и в Своем Святом Евангелии повелел нам продолжать постоянное воспоминание Своей драгоценной смерти, дондеже придет: услыши нас, о Милосердый Отче, мы смиренно молим Тебя, и дай нам, чтобы мы, приемля сии творения Твои вино и хлеб, согласно святому установлению Сына Твоего, Спаса нашего Иисуса Христа, в воспоминание Его смерти и страдания, были причастниками преблагословеннейших Тела и Крови Его; Который в ту самую ночь, когда предан был, взял хлеб и, благодарив, преломил и дал ученикам Своим, говоря: "Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, за вас предаваемое. Сие творите в Мое воспоминание". Также и чашу после вечери Он взял и, благодарив, дал им, говоря: "Пиите от нея вси; ибо сия есть Кровь Моя Нового Завета, за вас и за многия изливаемая во оставление грехов. Сие творите всякий раз, что будете пить от нея в Мое воспоминание. Аминь".¹³¹

Затем священник причащает верных, которые стоят перед ним на коленях, давая им "хостию" и склоняя к ним чашу со словами: "Тело Господа нашего Иисуса Христа, Которое было предано ради тебя, да сохрани твое тело и твою душу в вечную жизнь. Приими и яждь сие в воспоминание того, что Христос умер за тебя, и питайся им в сердце твоём через веру с благодарением". (*The Body of our Lord Jesus Christ, which was given for thee, preserve thy body and soul unto everlasting life. Take and eat this in remembrance that Christ died for thee, and feed on him in thy heart by faith with thanksgiving*). - "Кровь Господа нашего Иисуса Христа, Которая была пролита за тебя, да сохрани твое тело и душу в вечную жизнь. Пей сие в воспоминание, что Кровь Христова была пролита за тебя, и будь благодарен". (*The Blood of our Lord Jesus Christ which was shed for thee, preserve thy body and soul unto everlasting life. Drink this in remembrance that Christ's Blood was shed for thee, and be thankful*).

Конечно, даже если не знать истории англиканства - в частности истории английского требника — бросается в глаза некоторая неясность выражений в отношении Таинства Евхаристии. Эта неясность преднамеренная, она носит характер сознательного компромисса между более католизирующими (или, вернее, более католически настроенными, более верными церковному преданию) и протестантизирующими тенденциями. В частности, в только что приведенных словах священника, произносимых при приобщении верных, мы имеем два — и при том последовательных - слоя: в первой редакции Требника - 1549 г., наиболее католической ("Первый требник Эдуарда VI"), мы имеем оба раза лишь первую фразу из слов, произносимых ныне, именно: "Тело Господа нашего Иисуса Христа, Которое было предано ради тебя, да сохрани твое тело и твою душу в вечную жизнь". В

наиболее протестантизирующей, непосредственно следующей по времени, второй официальной редакции — в Требнике 1552 г. — эти слова, указывающие на действительность присутствия Тела и Крови Христовых, преподаваемых верным, были заменены словами: "Приими и яждь сие в воспоминание того, что Христос умер за тебя, и питайся Им в сердце твоём через веру с благодарением. - Пей сие в воспоминание, что Кровь Христова была пролита за тебя, и будь благодарен", — слова, которые являются второй частью того, что священник говорит теперь при преподании верным Тела и Крови Христовых. В 1559 г., при Елизавете, которая стремилась к сглажению противоположностей и к установлению компромисса между обеими тенденциями — католизирующей и протестантизирующей — в лоне единой Англиканской Церкви, были восстановлены слова Требника 1549 г., но сохранены и слова редакции 1552 г., после первых слов. В этом виде мы читаем эти слова и теперь.

Было время, когда совершение Таинства Евхаристии и причащения верующих отступало совершенно на задний план в жизни Англиканской Церкви: Таинство Евхаристии совершалось лишь четыре раза в год. Так было в 18-ом веке и до середины 19-го века, когда мощная католизирующая струя, центральным сосредоточием и наиболее мощным проявлением и вместе с тем главным источником которой для современной Англии явилось знаменитое Оксфордское движение, совершенно переродило, обновило и возродило церковно-сакраментальную и церковно-мистическую жизнь англиканства. И представление о роли в религиозной жизни, о святости и значении Таинства Евхаристии стало все более освобождаться от налета протестантизирующего понимания, получившего было некоторое время яркий перевес.

Для возрождения сакраментального понимания Таинства Евхаристии нужно было найти более соответствующие формы выражения. Отсюда необычайное усиление и повышение богослужебно-церковной красоты и церковно-храмового благолепия с середины 19-го века. Нужно побывать, напр., в некоторых лондонских церквях или, напр., в церкви of the Cowley Fathers (один из англиканских монашеских орденов) в Оксфорде, чтобы увидеть, до какой степени торжественности и литургической красоты может быть доведено, в себе скорее простое и скорее бедное в смысле литургических форм, англиканское богослужение.

В искании новых (или старых) форм, более соответствующих росту сакраментального благочестия, имеющего центром своим Таинство Тела и Крови Господних, взор многих верующих в Англиканской Церкви обращался и обращается главным образом к старым римским литургическим формам (которые до реформации были близкими и родными для английской религиозной жизни), но отчасти и к литургическим формам Православного Востока. Чтобы положить известный предел самовольному изменению богослужебных форм отдельными священниками в отдельных приходах, что приводило к весьма острому богослужебному разнобою, иногда почти граничащему с литургической анархией, Англиканская Церковь, (Church of England) решила изменить текст старого Требника (последняя редакция его была 1662 г.), приновив его главным образом к струе католического предания и евхаристического благочестия, особенно энергично пробудившейся в широких кругах англиканской церковной жизни за последнее время. Этот новый Prayer Book (в последовательных редакциях 1927-го и 1928-го годов), дважды принятый обеими английскими церковными конвокациями и английской Church Assembly (вроде поместного собора Англиканской Церкви), был затем дважды (15 декабря 1927 г. и 14 июня 1928 г.) отвергнут парламентом и тем самым не получил официальную санкцию государственного закона. Тем не менее, широкие круги Англиканской

Церкви, во главе с ее епископатом (за исключением лишь немногих епископов), по праву рассматривали его, как получивший санкцию огромного большинства Англиканской Церкви в Англии (Church of England). Было принято решение, что, с разрешения своего епархального епископа, в согласии с желанием большинства членов своего прихода, каждый настоятель имеет право сделать выбор между старым Трестником или новым (1927 г.).

От Трестника 1662 г. его главным образом отличает усиление sacramентального подхода к Таинству Евхаристии и подчеркивание реального присутствия Господа в Святых Дарах. Особенно характерным в этом отношении является, среди других дополнений и изменений прежнего чина, вставка в Освятительную молитву "Эпиклезы", т. е. призывания Святого духа, заимствованной из восточных Литургий: "Услыши нас, Отче Милосердый, мы смиренно молим Тебя, и вместе с Твоим Святым и Животворящим Духом благоволи благословить и освятить нас и сии дары Твои хлеба и вина, чтобы они были для нас Телом и Кровью Сына Твоего, Спаса нашего Иисуса Христа, дабы мы, причащаясь сих, были укреплены и обновлены телом и душой". (*Hear us, o Merciful Father, we most humbly beseech thee, and thy Holy and Life-giving Spirit vouchsafe to) bless and sanctify both us and these thy gifts of Bread and Wine, that they may be unto us the Body and Blood of thy Son, our Saviour, Jesus Christ, to the end that we, receiving the same, may be strengthened and refreshed both in body and soul*).

В наиболее резко проявленных течениях "англо-католичества" (из которых некоторые отчасти склоняются к Риму) евхаристическое благочестие нашло свое особенно яркое выражение в благоговейно разработанном культе Запасных Св. Даров (Reserved Sacraments), по примеру Католической Церкви, что развилось лишь с началом нынешнего столетия и что, напр., в 1927 г. имело место в приблизительно 700 приходах Англиканской Церкви в самой Англии.

Закончу этот очерк молитвенной жизни англиканского прихода одним замечательным памятником индивидуального благочестия, который носит вместе с тем ярко репрезентативный характер (даже и до ныне, более чем через 100 лет после его написания). В самом деле, немного так передает тот дух соборности и тихой просветленности, дышущий в лучших проявлениях англиканской церковно-молитвенной жизни, как знаменитая книжка религиозных стихов: *The Christian Year* ("Христианский Год"), написанная в 1819-1827 г. г. (вышла в свет в 1827 г., 3-е дополненное издание — в 1828 г.) скромным приходским священником, родоначальником Оксфордского движения, знаменитым Джоном Keble (1792-1866). От нея веет духом тихого англиканского деревенского прихода, каких так много было 100 лет тому назад, но каких немало в Англии еще и теперь, той английской деревенско-приходской жизни, на заднем фоне свежих английских лугов и зеленых склонов с одинокими дубами, и полей, с мирно бредущими домой стадами и остроконечной колокольной вдали, над вечереющим полем, — той жизни, которая вдохновила так много произведений английского искусства (особенно, напр., задушевно-умиротворенную поэзию Cowper'a). Мне случайно пришлось раз пожить (в 1928 г.) в тихой, отдаленной части Англии и присутствовать при идиллически-трогательном и простодушном празднике жатвы (это было самое начало октября, теплые, ясные дни), когда весь храм был убран цветами, плодами и желтыми снопами и первыми, свежее-испеченными витыми хлебами нового урожая.

Книжка Кибла исполнена вместе с тем того же духа, которым дышет *Book of Common Prayer*, являясь таким образом, может быть, классическим религиозно-

литературным раскрытием английского типа благочестия. Неудивительно поэтому, что она сразу же была принята английским религиозным миром, как нечто глубоко "свое", глубоко родное, глубоко беспритязательное и подлинное. Эту книжку можно поэтому и доньше найти в большинстве англиканских благочестивых семей. Несмотря на некоторые несомненные трудности мысли и стиля, она с самого начала питала и до сих пор еще питает религиозное чувство; она выдержала бесчисленное количество все новых изданий.¹³²

Но в этой книжке есть больше, чем только отзвук тихой приходской жизни, в ней — струя подлинного и глубоко-христианского мистицизма, алкания душою Бога и утоления жажды души в Боге, соединенного с тихой задушевностью, в некоторой, может быть, типической английской его окраске. Детское чувство преданности Богу и мистическая струя тесно сплетаются в ряде лучших из этих стихотворений.

Приведу несколько отрывков из *Христианского Года (The Christian Year)*. Задушевно проста и глубока в детской умиротворенности своей веры *Вечерняя песня* (собственно, *Вечер - Evening*). Вот несколько строф из нея:

*Sun of my soul! Thou Saviour dear,
It is not night ii Thou be near;
Oh! may not earth-born cloud arise
To hide Thee from Thy servant's eyes.*

"Солнце души моей! Сладчайший Спаситель мой! Ночь не страшна, когда Ты близко. О, да не скрывает никакое облако земных помышлений Тебя от очей раба Твоего!"

*Abide with me from morn till eve,
For without Thee I cannot live!
Abide with me when night is nigh,
For without Thee I dare not die.*

"Пребуди со мной от утра до вечера: ибо без Тебя не могу я жить. Пребуди со мною, когда ночь близка: ибо без Тебя я страшусь умереть."

*Watch by the sick: enrich the poor
With blessings from Thy boundless store!
Be every mourner's sleep to-night
Like infant's slumbers, pure and light.*

"Бодрствуй у ложа больных! Обогати нищих благословением от сокровищницы обильной благодати Твоей! Да будет в эту ночь сон всех, кто скорбит, отраден и чист, как сон младенца!"

Или вот заключительные строфы молитвы, посвященной Распятому Господу (*Великая Пятница*):

*Wash me, and dry these bitter tears,
O let my heart no further roam,
T'is Thine by vows and hopes and fears
Long since — O call Thy wanderer home:*

*To that dear home, safe in Thy wounded Side,
Where only broken hearts their sin and shame may hide.*

"Омой меня, осуши слезы мои, не дай моему сердцу беспокойно скитаться! Оно давно Тебе принадлежит силою обетов, чрез надежду и страх. О, призови странника Твоего домой! Язва в ребрах Твоих, — вот гот желанный дом, где раненые сердца могут скрыть свои грехи и свой стыд."

Образ Страдающего Господа — центр и для англиканского благочестия, как он является центром религиозной жизни всего христианства.

*When I survey the wondrous Cross,
On which the Lord of Glory died,
Then all my gain I count for loss
And pour contempt on all my pride.
(Hymns ancient and modern)*

"Когда я взираю на дивный крест, на котором умер Господь Славы, то все богатство я почитаю за нищету и отвергаю всю гордость мою" — так поется в одном из излюбленных гимнов Англиканской Церкви.

Воплощенный, Распятый и Воскресший Господь — вот основа не только для молитвенной жизни, но и для подвига любви и для служения Ему в мире.

* * *

Много времени прошло с тех пор, но я думаю, что основные черты, описанные мною: богословское и молитвенное созерцание Тайны Воплощения в литургической жизни и вытекающий из этого импульс *служения* людям — социальной работы и живого общения с отдельным человеком, — эти глубоко христианские и столь ценные черты тогдашнего англиканского благочестия не могли не сохраниться и поныне.

Глава одиннадцатая

Англиканское инкарнационное богословие первой половины 20 века²

Развитие богословской мысли в англиканстве полно противоречий и контрастов, часто гораздо более резких и коренных, чем это было бы возможно в пределах Православной Церкви. Однако, есть некоторые особенно значительные, центральные и решающие тенденции в англиканском богословии 20 века.¹³³ Вкратце их можно определить следующими словами: считаясь с данными новейшей библейской критики, но относясь к ним с осторожностью и сдержанностью, поставить, следуя примеру древней Церкви и Отцов, в центре богословствования - не психологические категории человека, не изложение только учения Иисуса (как это делала либеральная протестантская критика), а факт воплощения Сына Божия — "Слово плоть бысть", и вытекающее отсюда учение о благодатном освящении человеческой природы — и тела также - и твари, и истории, и деятельности человека, в частности и социальной, чрез это вочеловечение Слова — закваску Вечной Жизни, вошедшей в мир. Это сближает многие стороны положительно-церковного англиканского богословствования с православным, так, напр., вывод "сакраментальной" точки зрения (освящение твари, и телесности тоже, силою действующего Духа Божия) из того же

факта воплощения Слова, победы Его над смертью. Особенно характерны для ряда англиканских религиозных мыслителей и богословов эти мосты, перебрасываемые от проповеди Воплощенного Слова к свидетельству о Нем, делами любви, служением ближнему.

Временем расцвета "инкарнационного" богословия является уже вторая половина 19-го века, но особенно 20-ые и 30-ые годы нынешнего столетия. Одной из руководящих личностей был в то время епископ Gore (+ 1932). Хотя Вторая мировая война несколько ослабила или направила в другое русло этот подъем богословской мысли, в лице, напр., Alain Richardson'a или архиепископа M. Ramsay мы имеем продолжителей этого значительного богословского течения.

Целый ряд англиканских богословов продолжает патриотическую традицию: старается все снова созерцать с молитвенным благоговением - оставаясь верными богатству апостольского и древне-отеческого предания, но вместе с тем стараясь изложить его на языке современной мысли - тайну взаимоотношения Бога и твари, тайну вочеловечения и искупления. Вочеловечение уясняется в общем контексте отношения Бога к миру.

Уже творение мира есть самоограничение Божие, есть акт смирения Божия - ибо Бог творит рядом с Собой некую иную, относительную реальность, допускает существование рядом с Собой созданной Им — свободно самоопределяющейся твари. Вочеловечение поэтому тесно связано с творением: оно есть новый, еще больший, еще более разительный акт не только снисхождения, но и смирения, добровольного самоограничения Божия. Тайна воплощения все снова и снова приковывает верующую англиканскую мысль. Что поражает и привлекает нас здесь, это — живость и сила догматического интереса. Это не отказ от догматической мысли, который так часто наблюдаем в протестантизме, потерявшем нередко сознание важности и ценности самых основных христианских истин, а поэтому и интерес к ним; вместе с тем это не школьная каталогизация наследия отцов, без собственного религиозного осмысления, без веяния духа жизни, довольно типичная для некоторых современных богословов. Нет, это — живое, самостоятельное движение богословской мысли, *питаемое традицией*, движение по линии религиозного мышления отцов — особенно Ириней, Афанасия и Кирилла Александрийского — и верное вселенской православной традиции, но старающееся подойти к предмету богословского познания из жизни, из потребностей жизни, из духовных запросов, исканий, предпосылок живого, чувствующего человека, из его молитвенного христианского опыта, из живого и поныне живого, нестареющего опыта Церкви, стоящей в мире и связанной с миром, но не растворяющейся в мире. Это сближает положительно религиозную англиканскую мысль с живым процессом религиозного мышления у древних Отцов, у которых мысль вытекла из живого религиозного опыта, и у лучших русских богословов — Митрополита Филарета, И. Киреевского, А. С. Хомякова, Светлова, Несмелова, митрополита Антония, а не с сухими каталогизаторами полученного наследия. Это дает представителями этого течения в англиканской богословской мысли печать свежести и религиозной подлинности — соединения "современности" (в том смысле, что религиозный опыт Церкви переживается и сегодня, и современными людьми, как и древле) и живости с неизменностью самого религиозного содержания, превосходящего всякую человеческую субъективность.

Зато представители другого — эволюционистически-модернистического течения англиканского богословия легко поддаются искушению сделать свою модернистическую психологию, переживания "современного человека" и быстро

увядающие "достижения современной мысли" с ее поверхностно-туманным эволюционизмом, масштабом и критерием для Вечной Истины Бога. Насколько православной мысли дорого и интересно первое учение — именно также в его честных борениях с проблемами современности и современного познания, настолько неприемлем для нея субъективистический дух последнего, где из христианского благовестия выкинуто его ядро, т. е. все его содержание — парадокс о добровольном самоуничижении Бога, соблазн проповеди воплощения и победы над смертью. Но религиозно решающий голос в Англиканской Церкви принадлежит, как я указывал, не этому крайнему модернизму, а положительно-церковному течению, вырастающему из традиции Апостолов и Отцов.

Показательным явлением (одним из центральных явлений) в области этой положительно-христианской мысли англиканства первой половины 20 века следует, несомненно, считать два весьма замечательных и серьезных по тону (не в пример многим другим, иногда слишком популяризирующим и поверхностно скользящим проявлениям англиканской богословской мысли) сборника богословских статей, религиозно-исторического и религиозно-философского содержания: *Essays Catholic and Critical*, вышедший в 1926 г. (edited by E. A. Selwyn; последнее издание 1931 г.) и сборник *Essays on the Trinity and on the Incarnation* (ed. by A. E. I. Rawlipson, Longmans 1928). В этих сборниках приняли участие самые видные представители богословской науки Англиканской Церкви. Содержание их затрагивает все основные вопросы религиозной жизни и христианского мирозерцания, а также ряд важнейших тем истории христианства. Поражает в целом ряде очерков глубина и многосторонняя трактовка предмета.¹³⁴ Но мы остановимся специально на тех, что касаются самых основ христианского религиозного мирозерцания. В сборнике *Essays on the Trinity and on the Incarnation* особенно привлекают проникновенностью и силой религиозные мысли два очерка: *God and Time* (by Rev. F. H. Brabant) и *The Incarnation* (by Rev. L. Hodgson). Оба касаются той же основной темы: отношения Бога к творению Своему.

"Человечество каждого из нас обладает только ущербленной реальностью, полнота истинного человечества принадлежит лишь воскресшему и вознесшемуся Господу, чрез соединение с Которым мы приходим в полноту нашего совершенства, в меру полную истинного человечества... Ибо каждый из нас является в лучшем случае лишь несовершенным приближением к тому, чем является Совершенный Человек."

Мы по нашему несовершенному человечеству не можем судить о том, чем было совершенное человечество воплощенного Слова; "наоборот, мы должны измерять наше приближение к идеалу совершенного Человечества через сравнение с Ним" (т. е. с Христом).¹³⁵ Более того, воплощение Слова не только есть центр в истории человеческой расы, но в истории мира. Есть основной ключ к уразумению смысла творения; оно имеет поэтому *космическое* значение.

"Если мы действительно пытаемся понять мир, в котором мы живем, то мы не можем не считаться с проблемой единения двух элементов — Вечного с Временным, в самом общем смысле слова. Мы указывали далее, что Христологическая проблема является заострением проблемы творения: ибо ставится вопрос, возможно ли, чтобы это единение совершалось в одной человеческой жизни в истории. Христианская вера утверждает, что это действительно произошло - в воплощении Христовом., и что "космическое значение" этого исключительного события, как центра всего исторического развития, является неотъемлемой частью этой веры" (400).

Сила и подъем религиозного созерцания в этом очерке достигают силы и подъема чисто патристического характера. Смысл и призвание человека — вращать все больше в это обоженое человечество Слова, чтобы стать членом прославленного Тела Его и, как член "Тела Славы Его, стать причастником Вечной Жизни".

Our hope is that the individual self-consciousness of each of us shall come to perfection by finding itself in Christ, by becoming the self-consciousness not of a perishable physical body, but of a member of the risen spiritual body of our Lord (383).

"Каждый человек поймет, может быть, когда-нибудь, в глубинах существа своего свою собственную ущербленность и также то, что совершенство и смысл его собственного бытия укоренены в воплощении Иисуса Христа" (401 -402)¹³⁶.

Дух первохристианского подъема, дух иоанновского и павловского созерцания Вечной Жизни, дух торжествующей проповеди Афанасия, Василия и Григория, то, чем живет и дышит Православная Церковь, основа и суть нашей веры, глубина и размах православного мирозерцания, живут и дышат в этих проникновенных словах. В этих глубинах религиозного мирозерцания объединение Церквей уже свершилось, или — скажем сдержаннее и точнее — уже дано в зерне, в семени (ибо не вся Англиканская Церковь стала на эту точку зрения, и она не проведена еще последовательно в церковную жизнь англиканства). Это семя должно победно пробиться наружу, преодолевая сопротивление окружающих второстепенных факторов — исторических влияний, исторической среды. Эти второстепенные факторы церковной жизни должны быть расплавлены в горячий живой поток в огне апостольского и святоотеческого созерцания воплощенного Слова.

По той же линии трепетно-благоговейного созерцания Воплощения Слова, развивается религиозная мысль L. Thornton's в его выдающейся (несколько трудно написанной) обширной книге *The Incarnate Lord* (1928) и в его статье *The Christian Conception of God (Essays Catholic and Critical)*.¹³⁷ Остановимся на главных мыслях его книги.

Thornton глубоко убежден, что тайна воплощения одна только и может раскрыть истинный характер отношения Бога к твари (*The Incarnation provided the revealing principle of theism by disclosing the true nature of the bond between God and His creature* — стр. 6). Он ставит себе задачей указать на космический аспект Воплощения Сына Божия (*to set forth the cosmic aspect of the Incarnation* — стр. 31), как принесшего избавление всей твари. Ибо человек является представителем всех низших ступеней творения, воспринимает их в себя через "превращение", трансформацию - низшая ступень, воспринятая в высший комплекс, становится участницей более богатой жизни (*ascending transformation* — стр. 38-39). *Thus the series is gathered up into man* — таким образом вся космическая серия, лестница объединена и возглавлена человеком (43). К этому приводит нас современное учение о мире, как о лестнице бытия, все более усложняющегося и все выше восходящего вплоть до области духа в человеке. Область духа есть та область, где тварное бытие становится в сознании своим лицом к лицу с вечным творческим началом вещей (*the eternal order*) и воспринимает его в себя и подчиняется ему. Чем больше человек проникается этим вечным творческим началом и подчиняется ему, тем больше растет его индивидуальность, тем значительнее, тем конкретнее становится он.¹³⁸ Высшая мера духовности есть высшая мера конкретности и индивидуальности.¹³⁹ В этом человек есть образ Божий. Ибо Бог не абстрактен, но есть творческое богатство, актуальная, т. е. творческая

Конкретность, (*Concrete Actuality in its absolute form* — стр. 86-87), открывающаяся в безмерной любви.

Мир в своем органическом движении, в своем органическом подъеме по лестнице тварей есть результат творческого акта или творческих актов Божиих, созидающих эту последовательность восхождения. Но на человеке — там, где тварь прикоснулась к области духа, это поступательное движение творения обрывается. Тварное возвращается в постепенном круговращении в лоно смерти.

Сын Божий в Своем воплощении не есть поэтому органическое завершение этой линии восхождения по лестнице твари — это есть совершенно новое: вхождение Бога в мир.¹⁴⁰ Этим пропасть заполнена, смерть преодолена Жизнью. Воплощение Сына Божия есть восприятие творения в его божественное начало, есть "рекапитуляция" творения на высшую плоскость — в совершенном человечестве Христа, в Котором человечество "обожилось".¹⁴¹ Так и Dr. Moberly в своей книге *Atonement and Personality* (1901), которая является одним из самых выдающихся произведений англиканской религиозной мысли того времени, пишет об "inclusive Humanity" (всеобъемлющее человечество) Христа: "*Если бы человечество Христа не было человечеством Божества, оно не могло бы стоять в том широком, всеобъемлющем и совершающем отношении к человечеству всех прочих людей, в котором оно в действительности состоит*" (стр. 9ft). Это - основная мысль святоотеческого созерцания тайны Вочеловечения. Той же линии сосредоточения мысли на Воплощении Сына Божия следует и Dr. Temple (архиепископ Йоркский, затем архиепископ Кентерберийский, человек глубокой, истинно католической веры,¹⁴² в своей книге: *Christus Veritas* (1924 г.).

Несколько слов еще о только что упомянутом основоположном богословском труде д-ра Moberly, посвященном мысли искупления. Эта замечательная книга сосредоточивает свое внимание на внутреннем органическом самоотождествлении Искупителя с искупаемым, *творческой силой любви*, подобно тому (но в неизмеримо большей мере, ибо здесь лишь отдаленный намек), как праведная и любящая мать переживает в муках любви падение сына и в этом страдании за него, в этом внутреннем отождествлении себя с ним находит доступ к душе сына. Аналогия слабая и неполная, но дающая некоторый намек на отождествление себя Божественным и безгрешным Искупителем силою безмерной любви с падшим человечеством (стр. 126). Это напоминает нам некоторые мысли, развитые митрополитом Антонием в своей книжке "Об искуплении".

Господь - пишет далее Moberly — принес на кресте не только полноту Своей воли, Своего послушания - даже до смерти, в жертву благоприятную Отцу, но и полноту внутреннего, жертвенного и органического самоосуждения греховного человечества, с которым Он ведь отождествил Себя не только любовью, но и наиреальнейшим образом — по плоти и крови, будучи и оставаясь сам безгрешным, -полноту того жертвенного, покаянного и умиленного самоосуждения человечества, которое ведь есть внутренний и органический путь воссоединения грешника с Богом, но на которое само человечество было неспособно. Ибо отождествив Себя с человечеством, Он сам органически внутренне, несмотря на все муки и всю тяжесть этого решения, *хотел пострадать*: чтобы вырвать жало греха чрез это внутреннее безмерное самоосуждение воспринятого Им на Себя человечества перед лицом Милующего и Любящего Бога (стр. 132).

Эта книга еще и тем значительна, что на ней в высокой мере религиозно воспитались многие из ныне руководящего старшего поколения современной Англиканской Церкви, как нынешнее религиозно настроенное молодое поколение воспитывается на *Essays Catholic and Critical*, на *Essays on the Trinity and on the Incarnation* и - особенно - на глубоко проникновенных, религиозно оплодотворяющих сочинениях и письмах великого христианского философа Англии, католика Baron von Hügel'a (1852-1925).¹⁴³

Жертва Голгофская заново переживается Церковью в жертве евхаристической. Жертве Голгофской и связанной с ней неразрывнейшим образом жертве евхаристической посвящена замечательная книга епископа Гибралтарского F. C. U. Nicks'a *The Fullness of Sacrifice* ("Полнота жертвы", 1930 г.). Он показывает в ней, что все содержание новозаветного благовестия может быть сведено к жертвенному отданию Себя Спасителем мира.¹⁴⁴ В этом добровольном отдании Им Себя и заключается искупительная сила — *the atoning aspect of the surrendered life* (стр. 243).

Жертва уже в Ветхом Завете означает не уничтожение; ударение падает не на факт физической смерти жертвенного животного, а на добровольную (добровольную, ибо жертвенное животное олицетворяет приносителя жертвы, отождествляется символически с приносителем жертвы) отдачу жизни, т. е. ударение падает не на явление физического порядка, не на механический акт, а на его моральный смысл — на акт символического самоотдания в жертве. Пусть это означение жертвы затемнено в ветхозаветном сознании, но жертва Христова есть ее исполнение, есть *совершенная, высшая, окончательная жертва*, та жертва, на которую все прочие были лишь намеками — жертва Агнца, "закланного от основания мира".

Вся земная жизнь Христова, вся проповедь первых учеников протекает на фоне религиозной жизни еврейства, с ее сакраментальной окраской, с той огромной ролью, которую играет в ней жертвенное начало. Однако, то была жертва внешняя и совершенно недостаточная; полнота же, совершенной жертвы дана только в добровольном отдании Себя Сыном Человеческим "в искуплении за многих" (Мк 10. 45).

Эти мысли добровольного отдания Себя с особой силой высказаны Им, напр., в притче о Пастыре Добром и в установлении Таинства Евхаристии. Это послушание, самоотдание обнимает всю Его жизнь, оно относится не только к смерти, оно начинается с акта вочеловечения и высшего выражения своего достигает на кресте. Эта полнота отдания ведет к полноте преображения принесенной Им Богу человеческой природы (стр. 176).

Ибо в этом смысл жертвы вообще: не в уничтожении ее, но в ее отдании (*surrender*), но не только в этом, а еще и в "ее приятии и преображении — Богом" (стр. 175). И мы участвуем в Его жертве, в Его безмерном послушании, в Его отдании Себя Отцу, умираем на Его кресте, чтобы участвовать в Его обновленной, прославленной жизни, жить Его обновленной жизнью. В этом - смысл Его жертвы, в этом — смысл искупления.

В Таинстве Евхаристии Его жертва особенно жива посреди нас, перед нашим взором, более того, Евхаристия есть продолжение этой жертвы, не в смысле повторения единожды воспрιαтой Им смерти, а в смысле приобщения нашего, все снова и снова, к неоскудевающему потоку Его вечного, непрерывного жертвенного отдания Себя Отцу, и участие наше чрез это в Его преображенном и прославленном

человечестве. Не мы низводим Его снова на землю в Таинстве Евхаристии для нового повторения Голгофы, а мы сами возносимся горе, вся Церковь предстоит в трепетном созерцании перед вечным небесным жертвенником Его, где единожды закланный Агнец, и живой и прославленный, вечно приносит Себя Отцу за грехи мира (как это описано в видении Апокалипсиса, гл. 5). В Таинстве Евхаристии мы переносимся в высшую плоскость бытия, в присутствие Его вечной жертвы, Его вечного отдания Себя Отцу, в присутствие не только Закланного, но Живого, Воскресшего и прославленного Господа (срв. "Се бо входит Царь Славы" в нашей литургии). В этом — истинный смысл Таинства Евхаристии, древне-христианской литургии, и с особенной яркостью и чистотой, по мнению епископа Nicks'a, сохранился этот дух древне-христианской Евхаристии в литургической жизни Православного Востока. "На Востоке... не только был сохранен в Евхаристии характер этого небесного жертвоприношения, но и сторона общения, соборности в евхаристической жертве была удержана, ибо, несмотря на нечастое приобщение верных, священник никогда не был отделен от церковного народа. Изначальная форма евхаристического служения подчеркивает его соборный характер. Евхаристия есть акт тела Церкви... Определенная тенденция Православного Востока лежала в сторону сохранения полноты идеи жертвы в Евхаристии и поэтому земной акт богослужения рассматривался скорее, как перенесение верующих на небо... в непосредственное присутствие Господа, чем как низведение Господа на землю."

В заключительной главе автор суммирует основные мысли своей замечательной книги. Искупление — не в физическом акте Смерти, а в добровольном отдании жизни, и эта жизнь, — человечество Господа - *преображается* и садится одесную Бога Отца. "И таким образом, умирая и добровольно отдавая Свою жизнь, Он проходит с Кровью Своей - т. е. Своей добровольно отданной жизнью — через завесу, которая есть Его собственная плоть, Его собственное преломленное Тело, во Святая Святых, т. е. полноту присутствия Бога."¹⁴⁵

Таинство Евхаристии есть принесение нами Отцу сей жертвы, единожды совершенной и неповторяемой, ибо вечной, вечно приносимой Ему на небесном жертвеннике — самим Агнцем, — вечным Первосвященником. Мы -участники Его жертвы, участники Его послушания,¹⁴⁶ и, вместе с тем, мы - участники Его прославленного человечества. *There can, indeed, be no ultimate distinction between His glorified Hie and the life of redeemed humanity* (стр. 334). Мы становимся в Таинстве Евхаристии причастниками прославленных Тела и Крови Его. И вместе с тем Таинство Евхаристии имеет космическое значение, ибо человек есть первосвященник всей твари. Это — единый великий поток нашего принесения себя и всех и всего Богу чрез *Его, Христову* вечную и единую жертву, который нашел свое высшее выражение в Таинстве Евхаристии. В Таинстве Евхаристии — *earth is lifted up to heaven* — "земля возносится к небу", земное преобразуется в Небесное (стр. 334).

Эта книга епископа Nicks'a глубоко напитана, глубоко дышет истинным духом православия; она, прямо можно сказать, *рождена от этого духа* — из духа апостольского и святоотеческого созерцания богатства и тайны и славы - "богатства славы наследия Его", открывшегося нам в воплощении Сына Божия.

Проблема таинств и отношения их к общему мирозерцанию и соборному мистическому опыту Церкви вообще сильно занимает религиозную мысль католически настроенной части англиканства, является, наряду с созерцанием тайны Воплощения и Искупления, одной из центральных тем, вытекающей из его религиозного опыта. Укажу лишь, кроме уже рассмотренной нами книги епископа

Hicks'a, еще на интересную книгу Canon Quick'a *The Christian Sacraments* (1927; 2-ое изд. 1928 г.) и на статью O. Spens'a об Евхаристии (*The Eucharist*) в *Essays Catholic and Critical*.

Наряду с этим глубоко католическим направлением англиканской богословской мысли, которое является особенно характерным и значительным, встречаем и ряд произведений, в которых христианское благовестие лишается своей исключительности и силы, лишается иногда своего внутреннего ядра и всецело приспособляется к "современно-эволюционистической точке зрения, связывается оковами немощных и вещественных начал мира сего" — вплоть до отрицания истинного воплощения Слова и силы воскресения Его. Таковы, напр., книга Rashdall'я об Искуплении; отчасти работы Bethune-Baker'a и ряд других.

Через сближение Англиканской Церкви и Православной стержень англиканской богословской мысли, продолжающей пути святоотеческого предания и раскрывающей его применительно к умственным запросам нашего времени, был бы еще более укреплен и была бы исключена тогда возможность отказа от самых основ христианского благовестия на почве англиканского богословия. Современная же православная мысль обогатилась бы многими ценными плодами братского богословия, выросшего из тех же общих предпосылок апостольского и святоотеческого вероучения.¹⁴⁷

Глава двенадцатая

О духовной и религиозной традиции русской семьи

1

Всякая культурная и духовная жизнь и народа и отдельной личности должна в значительной мере рассматриваться, как *динамическая традиция*, т. е. как духовное оплодотворение предшествующим и творение новых ценностей, как претворение в жизнь, в новых формах жизни, некоторых основных, исконных вдохновений. Это в достаточной степени очевидно и подтверждается действительностью на каждом шагу, но об этом часто забывают.

Особенно значительное - и основоположное - проявление этого живого потока динамической традиции есть жизнь семьи, культурная и духовная, переходящая из поколения в поколение. В тишине, незаметно, неслышно совершается здесь великое дело не только передачи культурных и духовных ценностей, но и творческого воздействия одного поколения на другое (и — это еще важнее — личности на личность), "духовного оплодотворения", рождения и образования новой личности, т. е. решающего, творческого элемента в общем потоке культурной и духовной жизни.¹⁴⁸

То, что производят семена воспитания, получаемого в недрах семьи, т. е. приобщение ребенка к духовным ценностям, которые, так сказать, "сеются" в его душу, в большинстве случаев несравнимо по глубине и силе со всеми последующими воздействиями в жизни. Огромное значение семьи в духовной и культурной истории отдельного человека и народа настолько ясно, что на доказательство этого не стоит тратить времени. Интересно, однако, остановиться на том, как это значение проявляется, какие различные формы принимает этот поток динамической духовной традиции, текущей через семью (иногда, конечно, эта динамика замирает и "соль"

духовная теряет свою силу, остается форма, но жизнь отлетает. Это — как мы знаем - бывает повсюду — и в жизни семьи, и в обществе, как и в жизни отдельной личности).

Творческое воздействие происходит - повторяю - в глубинах духа, в тишине, едва заметно. Недаром пришествие и действие Царства Божия сравнивается в Евангелии с незаметным действием закваски, положенной ("скрытой") в "три меры муки, покуда не вскиснет все", или с зерном горчишным, меньшим всех семян, которое однако, упав в землю, вырастает в большой куст, выше всех злаков, так что птицы небесные гнездятся в нем (Мф 13. 32-33). Эти евангельские мысли в сильной мере вдохновили, напр., идеи Хомякова по философии истории.¹⁴⁹

В тишине совершаются величайшие творческие воздействия и созревания — конечно, не только в пределах семьи, но ничто не может сравниться с духовным воздействием матери (иногда той, которая заменяет мать) на душу ребенка. Это средоточие лучей ласки и любви на душу маленького ребенка создает такую благодатную атмосферу творческого влияния и роста, которая часто может решающим образом действовать на всю последующую жизнь. Основные предпосылки и вдохновляющая сила идеала христианской семьи в русской духовной традиции сходны с вдохновляющей силой такого же идеала на Западе, ибо вытекают из того же источника — христианского благовестия и проповеди об освящении всей ткани жизни через воплощение Сына Божия. "Едите ли, пьете ли - все делайте во славу Божию". Брак есть таинство единения двух лиц, освящаемого параллельно с мистическим единением Христа с Церковью. Есть особое достоинство, особые дары и призвание, особый вид служения у разных членов семьи. Идеал жены и матери, женщины-христианки нарисовал апостол Петр в знаменитом месте своего 1-го Послания (3. 4) о "сокровенном внутреннем человеке в нетленной чистоте кроткого и молчаливого духа".

Как вся жизнь наша, так и жизнь семьи есть вместе с тем, с точки зрения христианского мирозерцания, и место духовного роста, место приготовления нашего к той высшей цели, к той Вечной жизни, к которой мы все идем и которая предносится нашему взору, освящает все наши земные отношения. "Всякое отцовство на земле" освящается прообразом Небесного Отца ("Преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отцовство на небесах и на земле..." — пишет апостол Павел (Еф 3. 14-15).

При основном единстве евангельского идеала христианской семьи в Православном Восточном и в Западном христианстве, мы имеем, однако, многообразие форм и проявлений, в которых эта жизнь христианской семьи нашла свое выражение, при чем народное, этнографически и исторически обоснованное, сыграло также большую роль. Но при всем многообразии этих культурных и национальных элементов можно говорить, как мы видели, о некоем обще-христианском идеале, который творчески претворил этот материал народных обычаев и преданий и доныне часто предносится повседневной действительности как некая вдохновляющая и облагораживающая сила. Нас интересуют здесь особенно духовные и культурные ценности, которые культивируются и передаются в русской семье. Из сказанного ясно, что, когда мы касаемся *духовных высот* русской семейной жизни, вытекающих из ее евангельского вдохновения, мы вместе с тем встречаемся здесь с явлениями, аналогичными высотам христианской семейной жизни и на Западе.

Человек слаб и недостойн морально, но живет духовно из идеала, который выше его. И этот идеал самым уже существованием своим нередко влияет на его жизнь. На это явление в отношении к жизни русского народа нередко указывал Достоевский. Это, конечно, — обще-человеческое явление.

Православная Церковь, явилась, как известно, в высокой степени источником религиозного вдохновения и моральной силы для русского народа,¹⁵⁰ была его воспитательницей. Различные силы и устремления русского народа, часто хаотически мятущиеся, нашли в ней свое обуздание и просветление. Православная Церковь учила его *трезвиению* духовному и мужественному подвигу, просветляющему жизнь. В действительности жизнь народная весьма часто *была не на высоте, но сложился идеал духовною благообразия*, который влиял на жизнь и нередко и осуществлялся в жизни — в самых различных слоях народа. Он недаром закреплен в ряде образов у русских великих писателей, которые умели подглядеть жизнь, увидеть иногда ее питающие силы. Таков, например, образ старухи Тихоновны в замечательном отрывке задуманного Толстым романа "Декабристы", полный истовости и подлинного и смиренного достоинства, или этот Некрасовский "Влас":

*"Полный скорбью неутешною,
Темнолиц, суров и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам..."*

(строки, от которых приходил в восторг Достоевский).

В древне-русском, да и в позднейшем благочестивом русском семейном укладе этот идеал освящения жизни находил свое особенно яркое выражение в *родительском благословении*, которое стоит как бы в центре жизни семьи. Известны эти "зачины" многих русских былин.

*"Не сырой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются:
Расстиляется сын перед батюшкой,
Он и просит себе благословеньица:
"Ох ты гой еси, родимый милый батюшка,
Дай ты мне свое благословеньице..."
Отвечает старый хрестьянин Иван Тимофеевич:
"Я на добрые дела тебе благословеньице дам,
А на худые дела благословенья нет...
Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистом поле хрестянина"*

(Из былины об Илье Муромце).

А в былине о Дюке Степановиче читаем:

*"К той же матушке ко родимой,
Честной вдове Омельфе Тимофеевне,
Пал Дюк тогда матушке в резвы ноги,
Просит у нея благословеньица съездить в Киев град..."*

Даже буйный Васька Буслаев покорно просит материнского благословенья:

*"Вздумал Васинька съездить в Ерусалим град,
Спал он просить у матушки благословеньца,
Буйной головой он до сырой земли,
Как не белая береза изгибается,
Не шелковые листья расстилаются,
Васинька матушке наклоняется".*

Новая жизнь, новая семья начинается с благословенья родителями женихов и новобрачных, строится на нем, оно "утверждает дома чад". В общерусском, напр., в крестьянском быту, оно нередко сохранялось до последних времен - до революции и иногда даже дольше.¹⁵¹ В-сознательно-религиозной традиции крепких русских семей, попавших в эмиграцию, напр., во многих семьях из старого русского культурного слоя, эта центральная роль благословения родительского при построении новой семьи в значительной мере сохранялась и поныне.

А вот несколько зарисовок обряда благословения новобрачных в русском крестьянском быту середины и конца 19-го века. У Р. Терещенко в его известной книге "Быт русского народа" (часть II, Свадьбы. С. Петербург, 1848) собрано много ценного материала.

В Смоленской губернии отцы, родной и посаженный, и матери наставляют и благословляют жениха; он кланяется им в ноги; сватья поют:

*"Не вороной конь копытом землю роет,
Наш молодой князь благословенья просит
У батюшки родителя, у батюшки благословителя,
У матушки родительницы, у матушки благословительницы".*

В Нижегородской губернии, когда все бывает готово к поезду в церковь, каждый из молодых благословляется родителями в своем доме следующим образом: продвигают стол к углу под иконы и покрывают его белым полотном, потом кладут на стол ржаной хлеб с солью, пирог и белый хлеб, затепливают свечи и лампаду под образами; все домашние и родственники молятся с ними. После этого отец и мать надевают на себя шубы, вывороченные шерстью наверх, а отец крестный берет правой рукой жениха за одну руку, держа в правой своей руке вывороченную шубу; за другую руку жениха берет дружка или брат и подводят его к родителям, которые стоят за столом: отец с иконой, а мать с хлебом. Дружка говорит: "Любезный батюшка, благослови милое чадо злат венец прияти и плод с райского дерева сняти". Он повторяет эти слова три раза, а жених три раза падает в ноги отцу на разостланной шубе, которую приготовил сват. Затем отец благословляет сына иконой крестообразно, которую целует сначала сам, потом дает ее целовать сыну, а наконец целуют друг друга. Точно таким образом благословляет мать сына, потом отец и мать благословляют его поочередно хлебом - солью и отпускают к венцу.

Таким образом происходит этот обряд благословения и в других местностях России. К восьмидесятым годам 19-го века относится следующее описание предсвадебного благословения у крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии:

По окончании обряда подружье берет потник и кладет его среди комнаты. Дружка подводит сюда жениха, становится рядом с ним против родителей и спрашивает у них благословение:

<i>"Батюшка</i>				<i>родимый</i>
<i>Благословите</i>		<i>своего</i>	<i>сына</i>	<i>родного</i>
<i>К</i>	<i>суду</i>		<i>Божью</i>	<i>постоять.</i>
<i>Злат</i>		<i>венец</i>		<i>принять,</i>
<i>Животворящий</i>		<i>Крест</i>		<i>целовать...</i>
<i>Как</i>	<i>святые</i>		<i>отцы</i>	<i>принимали,</i>
<i>Так и нам грешным"</i>				

"Благослови, батюшка", добавляет жених и три раза кланяется ему в ноги, испрашивая прощения.

"Бог благословит", говорит отец, троекратно обнимает его и вручает ему благословенный образ с караваем. Затем жених становится против матери, дружка точно также просит ее благословить сына; жених просит у нее прощения и он получает затем второй образ с караваем.¹⁵²

Очень торжественным был обряд благословения при праздновании свадьбы царя Михаила Федоровича 5-го февраля 1626 года.

Государь слушал раннюю обедню, потом благословлялся у своего отца, святейшего патриарха, и говорил ему речь: "Великий Государь, отец наш, Филарет Никитич, святейший патриарх Московский и всея Руси. По воле Всеблагого и соизволению нашему и матери нашей, инокини Великой Государыни Марфы Федоровны, назначено быть нашей свадьбе, а сего дня моей радости, Святейший Патриарх, благослови сына своего". Патриарх, благословляя сына, говорил: "Всемогущий и неизреченный в милости, вознесший тебя на царский престол за благочестие, Тот и благословляет тебя. Да подаст Он тебе и супруге твоей долгоденствия и размножение роду. Да узришь на престоле сыны сынов твоих и дщери дщерей твоих, и да защитит Он всех вас от врагов, распространит могущество ваше от моря до моря, и от рек до концов вселенной". Потом патриарх благословил его образом Пресвятыя Богородицы. Наглядными носителями родительского благословения, более того - священными для детей и семьи символами Божия благословения являются семейные иконы. Оне передаются из поколения в поколение, как бы воплощая в себе духовную связь, духовную преемственность отцов и детей. У бесчисленных крепких русских семей, простых и знатных, скудного достатка, зажиточных и богатых, были эти заветные семейные или родовые иконы, "родительского" благословения. В старом купечестве, у старообрядцев, в стародворянских и княжеских родах, у духовенства, в крепких гнездах крестьянского семейного быта, особенно, напр., на севере России. Некоторые семейные или родовые иконы как бы воплощали в себе жизнь поколений, историю семьи или рода с отцовской или материнской стороны. Так, напр., в одной из ветвей Голицынского рода хранилась, как семейная святыня, очень древняя икона, которую опальный Меньшиков вывез в Сибирь и которой он благословил в Березове свою дочь, княгиню Голицыну, при выходе ее замуж. В семье Ермоловых хранилась из поколения в поколение икона "царской невесты" Марии Хлоповой (которая должна была выйти за царя Михаила Федоровича), прабабки Ермоловых. В старшей ветви Долгоруковского рода хранилась, как большая святыня, икона, которая была связана с памятью героини и подвижницы, княгини Наталии Борисовны Долгорукой, рожденной Шереметевой, вдовы трагически казненного Ивана Долгорукого, впоследствии монахини; эта икона была родительское благословение малолетнему сыну князя Ивана. Это — только несколько случайных примеров, взятых много наугад из знакомых мне семей. В старозаветных купеческих семьях, особенно старообрядческих, также особенно много

было таких старинных, наследственных семейных икон. Для детей и внуков они были насыщены живым потоком родительского и дедовского благословения и молитв.¹⁵³

В древне-русском доме "красный угол" с иконами, божницей или домашняя часовня были центром религиозной и духовной жизни семьи. Какую огромную роль играли эти иконы в древней Руси, явствует хотя бы из наставления Сильвестровского Домостроя: глава 8-ая. "Како дом свой украсити святыми образы, и дом чист имети. В дому своем всякому христианину, во всякой храмине святыи и честныи образа, написаны на иконах, ставити на стенах, устройв благолепно место со всяким украшением и со светильники, в нихже свечи пред святыми образы возжигаются на всяком славословии Божиим, и по отпетии погашают, завесою закрываются, всякия ради чистоты, и от пыли, благочиния ради и брежения, а всегда чистым крылышком сметати, и мягкою губою вытирати их, и храм тот чисто держати, к святым образом касатися достойным, в чистой совести, и на славословии Божий и на святом пении и молитве, свечи зажигати, и кадити благовонным ладаном, и фимиамом, в молитвах и во бдении, и в поклонах и во всяком славословии Божий, всегда почитати их, со слезами, с рыданием, и сокрушенным сердцем исповедатися, об отпущении грехов"

3

Истовое обрядовое благочестие, которое жило в старо-русской семье, могло быть живым проводником "прикосновения к иному миру". В этом - значение этого благочестия, значение обряда. Но обряд мог, конечно, восприниматься и очень внешне, как нечто самодовлеющее, формальное, и тогда его духовная сила замирала, он мог становиться мертвенным, механическим, как все, лишённое силы духовной. Но обычно, нормально, он должен был *просвечивать* - и в этом было его назначение - духовные реальности и приближать их к людям. Неправильное внешне-формальное отношение к обряду породило, как известно, великую смуту в русской Церкви во второй половине 17-го века, столь вредную для русского благочестия и приведшую к расколу.

Все эти опасности механизации, искажения иерархии ценностей, смешение производного, подчиненного, т. е. внешнего символа, с основной и решающей Реальностью, о котором он должен свидетельствовать, не уменьшает великое религиозное моральное значение обряда. Он помог создать, воспитать тот тип *духовной собранности*, того духовного благообразия, который проявляется и вовне и облагораживает и внешние проявления жизни. Обряд с этой точки зрения призван освятить эту жизнь в главнейших фазах и проявлениях ее напоминанием о том Источнике Света, из которого уже теперь должна освящаться и просветляться и земная жизнь. Земная жизнь должна просветляться и освящаться отблесками Вочеловечения Слова. Такова православная (и католическая также) философия обряда. И семья религиозно жила, поэтому не обрядом, а силой духовной *связанности* с великим потоком жизни Церкви, проявлявшейся, между прочим, и в обряде — этом символе освящения жизни; она жила участвием в самой жизни Духа.

Носительницей и передатчицей этой жизни Духа была прежде всего *мать*. Характерно, напр., то, что пишет А. С. Хомяков (в письме к М. С. Мухановой): "Я знаю, что восколько я могу быть полезен, ей (т. е. своей матери) обязан я и своим направлением и своей неуклонностью в этом направлении. Счастлив тот, у которого была такая мать и наставница в детстве".¹⁵⁴ Какое великое, огромное богатство представляют эти образы матерей-христианок в этом живом потоке русской духовной и культурной жизни! Как много светлого излилось из них в души окружающих! Эти

матери незабываемым образом воздействовали на души своих детей, приводя их в соприкосновение с Божественной Действительностью, уча их на своем примере — любви, состраданию, правде и молитве, уча их подлинно христианскому подходу к жизни. А вместе с тем они часто были центром излучения огромной культуры и ума и сердца. Такая мать — повторяю - своим примером учила любви и состраданию; останавливаюсь на этом, как на самом важном: действенной, себя забывающей любви. Это религиозное и нравственное величие образа христианской русской матери, которое всегда существовало и в сокровенных глубинах повседневной жизни, питало душу молодого поколения и являлось часто духовным средоточием семьи,¹⁵⁵ и с особой яркостью и силой проявилось теперь, на наших глазах, в годы русского лихолетия. Это был живой источник света и ласки, согревавший и своих и чужих. Я знал одну такую мать, у которой вся жизнь была в отдании себя другим, без всякой сентиментальности, в тишине и ласковости и простоте, соединенной с величайшей мудростью. Эта мать была великая христианка, насыщенная Словом Божиим, которое ежедневно читала своим детям (из Евангелия и посланий апостольских), которая жила сокровенной внутренней жизнью и была вместе с тем необычайно деятельна. Где нужно было утешать, она утешила; бедных она кормила у себя на дому — во время благополучия, а во время большевистского гнета и повсеместного голода, она даже свой паек почти целиком отдавала больному мужу или сироте-племяннику, или просто приходившим затравленным голодным людям, близким и чужим. Но ее главное дело, этой деятельной матери семейства, которая в тяжелые времена на всех готовила в доме, чистила картошку, пекла, когда можно было, хлеб или лепешки, ее главное дело была молитва за других, молитва заступничества. Когда она оставалась одна, она молилась. Когда она сидела и как будто отдыхала и перед ней лежала раскрытая книжка (для нее отдыхом было читать английские романы, особенно в старинном духе, 19-го века), то, когда она оставалась одна, она откладывала книжку - и молилась. За всех! Особенно за своих детей. Две дочери, которые все время оставались при ней и разделяли с ней все перипетии подсоветской жизни, были арестованы и находились в концентрационном лагере (сначала в Соловках, затем одна из них попала в лесозаготовочный концлагерь на северо-востоке), и она вымолила их: они вернулись. Так чувствовали близкие и знавшие ее - они чувствовали силу ее молитвы. Уже в прежние времена ее просили молиться за них близкие и друзья — они чувствовали *горение* ее праведности. И это было соединено с высочайшей простотой, с ласковым, добрым чувством юмора и утонченной культурой. Особенно любила она поэтов - английских и немецких (Байрона, Гетевского "Фауста", "Buch der Lieder" Гейне) из русских — А. Хомякова и А. К. Толстого. Она любила историков - особенно француза Amédée Thierry, специалиста по последним временам Римской Империи, по нашествиям варваров, по истории церкви 4-го и 5-го в. в. Она хорошо знала Добротолубие, особенно Макария Египетского, Исаака Сирианина, Исихия Иерусалимского; одной из ее любимых книг было толкование епископа Феофана Затворника на 118-ый псалом (ее любимый). Но особенно питалась она духовным чтением из Священного Писания — псалмов, пророка Исайи и новозаветных книг. Этим она вдохновлялась. Это и молитва были питающим нервом ее жизни. Основная ее характеристика была - *жизнь не для себя*, отдание себя всецело для других, прежде всего для мужа, потом для детей, а также и всех близких и "чужих". У нее был дар - огромная сила жалости и сострадания. Она не могла видеть горя или нужды - чьи бы они ни были - чтобы не желать помочь тут же, сколько она была в состоянии. Она учила своих детей милосердию, учила их отдавать свою любимую игрушку бедному сироте. Это был такой пример естественной простоты, смирения, величайшей культуры, но прежде всего культуры сердца, и святости, что этот пример сам был уже величайшим актом воздействия и воспитания. Равных по молодому горению духа - даже в старости (как она увлекалась всем прекрасным, как любила классические

Lieder Шумана и Шуберта и стихи, особенно образы *духовной красоты!*), и по силе героического смиренного служения любви и величайшей духовной утонченности и благородства в самой этой подлинной, не вымученной, а основоположной простоте и чистоте духа — я не встречал.

Но много образов русской матери — мудрой, горячей сердцем, трезвенно-подлинной и духовно утонченной и, прежде всего, доброй - не навязчиво, не "эмоционально", а истинно доброй, смиренной с забвением себя, религиозно укорененной - встречались мне на моем пути и в России до революции и в эмиграции. Не только, конечно, среди русских. Но разносторонность и трезвенная тонкость и евангельская простота осуществления этого идеала очень типично русские, хотя, конечно, не исключительно.

Но на одном хотелось бы еще здесь остановиться. *Чем* жили эти матери-христианки — те, напр., о которых я говорил здесь и которых я знал? Оне жили прежде всего из внутреннего устремления, из духовного общения своего с Господом своим. В них уже начинал проявляться тот предельный идеал, о котором пишет апостол Павел: "Живу уже не я, но живет во мне Христос", во всяком случае в обращении взора души своей к Нему, черпали они свои силы. Это был некий органический процесс: начало новой жизни, и жизнь эта изливалась вовне на семью и окружающих.

4

Приведу еще несколько примеров такого образа матери - из материала, связанного с воспитанием и духовным ростом ряда русских замечательных людей, вышедших не только в жизнь, но и вошедших в историю русской культуры. Некоторые из них явились центрами духовного воздействия, очагами сердечной теплоты и просвещения, не только для своих детей, но и для посторонних, особенно для молодежи, бывавшей у них в доме.

Начну с Авдотьи Петровны Елагиной, в первом браке Киреевской, матери братьев Киреевских и родственницы поэта Жуковского (рожденной Юшковой, 1789-1877).

Вот, что о ней пишет известный русский историк права и сотрудник правительства Александра II по крестьянской реформе, профессор К. Д. Кавелин (1818-1885), испытавший ее ласку на себе, когда он юношей часто запросто бывал в этом гостеприимном доме Елагиных, полном молодежи:

"Вводимые в замечательно образованные семейства добротой и радушием хозяев, юноши, только что сошедшие со студенческой скамейки, получали доступ в лучшее общество, где им хорошо было и свободно, благодаря удивительной простоте и непринужденности, царившей в доме и на вечерах. Здесь они встречали и знакомились со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-помалу укреплялись в любви к литературным и научным занятиям. К числу молодых людей, воспитавшихся таким образом в доме и салоне Авдотьи Петровны Елагиной, принадлежали: Дмитрий Алексеевич Валуев, слишком рано умерший для науки, А. Н. Попов, М. А. Стахович, позднее трое Бакуниных, братья эмигранта, художник Мамонов и другие. Все они были приняты в семействе Елагиных на самой дружеской ноге, — Валуев даже жил в их доме — и вынесли из него самые лучшие, самые дорогие воспоминания. Пишущий эти строки испытал на себе всю обаятельную прелесть и все благотворное влияние

этой среды в золотые дни студенчества; ей он обязан направлением всей своей последующей жизни и лучшими воспоминаниями. С любовью, глубоким почтением и благодарностью возвращается он мыслями к этой счастливой поре своей молодости, и со всеми его воспоминаниями из этого времени неразрывно связана светлая, благородная, прекрасная личность Авдотьи Петровны Елагиной, которая всегда относилась к нему и другим начинающим юношам с бесконечной добротой, с неистощимым вниманием и участием".

Авдотья Петровна была вместе с тем человеком большой культуры и образованности. "Основательно знакомая со всеми важнейшими европейскими литературами, не исключая новейших, за которыми следила до самой смерти, Авдотья Петровна особенно любила однако старинную французскую литературу. Любимыми ее писателями остались Расин, Жан-Жак Руссо, Бернарден де Сен-Пьерр, Масильон, Фенелон... Чтобы оценить ее влияние на нашу литературу, довольно вспомнить, что Жуковский читал ей свои произведения в рукописи и уничтожал или переделывал их по ее замечаниям. Покойная показывала мне одну из таких рукописей - тольстую тетрадь, испещренную могильными крестами, которые Жуковский ставил подле стихов, исключенных вследствие ее замечаний... Не было собеседницы более интересной, остроумной и приятной. В разговоре с Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замечая, как идет время. Живость, веселость, добродушие, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при ее личном знакомстве с массой интереснейших личностей и событий, прошедших перед нею в течение долгой жизни, и ко всему этому удивительная память, — все это придавало ее беседе невыразимую прелесть. Все, кто знал и посещал ее, испытали на себе ее доброту и внимательность. Авдотья Петровна спешила на помощь всякому, часто даже вовсе незнакомому, кто только в ней нуждался. Поразительные примеры этой черты характера ее рассказываются родными и близкими". Свою характеристику А. П. Елагиной Кавелин заключает словами: "Не только нашим детям, но даже нам самим трудно теперь вдуматься в своеобразную жизнь наших ближайших предков. Лучшие из них представляли собой такую полноту и цельность личной, умственной и нравственной жизни, о какой мы едва имеем теперь понятие". ¹⁵⁶

Это — настолько интересное свидетельство с точки зрения культурной и динамической связи между поколениями, что я привел это почти целиком. А сколько жизнь прошлого (даже и настоящего — даже под советским игом, даже в эмиграции) представляла нам подобные примеры, не записанные в книги, не фиксированные в написанных воспоминаниях, но живых в памяти, живых в своем воздействии, составляющих тайный, скрытый поток творческой, духовной жизни, протекающих через семью. К этим носителям духовного оплодотворения жизни — в частности и в семье - могут быть отнесены слова из Евангелия от Иоанна о том, что у верующих — "из чрева потекут реки воды живой" (7. 37), т. е. что они становятся местом прохождения, живым каналом, через который в жизнь нашу втекают потоки высшей, оплодотворяющей действительности. Невольно думаешь об этом, когда, например, читаешь в воспоминаниях философа князя Евгения Ник. Трубецкого (напечатанных уже в эмиграции в 1921 г., Baden bei Wien, но относящихся к его детству, т. е. к 60-м-70-м годам прошлого века) - о незабываемом воздействии на его душу и на его братьев и сестер его матери, княгини Е. А. Трубецкой (рожд. Лопухиной), истинной христианки, человека огромного духовного горения. Особенно замечателен рассказ его о том, как она вложила в своих детей мысль о всеприсутствии Божиим, о том, что взор Божий проникает повсюду, и не укроешься от него.

Мы знаем, какое огромное влияние на духовное развитие Л. Толстого имела беззаветно его любящая тетя Татьяна Александровна Ергольская, которая заменила ему мать с самых ранних его лет и которая была живым образом отдающей себя, смиренной, благостной любви, которая, как он говорит, учила не словами и даже не делами, а всем существом своим учила.

"Главное свойство ее жизни, которое невольно заражало меня была ее удивительная, всеобщая доброта ко всем без исключения. Я стараюсь вспомнить, и не могу, ни одного случая, когда бы она рассердилась, сказала резкое слово, осудила бы — не могу вспомнить ни одного случая за 30 лет жизни... Никогда она не учила тому, как надо жить, словами, никогда не читала нравоучений. Вся нравственная работа была переработка в ней внутри, а наружу выходили только ее дела-и не дела... а вся жизнь, спокойная, кроткая, покорная и любящая не тревожной, любующейся на себя, а тихой, незаметной любовью. Она делала внутреннее дело любви, и потому ей не нужно было никуда торопиться. И эти два свойства - любовьность и неторопливость — незаметно влекли в общество к ней и давали особенную прелесть этой близости... Не одна любовь ко мне была радостна. Радостна была эта атмосфера любви ко всем присутствующим и отсутствующим, живым и умершим, людям и даже животным..."¹⁵⁷

Вот, напр., образ Бабушки из - Воспоминаний московского городского деятеля, человека большой доброты и чистоты сердца, Николая Ивановича Астрова (ум. в Праге в 1934 году):

"Бабушка! Воспоминание о ней — одно из самых светлых и очаровательных воспоминаний моего детства и юности. Я не помню человека, который бы так всегда неизменно оставался самим собой во все минуты жизни, во все переживания. Какая-то светлая тишина окружала ее. Это было излучение глубокой сосредоточенности ее внутренней духовной жизни...

Тихая, неторопливая поступь, полная сдержанности и достоинства. Тихая плавная речь, мелодичный голос, как--то удерживаемый в переливах своих звуков, подчиненный все той же чарующей тишине, составлявшей ее стихию. Красивое, кроткое, озаренное лицо. Даже в минуты волнения и гнева, — а чувство, подобное гневу, охватывало ее, когда до слуха ее долетела чья-либо гадкая брань или "черное слово", — оно не теряло озаренности. Напротив того, в те минуты оно становилось особенно ярким, заставляя смущенно умолкнуть нарушителя душевной тишины. Ее прелестные голубые глаза, тонкие черты лица довершали образ.

Мы всегда любили нашу бабушку и радостно отдавались тому тихому свету, который исходил от всего ее духовного существа. Ее приезд к нам в Москву был для нас всех, больших и малых, истинной радостью. В семье с ее появлением повышалось настроение. Все как-то становилось лучше и всем становилось лучше. С ее появлением все инстинктивно ощущали, что к нам входило что-то новое, что-то такое, что только она одна умела принести с собой.

Милая бабушка! Много душевного очарования связано с воспоминанием о ней. Ее прикосновение к детской душе вызывало смутные ощущения какого-то иного мира, в котором она духовно жила..."¹⁵⁸

Примеры легко умножить. Так много их и в недавнем прошлом. И в настоящем есть также изумительные примеры (например, в русской эмиграции) этой глубокой

духовной связи между родителями и детьми, этого духовного воздействия и развития и роста духовного, происходящего в недрах семьи через участие ее членов в питающем потоке динамической традиции.

Продолжается ли этот процесс - хотя бы в уменьшенном, хотя в значительной степени сокращенном виде в Советской России? Отмирает ли в ней духовная жизнь семьи или она еще живет? На это возможно и следует, думаю, ответить следующим образом: там, в Советской России и в других странах, подчиненных коммунистической власти, где есть религиозная жизнь, имеется налицо фактор, противоположный тому направлению, которое хочет дать всему развитию жизни народа Советская власть. Где есть еще религиозное начало, там есть еще и семья в *духовном смысле слова*. Существование религии и существование семьи, как духовнокультурной силы в Советском Союзе более тесно связаны друг с другом, чем в других странах, ибо в других странах нет официально, всеми средствами государственной власти поддержанного яростного похода против религии и против семьи, как некоего свободного очага духовной и культурной жизни. Есть многие элементы в окружающей жизни, враждебно относящиеся и к религии и к религиозно настроенной семье, но прямой, принудительной власти у этих элементов вне коммунистических стран нет, или во всяком случае она пользуется пока косвенными мерами воздействия.

В Советском Союзе борьба против религии и борьба против духовной самостоятельности семьи составляет *одну общую линию* наступления против свободы человеческой личности со стороны коммунистического или стремящегося осуществить коммунизм государства. Но религия, хотя и подавлена, однако не уничтожена. Не уничтожена в конце, хотя все делается, чтобы духовно обесплодить ее, и семью. И обе эти величины в глубине, по существу, поддерживают друг друга. Покуда есть религиозная жизнь в Советской России, веяние ее будет проникать и в недра семьи, как и борьба против религии со всей силой перенесены там в недра семьи одновременно со страшным натиском извне. Думается, что от окончательного исхода этой борьбы зависит и судьба русского народа.

5

Возвращаюсь к прошлому до-советской русской семьи. Она была, как мы видели, местом усиленного духовного и культурного роста, оплодотворения, духовных и культурных встреч. Огромное значение для всей русской культуры, особенно в течение 19-го и в начале 20-го века, имела такая встреча между культурной и духовной жизнью "Востока" и "Запада" (понимая под Востоком русские национальные предпосылки и воздействия Православной Восточной Церкви). Русская культурная семья была изначальным и особенно важным местом этой встречи. Перед нами необозримое поле фактов, переплетающихся влияний, ярко выступающих наружу, или тончайших и глубочайших, менее бросающихся в глаза, но может быть, тем более важных воздействий и творческого ответа на них, фактов творческого синтеза, художественного, умственного, духовного, которые и образуют культуру. И это, повторяю, замечается уже на лоне семьи. Чудные, огромные библиотеки прежних поколений - в столицах, губернских городах и усадьбах, особенно богатые в области гуманистической литературы — современной и старой, истории, истории искусства, биографии, государствоведения, философии и -что также очень интересно — религии. Эти старые, нередко обильно пополнявшиеся, библиотеки были многоязычны. Я помню несколько таких замечательных библиотек, принадлежавших часто семьям, обладавшим скорее скромными средствами. Французская классическая литература 17-

го и 18-го века, большей частью в изданиях того времени, в кожаных переплетах с золотым обрезом: Расин, Корнель, Мольер, философы моралисты, религиозные писатели — Паскаль, Фенелон, Массиньон, Боссюэ, Бурдалу, Ларошфуко, мемуаристы — duc de St. Simon, duc de Sully (министр Генриха IV - издание начала 17-го века), duc de Lauzun, герцогиня д'Абрантес(жена Наполеоновского маршала) в 14 томиках, и т. д., и т. д.; труды Монтескье, Токвиля, La Cité Antique Фюстеля де-Куланж, "История консульства и империи" Тьера, Ламартин, Augustin и Amédée Thierry, Ampère, *Histoire Romaine a Rome* и ряд других позднейших историков. Английский мир бывал представлен не менее ярко. Помню старинную библиотеку графов Чернышевых в имении моей тети Надежды Григорьевны Малиновской, рожд. кн. Долгорукой (ее мать была рожденная граф. Чернышева) в имении Подоляны в южной части Орловской губернии (на границе с Курской). Старинные ореховые шкафчики в библиотечной комнате с зелеными тенями кленовых листьев, скользившими по полу. Эти шкафчики были полны сокровищами: первые издания английских писателей начала 19-го века. Были здесь отдельные томики первого издания Байроновского *Child Harold*, выходившего отдельными песнями, начиная с 1816 года, со старинными виньетками в классическом стиле: урны, разбитыя колонны, обвитыя плющом, жертвенник с пылающим огнем, венки, лиры. Были в этой библиотеке и *Lallah Book* Томаса Мура (индийская повесть в стихах) и, конечно, старые издания Вальтер Скота с гравюрами, английские историки (Гиббоне, Маколей), экономисты, романисты, романтические поэты, Шекспир — также в старинных изданиях - которые читались с увлечением владельцами этих библиотек. Помню, ранней весной я 16-летним мальчиком уходил с томиком поэм Томаса Мура читать под огромным старым дубом над обрывом. А в той библиотеке, которая особенно предносится моему внутреннему взору с самого начала этого описания библиотечных сокровищ средне-русских усадеб и московских особняков - в библиотеке сельца Красного Новосильского уезда Тульской губернии (на границе Орловской), которая была составлена Давыдово-Долгоруковской семьей в середине 19-го века, был, кроме того, особенно ценный и любопытный отдел первоизданий классических произведений немецкой литературы второй половины 18-го века — отдельные произведения Гете и Шиллера, "Оберон" Виланда, Гердер, а также романтики начала 19-го века - так, напр., Тик Вакенродер. Помню оригинальное, несколько доморощенное впечатление, которое производили эти уютные и скромные немецкие томики, переплетенные в крепкий картон с аккуратно наклеенной ярко-цветной бумагой — темно-синей, светлосиней, пунцовой, зеленой, оранжевой; а поверх этого яркого фона были наклеены еще и мелко вырезанные бумажные звезды на подобие тонких кружев — все это, очевидно, было сделано в мастерских немецкого издательства, напр., у знаменитого Котта и других, несравнимо в своей доморощенной простоте с изяществом французских переплетов из сафьяновой кожи 17-го и 18-го веков, но полно очарования. И русские старые книги были там: первые издания стихотворений Жуковского "Для немногих" 1818 года на толстой синеватой бумаге, первое издание стихотворений Козлова и др., тоже с венками и урнами и пылающими алтарями. Там же была коллекция журналов - все года "Русского Архива", "Русской Старины", "Исторического Вестника", "Русского Вестника", "Артиста", комплект *Revue des Deux Mondes* с 1848 года по первые годы Первой Великой войны, и т. д. И в том же доме той же усадьбы была, наряду с этой библиотекой, основанной родителями мое бабушки, преимущественно историческо-мемуарной и литературной (классики на 5 языках, а также беллетристика) и другая, мистико-богословская и философская библиотека моего деда, Василия Сергеевича Арсеньева (см. ниже стр. 214). Сходных — или несколько отличных - библиотек было в России очень много.¹⁵⁹ Напомню, напр., о замечательной философской и юридически-исторической библиотеке Б. Н. Чичерина в его имении "Караул" и т. д., и т. д. Это было невероятное

богатство частных, часто очень специальных библиотек. Особенно, пожалуй, были интересны старинные библиотеки *гуманистического* (или гуманистически-религиозного) характера, вроде описанных. И здесь поражает величайшее соединение двух стихий: западной (часто западно-христианской) и "восточной", т. е. русской, часто с определенно религиозной устремленностью.

Этот синтез породил великий русский культурный расцвет 19-го века, и русская культурная, исполненная динамической традиции, семья была одним из важнейших — конечно, не единственным, но одним из особенно действенных и решающих центров его подготовки и его проявления.¹⁶⁰

Семья эта была, между прочим, местом зарождения некоего духовного сотрудничества между богатством религиозного опыта христианского православного Востока, как оно проявлялось на вершинах духовной жизни русского народа, и религиозной жизни христианского Запада, сотрудничества, которое пробудилось с большой силой в наше время.¹⁶¹ В этом, пробудившемся теперь с большой силой духовном сотрудничестве между христианским Востоком и христианским Западом, христианский Запад начал с огромной интенсивностью осознавать те великие силы духовного порядка, что таятся и раскрываются в глубинах русской жизни, попираемые извне и сверху безбожным и лютым игом. Русская религиозная семейная традиция помогла их пронести через тягчайшие испытания. Хватит ли сил у нее пронести их дальше? От этого зависит судьба русского народа.

6

Из таких семей выходили люди большой культуры, укорененные в том, что мы назвали "динамической традицией" — религиозной питающей почве духовной жизни русского народа и из тесного соприкосновения вместе с тем и с величайшими порождениями культуры Запада. В качестве примеров можно назвать, напр., Ф. И. Тютчева, братьев Киреевских, А. С. Хомякова и философов князей С. Н. и Е. Н. Трубецких, и многих, многих других. Синтез "своего" с западным так ярко выступает в творческом вдохновении Тютчева.

Но не только для литературного творчества готовила такая русская семья, но и для жизни. Широта миросозерцания, умение восхищаться Красотой и жаждать Правды и служить ей, и внимательное сердечное отношение к ближнему и уважение к достоинству его часто выходили из лона русской, живущей динамической традицией семьи. Примеры этого мы можем видеть и в эмиграции — на ряде русских старых и молодых семей, живущих и воспитывающих своих детей из этих духовных основ.

Но вернемся под конец еще раз к тому, о чем мы уже вскользь говорили — о самом, может быть, важном и актуальном, злободневном в нашей теме - к семье в Советской России. Это настолько важный вопрос, так много в будущем русского народа зависит от того, какое решение нашел он в жизни, на практике, что важно еще раз окинуть взором основные данные.

Замечательна и богата материалом недавно вышедшая в Нью-Йорке книга профессора И. А. Курганова "Семья в СССР".¹⁶² Он показывает нам страшное постепенное систематическое ухудшение положения семьи - можно сказать, систематическое удушение семейного начала в Советском Союзе. Но он не указывает нам на *реакцию семьи*, не указывает на то, что осталось от семьи и что еще *живо*, несмотря на все это. А таких данных не мало. Хотя бы, для примера, то, что

происходило в оккупированных германскими войсками местностях России. Все мужское население так называемого "призывного возраста" (на самом деле, мальчишки, начиная с 14 лет, и пожилые люди до 60 лет включительно, при чем многие из них больные и полу-инвалиды, не взятые советской властью на военную службу) забирались в специальные лагеря, устроенные при лагерях военнопленных.

И что же? Эти лагеря в течение всего дня буквально "осаждались" женами и матерями с детьми, пришедшими издалека (иногда за 40-50 верст) по сильному морозу и занесенным снегом дорогам, таща с собой саночки с передачами для отца, сыновей, старших братьев. Этот вопль отчаяния у этих женщин, просивших повидать 14-летнего сына или мужа; это было самое яркое свидетельство, что семья у этих крестьян Северной России (напр., в Новгородской, Петербургской, Псковской губерниях) *была жива*. Видевшие это или слышавшие рассказы об этом от свидетелей не могут этого забыть.

Ряд непередаваемых, невероятных человеческих трагедий и примеров такой же невообразимой силы жертвенной любви и жертвенного служения ознаменовали вообще историю русской семьи под советским игом. Несмотря на все притеснения, на аресты, заточения и убийства членов семьи — и родителей и детей — со стороны органов власти, на насильственное отнятие детей от родителей, на систематическое сверху проводящееся нравственное разложение и убийство семьи, а иногда и на физическое истребление части ее членов, в семье этой нередко проявлялась такая сила терпеливого, тихого морального мужества и сопротивления, такая сила любви, что это останется одной из самых патетических, ужасных, но и вдохновляющих душу картин русской культурной истории. Так было в 20-ых, 30-ых, 40-ых, 50-ых годах - до самой смерти Сталина, когда можно было наблюдать изо дня в день бесконечные вереницы родных, главным образом женщин, стоящих у ворот советских тюрем для передачи пакетов с едой и бельем, иногда с книгами для заточенных отцов, братьев, сыновей. У себя отнимали еду - в эти времена всеобщего голода или, в лучшем случае, полу-голода, чтобы посылать ее своим заключенным в советскую тюрьму. Этого забыть нельзя, и разлуку матери с детьми, отправлявшимися в Соловки или в другие страшные концентрационные рабочие лагеря Севера. Так убивалась семья зачастую физически, но, так она вместе с тем закалялась морально и религиозно. Вырастала сила морального отпора и нравственной живучести семьи и семейной любви. Иногда семья превращалась в пепел, но сколько было животворного в этой проявленной любви! И это закаляло духовно и передавалось дальше - от старших к молодым и наоборот — силою жертвенной любви, которая даже в страданиях оставалась верна, и силою взаимной молитвы, материнской молитвы особенно. Это есть *реальность духа*, вошедшая в русскую культурную историю, не только того *страшного* времени (теперь, за последние 5 лет, систематический гнет продолжается с большой силой и последовательностью, но физического истребления — бесконечно меньше), чем вообще в *русскую жизнь*, ибо оплодотворила ее. Что может быть творчески сильнее и более вдохновляюще, чем *сила проявленного длительного и героического подвига любви*? Есть - и немало их — красноречивых письменных памятников переживаний того времени, особенно 20-ых и 30-ых годов.¹⁶³

К сожалению, эти книги полностью распроданы (имеются лишь в некоторых больших центральных библиотеках) и никогда не были изданы на русском языке. Они рисуют ужасы советских тюрем, тюремных этапов и концентрационных лагерей, но и жизнь русской верующей семьи на фоне этих гонений и проникающие ее духовные силы, а также и другие оазисы несокрушимой силы духа в Советском Союзе. Имена обоих авторов, Андрей Русинов и Александра Анзерова — литературные псевдонимы.

Фамилия "Анзерова" заимствована у одного из скитов Соловецкого монастыря. Настоящие имена авторов: Евгений Гагарин и Анна Арсеньева.

Есть и замечательный литературный памятник, — нет, не литературный это памятник, а гораздо больше, святее, чем литературные памятники: слова любви матери, расстающейся с сыном — *Requiem* Анны Ахматовой. Но этот памятник страшен — и вместе с тем и высок — и своей "коллективностью",

"Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска."

или лучше сказать, своей "соборностью". Здесь личное горе матери сливается с общим, таким же горем матерей, у которых злая власть оторвала сына. Эти слова не забудутся, пока есть русская духовная жизнь, — более того, пока в мире есть матери. Это — свидетельство непреходящего укора и обвинения, стон и горе и молитва. Это — более, чем литература.

И вот матери идут на свидание с заключенными сыновьями, жены с мужьями:

"Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой или,
Там встречались, мертвых бездыханней.
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали..."

(Март 1949 г.)

Вспоминается момент ареста. За ним пришли на дом:

"Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла.
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный поп на челе... Не забыть..."
(1935г.)

Приговор произнесен.

"И упало каменное слово
На мою еже живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь."

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить.
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить."
(Лето 1939 г.)

Только бы не сойти с ума, только бы всегда помнить не забыть никогда —

*"Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного страданья,*

*Ни милую прохладу рук,
Ни лиц взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений."*
(4 мая 1940 г.)

И вот она вспоминает тех, которые страдали как она вместе с нею стояли с тюремными передачами.

*"Опять поминальный приблизился час,
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:*

*И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,*

*И ту, что красивой тряхнув головой.
Сказала: "Сюда прихожу, как домой".*

*Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.*

*Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных, слов.*

*О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,*

*И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ*

*Пусть также они поминают меня
В канун моего поминального дня..."*

(Март 1940 г.).¹⁶⁴

Она донесла свое горе до конца. Она, одна из многих, соединилась с другими в общей молитве, принявшей форму стихотворения. Но, конечно, это - гораздо больше всяких стихов и дает им смысл.

И опять ставится перед нами вопрос: Что же мы имеем в конце концов? Поражение семьи или ее победу? Но есть, по-видимому, законы духовной жизни (которые, согласно Хомякову, изнутри влияют на исторические судьбы народа), но которым подвиг духовный не проходит даром. Семена любви и жизнь Духа часто побеждают и в жизни народа. Самое проявление их есть уже победа.

Встречи христианских Востока и Запада в русской культурной и духовной жизни

1

Если окинуть взором библиотеки наших предков — русских культурных людей конца 18-го, всего 19-го и начала 20-го века, — а также сохранившуюся их переписку и воспоминания; если присоединить - тому, кто успел хоть немного узнать русскую культурную жизнь досоветского времени из личного опыта - собственные воспоминания и устные предания, жившие в его семье; если — и это, конечно, в первую очередь - остановиться внимательно на богатейших данных, почерпаемых из произведений наших классиков, да и второстепенных писателей упомянутого периода, а также данные из биографий различных значительных русских людей этого времени, культурных, государственных и общественных деятелей, - то получается картина огромного и усиленного контакта с духовной жизнью и культурой Запада. Это настолько очевидно, что не требуется доказательств. Но вот наугад два примера.

В воспоминаниях одного младшего современника (кн. Мещерского) так изображается впечатление от Ф. И. Тютчева в последний - петербургский - период его жизни. Автор в юности своей встречал уже пожилого тогда поэта на светских приемах и балах в петербургском обществе. Уже много съехалось гостей, приезжает скорее маленький ростом старичок, как все, конечно, во фраке, но белый галстук повязан небрежно; седые кудрявые волосы несколько всклокочены. На вид ничего примечательного, но сразу окружило его кольцо людей, которое все более увеличивается. И сразу потекли из его уст интереснейшие и остроумнейшие каламбуры, сравнения, заметки об иностранной политике, характеристики разных политических деятелей, разных литературных произведений, разных явлений жизни — и светских, и народных, и международных - и все это остроумно, горячо, какая-то талантливейшая, увлекательная, меткая импровизация, и вместе с тем полная глубины при всем добродушном юморе и аттическом блеске отточенной фразы. И все это на изумительнейшем, богатейшем, динамическом и в то же время классически ярком французском языке! А вместе с тем какой поэт так сумел изобразить душу средне-русского ландшафта, своей черноземной Орловской губернии и ближайших к ней мест!

Помните это:

<i>Тихой</i>		<i>ночью</i>		<i>поздним</i>		<i>летом,</i>
<i>Как</i>	<i>на</i>		<i>небе</i>	<i>звезды</i>		<i>рдеют!</i>
<i>Как</i>	<i>под</i>		<i>сумрачным</i>	<i>их</i>		<i>светом</i>
<i>Нивы дремлющие зреют!</i>						

<i>Усыпительно</i>						<i>безмолвны</i>
<i>Как</i>	<i>блещат</i>		<i>в</i>	<i>тиши</i>		<i>ночной</i>
<i>Золотистые</i>			<i>их</i>			<i>волны.</i>
<i>Убеленные луной!</i>						

Нужно бы выписать, может быть, треть стихотворений Тютчева, чтобы представить всю многогранность, свежесть, задушевность изображения им этой

русской природы. И также многогранность, противоречивость различных аспектов души своей, и русской души, и человеческой души вообще, сумел он изобразить.

О вещь душа моя,
О сердце, полное тревоги,
О как ты бьешься на пороге
Как бы двойною бытия!...
... ..
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковыя.
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

(1855 г.).

Или:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье дуги и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет...
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа.

(1857 г.).

И вместе с тем он не только блестящий усвоитель всей лапидарной легкости и блеска французской литературной речи (и в своем разговоре, и в своих французских статьях), но он в то же время глубоко понимает задушевную красоту дремлющей веками итальянской виллы и задушевно-умилительный, дремотный и захватывающий "genius loci" Италии эпохи романтизма, полный живых мостов между культурой и красотой, душевной и духовной жизнью Запада, с одной стороны, и красотой и душевной и духовной жизнью России и глубин ее бытия.

Вот другой пример. Выросший из крепких патриархальных семейных религиозных православно-русских корней и вместе с тем человек органически, глубоко и широко воспринявший западную культуру, человек огромных знаний и огромной, творчески воспринятой и пережитой культуры, любитель Англии, Оксфордских колледжей и либерального консерватизма; знаток и ученик греческих Отцов Церкви, которых он читает в подлиннике, и вместе с тем человек, прошедший через все горнила современной немецкой идеалистической философии и преодолевший их, но получивший, как многие русские романтического периода, ряд импульсов от философии Шеллинга: Алексей Степанович Хомяков (1804-1860), человек, для которого был бесконечно дорог *родной народ*, до боли органически

близок ему и связан с ним, но который выше всего ставил Правду Божию и служение ей, для которого центром и смыслом истории было откровение Правды Божией в лице воплотившегося Сына Божия, человек, для которого *Церковь Божия* была живой носительницей этого потока новой жизни, вошедшей в мир,¹⁶⁵ и поэтому носительницей и смысла истории. Поэтому он полемизирует (иногда однобоко и даже несправедливо, но вдохновенно и талантливо) с христианами Запада, искажившими, по его мнению, или недооценившими истинный смысл Церкви. И все эти замечательные по силе и блеску стиля и вдохновенности мысли и по глубине религиозного чувства (хотя нередко однобокие и даже несправедливые в своей огульности) талантливые характеристики и оценки западного христианства, эти "Письма православного христианина о западных вероисповеданиях" (*Letires d'un chrétien orthodoxe*, Lausanne, 1872),¹⁶⁶ он пишет на изумительном по силе, по виртуозности, изобразительности и по моральному подъему *французском* языке. Правда, по-русски их нельзя было напечатать при Николае Павловиче из-за церковной цензуры (Императрица была в восторге от них, читала их в рукописи и, говорят, показала их мужу; Император, будто бы, сказал, что это хорошо, хотя, может быть, немного преувеличено, но что печатать у нас нельзя: церковные власти обидятся).¹⁶⁷ Вот опять один из мостов между духовной жизнью Запада и Востока. Хомяков заражает и заражает своим религиозным и моральным пафосом и русских и западных читателей и, если его полемика иногда несправедлива, то его *положительное* учение о Церкви, выраженное в этих письмах, глубоко вдохновлено *живым опытом Церкви*, как он запечатлен в посланиях апостола Павла и как он лежит в основе христианского восприятия реальности Церкви. Недаром в 20-ом веке Хомяков нашел такой сильный отклик в сердцах многих христиан на Западе.

2

Когда Петровская реформа широко раскрыла окна и двери новой России для воздействия Запада, то хлынули в нее часто творчески возбуждающие, умственно и морально питающие, а часто и мутные потоки, - самые разнообразные, отчасти противоречивые элементы западной жизни. Прежде всего техническая цивилизация и дух секуляризма, — автономной, светской государственности, автономной, светской цивилизации, но не лишенной моральных и даже религиозных основ, унаследованных от христианской проповеди. По пестрому разнообразию Петровских печатных изданий можно судить о хаотически переплетающихся потоках знания и информации — иногда основоположного, учебного или осведомительного характера, иногда наугад вырванных из массы западных источников — и данных в русском переводе (иногда на трудно понятном, тяжеловесном языке). Все это подносилось русскому читателю. Здесь и почтеннейшая заслуженная Арифметика Магницкого, и ряд технических книг, и басни Эзопа, и "Приклады, како пишутся комплименты", и "Юности честное зеркало", и "Введение в историю европейских государств" Пуффендорфа и его же "О должностях человека и гражданина", и перевод "Библиотеки о богах" Аполлодора, и "Похождения Телемака" Фенелона, и тяжелейшим слогом перетасканная "История об орденах". А на сцене давались грубо-аляповатые комедии странствующих западных актеров, варварски перетасканные на русский язык. Это часто крайне внешнее, а подчас и насильственное приобщение к цивилизации Запада шло рука об руку с ослаблением своих собственных унаследованных морально-религиозных устоев жизни. Вместе с духом секуляризма вливается в жизнь русских людей (особенно высших классов) и учение материализма и атеизма (последнее особенно в эпоху Екатерины II).

Вот здесь как раз русское религиозное сознание в защиту своей веры против волн неверия, хлынувших с Запада, нашло себе союзников более или менее современных (что было очень важно) в ряде книг, пришедших с того же Запада. Это было рядом значительных встреч между русским религиозным сознанием и религиозным сознанием христианского Запада, особенно в некоторых классических, наиболее выдающихся его проявлениях. Оказалось, что общего было гораздо больше, чем различия, и это подготовило возможность взаимного понимания и сближения в самом решающем, основном и главном и в последующие времена, особенно в наше время. Это придает огромную важность этим "встречам" 18-го века и начала и середины 19-го века.

В 1735 году в городе Галле в Средней Германии вышла маленькая книжка в 16-ую долю листа на русском языке: "*Об истинном христианстве*" Иоганна Арндта, перевод Симеона Тодорского; и внизу, в Галле (Halle) 1735 года. Это — перевод замечательной маленькой книжки лютеранского богослова И. Арндта (1555-1621) *Vom wahren Christentum*, вышедшей первым изданием в 1606 году (расширенный текст в 1611 году) и распространившейся потом в невероятно большом количестве изданий по протестантскому миру (книга была переиздана и в католических кругах — но без указания имени автора: тогда взаимное недоверие и рознь были еще очень сильными). В Галле — центре протестантского пиезизма и протестантской благочестивой библейской экзегетики — книга Арндта переводится русским студентом Тодорским (присланным в царствование Анны Иоанновны для усвоения подробного курса библейской филологии в знаменитом "Восточном Семинаре"); она печатается для России, куда вскоре возвращается и ее переводчик, принявший монашество и сделавшийся ученым архиереем, епископом Вологодским. Как это случилось? Книжка эта действительно очень хороша и не носит полемически-конфессиональной окраски, она подчеркивает смиренный и мужественный христианский динамизм соединенный с сознанием, что не приходится нам говорить о каких-либо наших заслугах, ибо мы спасаемся силою Божией, благодатью Божией. Но благодать эта делает нас не пассивными и дряблыми, а активными и призывает нас к мужественному подвигу, к участию в Кресте Господнем. За это книжка Арндта была первое время взята под подозрение узко-конфессионально настроенными кругами ортодоксальных лютеранских богословов 17-го века - за скрытые будто бы "католизирующие тенденции" (а это просто было учение Евангелия и апостола Павла). Но это как раз сделало эту книжку понятной и близкой широким кругам верующих христиан, в частности глубоко приемлемой и ривлекательной и для православного русского читателя, так как соответствовало и полноте учения Нового Завета и построенному на нем учению древних Отцов Церкви о новой жизни, раскрывшейся нам во Христе.¹⁶⁸ Ибо христианство есть не теория, не теоретическая схема, а прежде всего *жизнь в Боге*. Об этой жизни в Боге и пишет Арндт. Язык простой и легкий, все исполнено какой-то тихой и прозрачной глубиной - он говорит именно о глубинах жизни в Боге - и просветленной простотой, т. е. духом Нового Завета. Все сводится к откровению любви Божией, дарованной нам в Сыне Его, и к новой действительности и жизни Духа в нас. В противоположность "головному" богословию, которое очень размножилось в эпоху реформационных споров, подчеркивается, что наше спасение есть некий жизненный органический процесс, захватывающий всю нашу жизнь, но совершающийся в страхе и трепете, сознании своего недостойнства и смирении.

"Восстановление образа Божия в верующем, - пишет Арндт, — имеет следствием, что он постоянно живет в новом человеке (in der neuen Geburt — собственно "в новом рождении") и ежедневно подавляет и умерщвляет в себе старого. Это должно быть начато в этой нашей жизни. В *той* жизни оно достигнет потом совершенства".

"Многоутешительное имя Христа — "Эммануэль" - "Господь с нами" — обозначает не только, что Бог с нами, но что Он обитает в нас. Так и в Евангелии от Иоанна мы слышим все снова: "Я в вас и вы во Мне" (гл. 17), "Пребудьте во Мне, и Я в вас" (15. 4).

А вот молитвы, обращенные к Небесному Отцу (отдельные главы книжки заканчиваются молитвами): "... Дай мне быть преображенным в Его (Сына Твоего) образ *fin Sein Bild verkaert zu werden*), дабы я имел в Нем праведность, мудрость, освящение и искупление (*dass ich in Ihm habe die Gerechtigkei, Weisheit, Heiligung und Erlösung*) и дабы в Нем я возродился и жил и удостоился быть наследником благодати Твоей во времени и славы Твоей во веки веков. Аминь".

Общение с Богом, принадлежность к числу верных Его означает нравственное преображение человека. Стяжание Духа Святого есть признак общения с Ним (1 Ин 4. 13 сл.). "Когда Бог чрез Духа Своего обитель в нас сотворит, тогда мы имеем уверенность в Вечной Жизни" (Рим 8. 11).

"Это значит: образ Божий, т. е. внутренний, новый человек растет и крепнет изо дня в день и Дух Святой изо дня в день строит и обновляет его, так, чтобы нам постепенно всем расти и совершенствоваться в познании Бога" (Флп 1. 9).

"Посему даруй мне Духа Святого Твоего согласно обетованию Сына Твоего. Да освятит Он дух, тело и душу мою к молитве и очистит храм сердца моего от всех грехов и зажжет огнем Божественной Любви".¹⁶⁹

Приведем несколько размышлений и молитвенных возгласов, связанных с Таинством Евхаристии:

"Поскольку Ты, Святой, пришел к неправедным, то и я осмеливаюсь, нечистый, приступить к Тебе, Источнику всяческой чистоты; я, нищий, к Богатому, больной - к Истинному Врачу, алчущий и жаждущий — к истинному Хлебу Небесному и Источнику Жизни..."

А вот заключительная молитва к главе "О Боге и общении с Ним через молитву": "Пусть Твой Дух Святой обитает во мне и сотворит меня храмом и святилищем Бога моего и исполнит меня Божественной любовью, светом, духом молитвы, небесными помыслами, жизнью, утешением, крепостью, радованием и миром."

"Пусть через Духа Твоего Святого, Отче Святой, мы соединимся и пребудем в общении с возлюбленным Сыном Твоим Иисусом Христом, дабы молитва наша совершалась в Нем, через Него и с Ним, как нашим Главой."

"Пусть через Духа Твоего Святого будем мы в общении со всеми верующими сердцами и со всей святой Церковью, дабы мы вместе с нею, за нее и в ней, в Церкви, как в святилище Твоем, возносили молитвы во имя Иисуса Христа и были услышаны. Аминь".

Понятно, что много русских православных читателей усмотрели в этой книжке сродное и близкое по духу. А такие книги, особенно среди приходящих с Запада, были чрезвычайно нужны в это время. Так св. Тихон Задонский (1724-1783) очень ценил книгу Арндта и охотно ее читал,¹⁷⁰ а известный своими интересами к вопросам духовной жизни сенатор И. В. Лопухин в своих написанных в 1809 году записках

повествует: "Первые книги, поднявшие во мне охоту к чтениям духовным, были известная книга Сен-Мартена (1743-1803) о заблуждениях и Истине и книга Арндта "Об истинном христианстве" (цитирую по принадлежащему мне рукописному экземпляру начала 19-го века).¹⁷¹

3

Знакомство с "Подражанием Христу" Фомы Кемпийского произошло уже раньше — на грани 17-го и 18-го веков, в одной из молитв Димитрия Ростовского мы находим след этого знакомства.¹⁷² Мы знаем все, что это одна из классических книг христианского благочестия, но как она "центральна" по своему направлению, как трепетно-смиренна и исполнена внутренней тишины и молитвенного горения, при всей сдержанности и трезвенности духовной. Православные христиане, как и католики, узнавали в ней дыхание истинно евангельского, истинно апостольского духа, как и многие протестанты (так как и в протестантском мире ее читали очень много). От этой книги исходили струи истинно христианского назидания — трезвенной и мужественной и активной, готовой на подвиг тишины духа. Напомню хотя бы несколько мест из нее.

"Хочешь ли ты что-нибудь знать и изучить, что тебе особенно бы полезно было, то научись искусству с радостью быть неизвестным и пренебрегаемым другими". "Познание самого себя и низкое мнение о самом себе есть высшая и наиполезнейшая наука. Себя самого почитай ничем, зато о других думай высоко и с похвалами; это - великая мудрость и совершенство" (Кн. I, гл. 2).

"Истинно велик тот, кто в своих собственных глазах ничтожен и все почести человеческие почитает за ничто; истинно мудр, кто все земное считает за сор, чтобы приобрести Христа, и истинно научен тот, кто отменяет волю свою и творит волю Божию" (кн. I, гл. 3).

Третья книга есть как бы диалог Господа с душой: слова Господни к душе и ответ души. "Так говорит Возлюбленный твой к тебе: "Я — спасение твое, твой мир и твоя жизнь. Держись Меня, и ты обретешь мир. Отрешишь от всего преходящего и ищи Вечное - ибо что помогут тебе все творения, если ты оставлен Творцом? Поэтому откажись от всего и предайся с радостной верностью Создателю твоему, чтобы достичь истинного блаженства" (кн. III, гл. 1).

"Говори, Господи, раб Твой слушает. Я - раб Твой; дай мне разумение, да познаю свидетельства Твои. Приклони сердце мое к словам уст Твоих". "Не так, как сыны Израилевы, которые убоялись гласа Твоего, но как Самуил, стою в смирении и томлении пред Тобою". "Говори, Господи! Раб Твой слушает Тебя" (кн. III, гл. 2).

"Напиши слова Мои в сердце твоём и прилежно углубляйся в них, ибо во время испытания они очень понадобятся тебе. Что ты сейчас не понимаешь, то уразумеешь в дни посещения. Двоющим образом посещаю Я избранных Моих: испытаниями и утешением". И в ответ на то - вот молитва души: "О Господи Боже мой! Ты - мое все, и кто я, чтобы дерзнуть беседовать с Тобою? Я - бедный раб Твой, жалкий червь земли - гораздо беднее и презреннее, чем я решаюсь познать и сказать это. Вспомни, Господи, что я — ничто, ничего не имею и ничего не могу. Ты один - благ, праведен и свят. Ты можешь все, держишь все, наполняешь все. Лишь грешников оставляешь Ты пустыми. Вспомни милосердие Твое и наполни сердце мое благодатью Твоею, ибо Ты не хочешь, чтобы дела Твоими остались бесплодными" (кн. III, гл. 3).

И опять: "Сын Мой, ходи предо Мною в правде и ищи Меня постоянно в простоте сердца..." и ответ: "О Господи! Слово Твое истинно. Да будет со мною по слову Твоему. Истинна Твоя да научит меня, да защитит меня и сохранит меня до блаженной кончины. Она да избавит меня от всякой злой похоти и беспорядочной любви, и я буду тогда ходить перед Тобою в свободе сердца".

"Я научу Тебя. — говорит Божественная Правда — что праведно и угодно Мне. Помни о грехах своих с великим прискорбием и горьким раскаянием и не воображай никогда, что ты что-то значишь ради добрых дел твоих. Ты на самом деле грешник, подвержен многим страстям, и ты запутался в них. Сам по себе ты стремишься к ничтожеству, ты легко побежден врагом... Ты ничем не обладаешь, чем бы ты мог хвалиться... ты гораздо немогшее, чем ты можешь себе вообразить" (гл. 4).

И еще: "Сын Мой, Я должен быть твоей высшей и конечной целью. Ибо когда ты ищешь в чем-либо самого себя, то вскоре ощущаешь себя и немощным и иссохшим. Посему узри во Мне главную цель всех твоих устремлений, ибо Я — Тот, из Которого все получает бытие. Итак рассмотри, как каждое отдельное благо вытекает из Высшего Блага, и возводи все ко Мне" (кн. III, гл. 9).

И наконец: "Сын Мой, дай Мне делать с тобой, что Я хочу, ибо Я знаю, что хорошо для тебя. Ты думаешь, как человек; ты судишь о многом, как это внушают тебе твои человеческие наклонности".

"Господи! Истинно слово Твое. Твое попечение обо мне больше, чем всякое попечение, которое я мог бы иметь о себе самом... О Господи! Только бы воля моя прямо и твердо была направлена на Тебя, а Ты поступай со мной по Твоему благоизволению. Ибо только благим может быть то, что Ты делаешь со мной."

"Хочешь ли, чтобы я был во тьме, будь благословен; но если Ты хочешь, чтобы я ходил в свете, то будь опять таки благословен. Удостаиваешь ли Ты меня Твоего утешения, будь благословен. Хочешь ли посетить меня скорбью, то будь опять благословен!"

"Таковыми должны быть, сын Мой, чувствования твои, если ты хочешь ходить предо Мною. Так ты должен быть готовым на страдание, как и на радость".

"Господи, я буду радостен, страдая ради Тебя, что бы Ты ни определил для меня. Я с равной радостью приму из руки Твоея доброе и злое, сладостное и горькое, радостное и скорбное, и за все, что со мной произойдет, буду Тебя благодарить. Только сохрани меня от всякого греха, и я не убоюсь тогда ни смерти ни ада. Только не отстрихни меня навек, не вычеркни меня из Твоей книги жизни..." (кн. III, гл. 17).

Эти слова из "Подражания Христу", должно быть, навеяли следующие слова в чудной молитве св. Димитрия Ростовского (1651-1709):

"Достойно есть воистину поклоняться Тебе Господу моему Иисусу Христу. И аз недостойный безстыдно приступаю и молю: Спаси мя, Спасе мой, по Твоей благодати, а не по моим делам. Ты хочешь меня спасти и Ты веси, коим образом мя спасти. Спаси убо меня, якоже хочещи, якоже можещи, якоже веси: имиже веси судьбами спаси мя. Аз на Тебя, Господа моего, надеюсь и Твоей воле святой себя вручаю: твори со мною, еже хочещи. Аще хочещи мя имети в свете, буди благословен. Яще мя хочещи имети во тьме, буди паки благословен. Аще отверзеши ми двери милосердия Твоего,

добро убо и благо. Аще затвориши ми двери милосердия Твоего, благословен еси, Господи, затворивший ми во правду. Аще не погубиши мя со беззаконными моими, слава безмерному милосердию Твоему. Аще погубиши мя со беззаконными моими, слава праведному суду Твоему. Якоже хочещи, устрой во мне вещь". ¹⁷³

4

Издательская деятельность Николая Ивановича Новикова (1744-1818), ¹⁷⁴ знаменитого русского филантропа и деятеля просвещения, горячо верующего христианина, сыграла очень значительную роль не только в развитии русской культуры в 18-ом веке, но и как раз в духовном сближении между русскими читателями и религиозной жизнью Запада. При всем том Новиков был сознательным и убежденным сыном Православной Церкви. Таково было мнение о нем известного современника его, митрополита Московского Платона, и это же довольно ясно следует из обзора напечатанных в его издательстве религиозных книг. Он верен преданиям и вере Православной Церкви и в то же время устремляется душой ко всему, что говорит ему о Христе в религиозном опыте Запада. Эта "христоцентричность", эта сердечная устремленность к Господу Иисусу и ко всему, что напоминает о Нем, что говорит о Нем, есть решающая, характерная черта в облике Новикова и его друзей и сотрудников и сказывается в самой программе его издательства.

В 1785 году было издано Новиковым уже около 460 религиозных различных книг (что составляет миллионы экземпляров). Наряду с книгами, посвященными толкованию Нового Завета, были изданы произведения ранней церковной письменности (Первое послание Климента, избранные места из произведений апологета Юстина, произведения Лактанция, церковная история Евсевия Кесарийского), а из восточных отцов Церкви целый ряд отдельных творений Иоанна Златоуста небольшими книжками, "Шестоднев" Василия Великого, творения Макария Египетского, Григория Паламы, "Небесная и церковная иерархия" Диониса Ареопагита, проповеди патриарха Хрисанфа Иерусалимского. Из русских православных писателей - творения Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, проповеди митрополита Платона Московского, Гавриила С. Петербургского; описания кафедральных соборов и святынь в православных восточных патриархиях; описание московских кафедральных соборов; словарь православных святых.

Но не меньше богато была представлена в новиковском издательстве религиозная жизнь христианского Запада — рядом произведений не только духовной, но и светской литературы. Мы видим здесь изданными отдельными книжками ряд творений блаж. Августина (10 названий), один трактат Бернарда Клервоского, Ансельма Кентерберийского, "Подражание Христу" Фомы Кемпийского, *Enchiridion militis christiani* Эразма Роттердамского (все в русских переводах!); избранные места из Паскаля, "Всемирную историю" Боссюэ, "Диспут против Афеистов и Натуралистов" Гуго Греция, сочинения Джона Бениана, "Духовные песни" Геллерта, "Потерянный и Возвращенный рай" Мильтона, *Esther* и *Athalie* Расина, "Ночные размышления" Ионга (Young). И, конечно, особенно ценное тогдашними любителями духовного просвещения "О заблуждениях и Истине" Сен-Мартена - красноречивое обличение и опровержение атеизма, исполненное большим духовным подъемом, и проповедь реальности Божией - в духе благочестивого платонизма; "Об истинном христианстве" Иоганна Арндта и "О познании себя" благочестивого англичанина Иоанна Мэсона (конца 16-го и начала 17-го века).

Новиков издал, кроме того, целый ряд ценнейших трудов по русской истории ("Древне-российская Вивлиофика" в 18 томиках), "Деяния Петра Великого" Толикова, "Родословие князей Рюриковичей"; далее, "Новое собрание русских песен", сочинения Сумарокова, собрание сочинений Ломоносова и ряд переводных западных романов (нравственно-поучительного характера).

Нас поражает богатство этой издательской деятельности. Мы видели, что это был один из главных фокусов умственной и культурной встречи с Западом в русской истории 18-го века, и, в первую очередь, встречи с религиозной жизнью христианского Запада.

Эти Новиковские издания долгое время жили потом в русских семейных библиотеках, как источник и стимул христианской мысли.

Еще несколько слов об этих семейных, родовых библиотеках старых русских семей в их родовых гнездах - московских или провинциальных городских особняках или деревенских усадьбах средней, северной и южной России.

Я знал одну такую старинную русскую библиотеку, которая начала составляться в конце 18-го века и представляла в начале 20-го века удивительное богатство в области религиозной литературы. Ее собственником был человек высокого благочестия, глубоко преданный сын Православной Церкви и великих наставников к внутренней духовной жизни, "внутреннему деланию" Православного Востока (как Макарий Египетский, авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, и вообще отцы "Добротолюбия"). Здесь были христианские мистики всех стран и народов, отцы Церкви (Афанасий, Григорий Нисский, Златоуст, Августин); книги по философии, особенно представители религиозной мысли: Франц Баадер, Яков Беме и его ученики, Хаман и Этингер; Мэн де Биран, Фенелон, Паскаль и другие классики французской религиозной мысли. Далее, Платон, Николай Кузанский, Хомяков, Шеллинг. Из мистиков и духовных писателей христианского Запада были Хуан де ла Крус, Тереза Авильская и Раймунд Луллий; Екатерина Сьенская и Екатерина Генуэзская; Мейстер Экхарт, Таулер, Сузо и Рэйсбрук; Фома Кампанелла; Мадам Гюйон. Еще один великий христианский светоч Запада, св. Франциск Сальский, был представлен во многих старинных русских библиотеках - как и в этой - не только своим "Руководством к духовной жизни", но еще, может быть, больше извлечениями из его произведений - книжкой под заглавием "Дух св. Франциска Сальского" (*Esprit de St François de Sales*). Ряд редчайших рукописей - напр., старинная рукопись одного из трактатов Григория Сковороды, редкие Новиковские издания, творения наставников духовной жизни Феофана Затворника и других. Но все эти столь различные религиозные книги объединялись одной основной устремленностью — к Воплощенному Слову Божию. Эта мистико-богословская и философская библиотека была ярко христоцентрична. Этими писаниями возгревалась духовная жизнь, та самая, о которой пишет Исаак Сириянин, а еще раньше апостол Павел, — трезвенная, исполненная и сознания необходимости подвига, и в то же время собственных немощи и недостойности.

Владелец этой библиотеки¹⁷⁵ знал об этом по опыту и любил потому приводить слова из псалма: "Восхождение в сердце своем положи" — т. е. каждую минуту надо быть готовым посреди дел и занятий внутренне возноситься, восходить ко Господу, хотя бы в минутном обращении к Нему.

Точно так же и некоторые всем известные светочи русской религиозной жизни любили находить близкие своей душе и всей своей духовной направленности отклики в творениях христианских праведников Запада: св. Димитрий Ростовский - мы видели - знал хорошо "Подражание Христу" Фомы Кемпийского, св. Тихон Задонский читал и любил и Арндта, и книгу англиканского епископа-созерцателя Joseph Hall'a (1574-1657).¹⁷⁷

В описанной мною библиотеке имелись между прочим и книги представителей благочестивого "Христианского реализма", с силою обнаружившегося в мистически настроенном южно-германском (особенно вюртембергском) протестантизме конца 18-го века, который, вместе с древнею Церковью и древними Отцами, сосредоточивал свое внимание на великой тайне Воплощения Сына Божия и на реабилитации - через это и через победу Его над смертью - всей твари: Бенгель (1687-1752) и Зтингер (1702-1782).¹⁷⁸ В эту же сторону христианского реализма с космическими горизонтами (ибо спасение и победа над смертью и силами зла и разрушения касаются всей твари! - Рим 8. 21) была направлена и мысль замечательного христианского философа Франца Баадера (1765-1841), который оказал несомненное влияние на ряд представителей русской религиозной мысли, особенно первой половины 19-го века.

5

Встречи личные верующих и образованных русских православных христиан с христианами Запада, мыслителями, писателями, церковными деятелями; встречи, на которых затрагивались основные проблемы христианского мирозерцания и отношения его к взглядам современного мира, а также вопрос о единении христиан. Таких встреч было, очевидно, немало, но хочу указать на несколько известных мне не только из книг, но из устного предания. Это, во-первых, встречи религиозно заинтересованных и религиозно образованных православных русских с представителями "Оксфордского Движения" середины 19-го века — движения, выражающего стремление англиканства вернуться к полноте древне-церковного предания. Один из видных представителей, Вильям Пальмер из Magdalene College (Оксфорд), был в дружбе и усиленной переписке с А. С. Хомяковым и приезжал даже в Россию и хотел принять православие, но разочаровался, так как нашел несогласованность во взглядах между Константинопольской и Русской Церквами по вопросу, следует ли признавать его англиканское крещение или нет (греки в Константинополе отвергли его действительность, Святейший Синод в Петербурге соглашался его признать).

В России Пальмер встречался с рядом образованных и религиозно заинтересованных русских. К числу их принадлежала чета Долгоруких — князь Юрий Алексеевич (губернатор в Вильне, Воронеже, потом сенатор в Москве) и жена его, Елизавета Петровна, рожденная Давыдова. Оба они с большим интересом следили за Оксфордским Движением. В их библиотеке имелся, между прочим, "Христианский Год" (The Christian Year) Джона Кибля - сборник религиозных стихов по дням года - одно из самых, может быть, влиятельных и привлекательных произведений Оксфордского Движения. Пальмер провел в бытность свою в России часть лета в имени Долгоруких Красное (Новосильского уезда Тульской губернии). Эта высоко образованная семья глубоко интересовалась, между прочим, вопросом о сближении между христианами. Долгорукие были в переписке, например, с Александром Винэ, профессором Лозаннского университета, литературным критиком и историком литературы, но человеком, который, в первую очередь, интересовался воздействием христианства на жизнь. Глубоко верующий (но не узкий) протестант, пастор и

богослов, наряду со своими литературными и философски-эстетическими трудами, он особенно трудился в направлении, хотя бы морального, психологического, сближения между христианскими вероисповеданиями. Он особенно стремился к преодолению расхождения между католичеством и протестантизмом в учении о спасении и действии благодати и новой духовной жизни человека. Долгорукие были с ним в переписке. Более того, в 1842 году кн. Юрий Алексеевич специально приехал в Лозанну для встречи с Винэ и пробыл там две недели (от 6 до 19 мая) и каждый вечер от 6 или 7 до 11 часов проводил в интенсивных богословских разговорах и дискуссиях с Винэ. В дневнике Винэ есть ряд записей об этом. В этих встречах обсуждавшиеся темы были богословского характера, но весьма разнообразные. Так, они говорили о молитве за умерших, о переходах из одной Церкви в другую, о Церкви первых трех веков, о Первом Послании апостола Иоанна и т. д. В мае 1842 года Винэ пишет в письме к своей дочери: *J'ai eu sans partage une visite qui a duré 15 jours et me laissera un profond souvenir: c'est celle d'un étranger d'un illustre nom qui a passé un temps à Lausanne par l'amour de moi, qui croyait que j'avais quelque chose à lui donner et de qui j'ai beaucoup reçu.* ("У меня был в течение 15 дней, так сказать, в полном моем распоряжении гость, пребывание которого оставило глубокий след в моей памяти. Это был иностранец, носитель очень известного имени, который провел это время в Лозанне специально ради меня, так как он думал, что он может много от меня получить, и от которого на самом деле я получил много"). Винэ чувствует себя сильно утомленным от ежедневных вечерних заседаний, но "я ни в малейшей степени об этом не жалею". 179

Значительно позднее приехавшие в Россию на коронацию императора Николая II англиканские иерархи также вели беседы о возможности сближения англиканства с Православной Церковью; они вели их, как с рядом русских иерархов, так и с рядом верующих и образованных православных мирян (так, например, с зятем Долгоруких, В. С. Арсеньевым).

Большую роль в ознакомлении англиканского мира с церковной и особенно с литургической жизнью Православной Церкви сыграл англичанин Джон Беркбек (Birckbeck), издатель очень замечательной переписки Хомякова с Пальмером, а также трактата Хомякова о Церкви, известного под заглавием "Церковь едина" на английском языке. Беркбек был великий любитель и знаток православного (и вообще христианского) богослужения. Он 18 раз приезжал в Москву на службы Страстной недели (которые он превосходно знал, так же как и главные церкви Москвы) и на Светлое Воскресение. Он говорил, что во всем литургическом христианском мире нет ничего равного по красоте московским службам Страстной недели и Светлого Воскресения. Помню, как он бывал в доме моего деда в Москве, на Садовой, и его разговоры.

В тишине, трезвенно и осторожно, в великой верности к своей Церкви, вырастала в некоторых кругах Русской Православной Церкви большая потребность ощутить единство со всеми христианами, верующими в того же Единого Господа, и внимательным и ответственным изучением предмета, дружеским общением с западными христианами и собственным ростом духовным готовить расчищать почву для взаимного понимания и сближения Мировые потрясения и кризисы 20-го века углубили и усилили этот процесс.

Глава четырнадцатая

Проповедь Воскресения и христианский реализм в современном мире

Величайшая мечта (часто скрытая, неосознанная мечта!), величайшая надежда, величайшее чаяние человечества — воскресение из мертвых. Величайшая мечта! — потому что, как может это быть? В этом мировое значение христианства, что оно свидетельствует, что это есть *исторический факт*, уже имевший место и — более того - что в этом факте открылся новый закон высшей обновленной жизни мира, ворвавшийся в этот наш мир в Воскресении Христа. Именно в Воскресении Христа: ибо во Христе - суть; во Христе раскрылась новая жизнь, которая выше нашей жизни и смерти. Ибо "для меня жизнь — Христос и смерть — приобретение", пишет Павел (Фил 1. 21). Христос неразрывно связан с воскресением. В воскресении Его с полной очевидностью раскрылось ученикам, кто Он. Поэтому из свидетельства о воскресении выросла вся апостольская проповедь, все христианство. Итак, свидетельство о прорыве Божиим в мир в Сыне Любви Его, и новой жизни, данной во Христе, и о воскресении мертвых, уже осуществившемся во Христе, воскресении, которое коснется и нас, в котором и мы призваны принять участие, т. е. *преодоление мирового закона смерти* победой раскрывшейся Вечной Жизни — вот существенные и решающие черты христианского благочестия. Любовь, отдавшая Себя и *победившую силу смерти*.

Эта победа над смертью — величайшая мечта человечества на протяжении тысячелетий — является вместе с тем и центральным нервом, центральным фактом христианского благовестия. В наши дни этот вопрос встает со всей остротой и силой.

Как можно думать о воскресении, как можно верить в воскресение, когда все проходит? Ведь в картине мира нет остановки, нет возможности зацепиться, ухватиться за протекающее мгновение, как о том мечтал Гетевский Фауст:

*Zum Augenblicke dürit' ich sagen:
Verweile doch, du bist so schön!*

- "Мгновению я мог бы сказать: Остановись, ты так прекрасно!", — тем более нет восстановления того, чего уже нет. "Все течет!" восклицает Гераклит в 6-ом веке до нашей эры. На стенах древне-египетской гробницы (жреца Неферхотепа) читаем:

"Тела проходят неудержимо со времен Ра и новые образования вступают на их место.

Солнце показывается каждое утро, а на западе заходит вечернее солнце.

Мужчины производят семя, женщины зачинают.

Ноздри всех живущих вдыхают утреннее благовоние.

Но те, что были рождены, - все они отправляются к месту, которое им назначено.

Поэтому с радостью справляй свой день, о жрец!

Приготовь мази и благовония для своего обоняния...

Я слышал обо всем, что совершено предками,

Но теперь стены их распадаются, их места уже более нет.

*Подумаешь, будто их никогда и не бывало."*¹⁸⁰

Те же тона, но с еще большим размахом, еще безотраднее, доносятся нам из древне-индусских текстов: "Как можете вы шутить? Как можете предаваться веселию? - Мрак окружает вас..."¹⁸¹

Ибо все подвластно смерти — не только человек, но все живущее, всякое бытие, вся вселенная! Мы видим рост, одряхление и гибель всего видимого, от мелких мошек, трав и деревьев до могущественных и славных властителей царств. "Но что говорить о них - есть и еще большие! Мы видим гибель божеств, чандкарвов, асуров, якшей и иных. Да не их одних! Высыхают великие моря, разрушаются горы, передвигается Полярная звезда, обрываются тетивы ветров, затопляется земля, и сами вышние боги низвергаются из обителей своих, " - так провозглашает одна из Упанишад.¹⁸²

Согласно древне-индусской религиозной философии, сменяются, гибнут даже и боги, все проходит, неизменным остается лишь *самый закон смены, закон преходящести*. Индивидуальное все гибнет, остается *общее*: род, тип, строй, равновесие сил, гармония. Так часто представляли себе мир древние греки и находили в этом созерцании, с одной стороны, возвышающую душу красоту, - с другой стороны, предмет глубочайшей скорби и разочарования. Вспомним у Гераклита (после восхваления гармонии и красоты мира, где все попеременно сменяет друг друга) это исполненное глубочайшей скорби восклицание: "Куче мусора, наудачу высыпанного, подобен самый прекрасный Космос!" А Марк Аврелий, не менее Гераклита захваченный величественным зрелищем гармонии Космоса, которому он посвящает ряд восторженных восхвалений, в момент глубокой душевной тоски - ибо *все* индивидуальное, живое проходит, остается только тип, только образец - восклицает: "Доколе же? "

А что говорит современная космология, современная астрономия и астрофизика? Все несется, уносится вихрем, протекает, и время наше даже призрачно, как показал Эйнштейн. Но есть поток, течение, убежание, смена, вихрь. Наша солнечная система, наша галактика захвачена этим, не говоря уже о всем, что нас окружает на земле. Как можно при этом мечтать о чем-то вечно пребывающем, стоящем вне изменений?

Такое чувство катастрофической, бессмысленной затерянности моего "я" и всего, что мне дорого и ценно или может быть дорого и ценно в этом катастрофически затерянном, бессмысленном, вихренно несущемся мире охватывает многих поэтов и мыслителей нашей эпохи. Большой немецкий поэт переживший Вторую войну и первое десятилетие после нея, Gottfried Benn (1886-1956) в ужасе восклицает о своем потерянном "я":¹⁸³

<i>Verlorenes</i>	<i>Ich,</i>	<i>zersprengt</i>	<i>von</i>	<i>Stratosphären...</i>
...
<i>Die Welt</i>	<i>zerdacht.</i>	<i>Und</i>	<i>Raum</i>	<i>und Zeiten,</i>
<i>Und was</i>	<i>die</i>	<i>Menschheit</i>	<i>wob</i>	<i>und woq,</i>
<i>Funktionen</i>	<i>nur</i>		<i>von</i>	<i>Unendlichkeit...</i>
<i>Die Mythe log.</i>				
<i>Woher?</i>	<i>Wohin?</i>	—	<i>nicht</i>	<i>Nacht,</i>
<i>Kein</i>	<i>Evoo,</i>		<i>kein</i>	<i>nicht</i>
<i>Du</i>	<i>möchtest</i>	<i>dir</i>	<i>ein</i>	<i>Stichwort</i>
<i>Allein von wem? ...</i>				<i>Morgen,</i>
				<i>Requiem...</i>
				<i>borgen,</i>

"Потерянное "я", разорванное стратосферами... Мир превращен в мертвую отвлеченность. И пространство и время и все, что человечество творило и взвешивало — лишь функции бесконечности. Миф был ложью...

Куда? откуда? Ни ночь, ни день, ни вакхический восторг, ни реквием... Ты хотел бы просить лозунга для жизни, — но у кого просить?"

У Бенна все это высказано с чувством отчаяния: с отчаянием, напр., и у Камю (Camus); у других — как будто с равнодушием, с кажущимся равнодушием (как у арфиста с древне-египетской гробнице).

Люди с отдаленнейших времен искали и ищут спасения или хотя бы необходимой точки опоры (если есть точка опоры, то есть и спасение), как сказано в Ветхом Завете: "В начале Ты, Господи, землю основал, и дела рук Твоих суть небеса. Они погибнут, Ты же пребываешь; и все они как риза обветшают, и как одежду Ты свиешь их, и изменятся. Но Ты тот же, и лета Твои не оскудеют" (Пс. 101. 26-28).

Если есть, куда и к *Кому идти*, если есть, к *Кому прикоснуться* - *Пребывающему и Неизменному*, то не так важно думать о спасении. Человечество жаждало и жаждет Живого и Непреходящего, и Оно (Он) урывками, проблесками сквозь туман провидится ему, открывается ему.

Смутная, часто лишь полуосознанная жажда полноты жизни, жажда преодоления смерти — да, она пробегает широкими волнами, многочисленными, разнообразными струями и струйками через историю человеческой мысли и человеческого сердца на протяжении многих столетий, на протяжении тысячелетий.

Разве в этой безрадостной египетской "песне арфиста" не чувствуется боль по преходящести всего, а эта боль разве не есть тоска — скрытая, не выраженная, неосознанная - по полноте жизни? Не то же ли имеем мы в этих словах *Экклесиаста*: "*Суета сует! Все суета. Что пользы человеку от всех дел своих, которые он делает под солнцем? Род приходит и род проходит, а земля пребывает во-веки. И видел я все дела, которые делаются на солнце - и вот все суета и томление духа*" (Еккл. 1. 2-3).

Здесь скорбь по преходящести всего, по возвращению всего на свои круги, и жажда - хотя и неосознанная, -чтобы этот круг был прорван. В древней Греции эта жажда - вырваться из круга! прикоснуться к более подлинной, непреходящей жизни! - получила свое робкое выражение в золотых табличках, найденных в орфических гробницах главным образом 3-го и 2-го в. до Р. Х. в Южной Италии и Сицилии.

"*Я истомился от жажды и погибаю*" - читаем мы на одной из этих пластинок - "*но дай мне напиться из источника, целебной воды*". И вот этой душе кажется, что прорыв обеспечен, что она его уже совершила: "*Я выскочила из круга горестного и тяжелого*", — читаем мы дальше.

И в древней Индии предносится взору души Высшая Реальность — то, где душа может успокоиться, истинная сущность души, не только ее Родина¹⁸⁴ и цель, но ее субстанция и основа: *Амман* — великое мировое *Я*, *Самость*, *Реальность Реальностей* (Satyu Satyasya).¹⁸⁵ Это есть — цель *Упанишад*;¹⁸⁶ имя ему - *Предмет томления*;¹⁸⁷ познав его, брахманы перестают желать себе сыновей, имущества мира и, как нищие, пускаются в *бездомную жизнь*! Но вопрос о *спасении мира* тут не ставился; зло, страдание, смерть, многочисленность творений и судьба их суть только

иллюзии; спасение - только в уходе, в бегстве¹⁸⁸ (как отчасти и у Платона и гораздо сильнее у Плотина). Проблема о *мире* и зле в мире, о спасении мира признается поэтому иллюзорной и не разрешается.

О прорыве души в обители чистого надмирного бытия - туда, откуда она родом - учил Платон. Ибо есть такая истинная пристань души, источник и цель ее томления, ее "погони" за тем, что истинно есть.¹⁸⁹ "Тому, кто прибудет туда, это подобно отдыху после пути и окончанию его странствия."¹⁹⁰ Бегство туда есть "уподобление Богу, насколько это возможно."¹⁹¹ Еще в течение здешней жизни душа мудреца, убегая от чувственного и следуя разуму, "созерцает Истинное Божественное и Непреложное и питается от него."¹⁹²

У Платона и платоников это - преодоление душой своей связанности со своей темницей или гробницей (σῆμα), телом, и приобщение души (навсегда ли? или только на известный период? — это не вполне ясно, тут мысль Платона колеблется) к чистому бытию бессмертных надмирных сущностей. Но это *не касается пела* и не касается мира и плоти и материи. Плоть и тело и материя недостойны их и *неспособны приобщиться* к истинному бытию. Мир остается во зле лежать, и нет ему избавления. Платон ничего не знает - и не хочет знать - о воскресении тела, о приобщении тела, материи, всего физического бытия — к истинному бытию. К нему приобщаются только немногие избранные души.¹⁹³ *Бегство одинокого к Одинокому* (Φυγή той Μόνου πρὸς τὸν Μόνου), как позднее говорит Плотин.¹⁹⁴

3

Иными путями шло благочестие Ветхого Завета. Вера в победу над смертью подготавливается *опытом общения с Богом*. Только несколько мест в книгах Ветхого Завета говорят с некоторой явственностью о воскресении или намекают на него: два места у Исайи, одно место в книге Иова, одно место у Даниила. У Исайи чаяния с огромной силой устремляются на грядущее откровение победы и славы Божией, побеждающей и силу смерти. "И уничтожит (Господь) на горе сей покрывало, покрывающее все народы... Поглочена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц и снимет поношение с народа Своего по всей земле" (Ис. 25. 7-8). И еще: "Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя - роса растений, и земля извергнет мертвецов" (26. 19). И потом вот этот вопль Иова (19. 25-26) — выражение уверенности, что Избавитель его близок и заступится за него. Это, по-видимому, не надежда на восстание из мертвых, а чувство, что Бог откроется ему, даже в его смертный час, и не оставит его.

Dass er aber in dieser *Stunde, da Gott Sich ihm, dem Einzelnen, offenbart, trotz des nahenden Todes freudig entgegenharren kann, das bedeutet einen Triumph über den Tod und eine Gewissheit um den Sieg des Lebens*, — пишет Walter Eichrodt в своей знаменитой книге *Theologie des Alten Testaments*.¹⁹⁵ ("Уже то, что он может с радостью, несмотря на близкую смерть, ожидать того часа, когда Бог ему - лично ему, откроется, означает уже торжество над смертью и уверенность в победе Жизни").

Дело в том, что в благочестии Ветхого Завета вера в воскресение вырастает постепенно: из чувства близости к Богу, из *предания себя в Его руки*.

"... Я всегда с Тобою. Ты держишь меня за правую руку. Ты руководишь меня советом Твоим, а потом примешь меня в славу..."

Кого я имею на небе, кроме Тебя? и на земле я не желаю ничего, кроме Тебя. Изнемогает плоть моя и сердце мое. Бог-твердыня сердца моего и часть моя во веки" (11с. 79. 23-26).

"Господь - Пастырь мой, и я ни в чем не буду нуждаться... Если, и пойду я долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты - со мной" (Пс. 22. 4). Это - удовлетворение той жажды души, о котором в другой псалме говорится: "Как олень жаждет потоков воды, так и душа моя жаждет Тебя, о Боже!" (Пс. 41. 1).

Ибо душа испытала милосердие Божие, она видела милосердие Его к народу Его, но и сама лично испытала милость Его, Бога живого. Из встречи с Богом живым вырастает уверенность в победе над смертью.

Недаром поэтому и св. Петр в своей проповеди, обращенной к народу в день Пятидесятницы и ссылается, говоря о воскресении Христа, на слова 15-го псалма: "Ты не оставишь души моей во аде и не дашь святому Твоему увидеть тления" (Деян. 2. 24-27).

В эпоху позднейшего иудейства уже во времена Христа, среди широких кругов распространилась вера в грядущее воскресение мертвых в конце истории. Эту веру мы встречаем уже в книге Даниила (гл. 12-ая) и апокалиптических книгах иудейства (напр., особенно подробно развито в книге Эноха).¹⁹⁶

Но решающей в истории не только человеческих верований, но и в истории мира явилась новая встреча, мистическая встреча с прорывом в мир Полноты Божества, имевшем место в истории.

4

Христианское благовестие не есть результат довольно распространенных в иудействе того времени чаяний грядущего воскресения мертвых: оно возникло из опыта учеников — из их встреч с Воскресшим Учителем. Много раз говорилось — и богословами и религиозными мыслителями и историками перво-христианского периода, особенно в наше время — что вся проповедь христианства выросла из проповеди воскресения, что без воскресения и проповеди воскресения не было бы христианства. Но особенно ярко и настойчиво со всей определенностью говорят это сами христианские памятники самих первых времен. "Если Христос не воскрес, то проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... Но Христос воскрес, Первенец из умерших", пишет ап. Павел (1 Кор — около 55 г. по Р. Х.). Вся первая проповедь апостольская рассматривается в книге "Деяний", как проповедь о воскресении. Да оно так и было. И в свете Воскресения и вся предыдущая земная жизнь Христа получала для верных Его новый, более глубокий смысл, новое освещение.

Хочу здесь остановиться на следующем: проповедь о воскресении Христа не была сознательным философским или религиозно-философским ответом на мировую проблему о гибели всего, непрерывающейся гибели, увядания, "утечки" всего индивидуального, всего ныне существующего; это не было также выражением довольно распространенного в некоторых иудейских кругах чаяний о грядущем, эсхатологическом воскресении мертвых, всех или праведников только (см. кн. Даниила или апокалиптическую кн. Эноха). Эта проповедь была *свидетельством* о совершившемся факте: "Но Бог воскресил Его из мертвых, чему мы все свидетели" (Деян, 2. 24-32). Они *не могут не говорить* об этом: "Судите, справедливо ли пред

Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы *не можем не свидетельствовать* о том, что мы видели и слышали" (Деян. 4. 19, 20; ср. 5. 29). Они говорят под неким духовным внутренним принуждением; они "покорены", они "захвачены"; им не страшны поэтому ни власти светские - римские, ни свои, иудейские — синедрион и первосвященник, хотя они призывают к послушанию властям в вопросах внешнего распорядка жизни. Эти законопослушные, скромные люди вдруг становятся непокорными внешним властям, когда Бог приказывает свидетельствовать. Это — не рассуждения философски-религиозные, не философские гипотезы, не философское учение, это - Истина, *Действительность* Божия — прорвавшаяся в мир, — то, что они "видели своими глазами, и руки наши осязали". Это так же, как исповедь Фомы: "Господь мой и Бог мой!" (Ин 2(1. 28), вырвалось из самой глубины их души. Это — религиозный акт, а не порождение "бессознательных глубин моего Я"; это - результат, плод *встречи с Воскресшим*, т. е. с *большой сильнейшей Реальностью*, чем они сами.

И тем не менее: христианская проповедь о воскресении Христа *ответила* на мировую проблему о владычестве смерти и на робкие, смутные, но многочисленные чаяния человечества, о какой-то отдаленной возможности преодоления ее.

5

Из воскресения Христа вытекают *новые горизонты*, горизонты космического характера. В глазах верующего откровение безмерной любви Божией, открывшейся в Сыне Любви Его (Кол 1. 13), раскрывшееся в воплощении, кресте и воскресении Его, касается всей твари, всего мира и всех законов его, в том числе, конечно, и владычества смерти. Воскресение Христово означает отмену конечного владычества смерти. Недаром, согласно Павлу, вся тварь "стенает и томится, ожидая избавления, и мы стенаем и томимся ожидая усыновления и искупления (*ἀπολύτρωσιν*) тела нашего". С воскресения Христова начинается, уже началась победа над смертью для всего творения, всего мира. Это так ярко подчеркивают песнопения Церкви: смерть "уничтожена", "упразднена" через воскресение Христово — пользуясь при этом выражениями, уже встречающимися в Новом Завете.¹⁹⁷ Победа пока дана в принципе, но она уже *имела место* в воскресении Христа; полнота ее проявления — впереди, когда Бог "отрет каждую слезу с очей их, и смерти больше не будет; ни плача, ни вопля, ни болезни не будет больше, ибо прежнее прошло" (Откр. 21. 4).

Поворот, радикальная перемена, "совершилось" "прежнее прошло" - вот бросающиеся в глаза черты, основоположные черты христианского благовестия. Оно радикально, решительно и оно — касается всего мира. И оно не дитя философских размышлений или позднейшей иудейско-фарисейской экзегезы: оно ворвалось в мир как дар свыше. Не философствуя (ибо "немного среди вас мудрых по плоти, немного сильных, немного благородных, но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых" - 1 Кор. 1. 2П-27), а свидетельствуя о происшедшем, захваченные и покоренные явившейся силой и победой Божией, апостолы и служители Слова оказались в состоянии дать ответ на основной вопрос о судьбах мира и человечества: на вопрос о смерти и конечном, торжествующим преодолении ее.

Эта вера в очищение самих корней бытия мира от господства зла и греха и смерти, данное уже в победе Христа и являющееся *новой закваской* в жизни человечества и всего мира, есть тот *новозаветный христианский реализм*, который живет в писаниях Павла и Иоанна и в жизни и в исповедании древней Церкви, и в молитвенном созерцании древних Отцов, и в литургических песнопениях и мирозозерцании Православной Церкви, как и в молитве и мирозозерцании Церкви на Западе. Этот

христианский реализм проснулся с обновленной силой в 20-ом веке и в протестантском богословии, из которого он все больше исчезал за предыдущее столетие.

6

Теперь много богословских книг и статей, как протестантских, так и католических, которые утверждают, с точки зрения исторической и с точки зрения богословской, что основа и центр христианского благовестия даны в проповеди о воскресении Христа. Но не так это было в мире протестантского богословия еще в начале этого века. Я помню в 20-ых годах одного почтенного (и милейшего, при этом доброго и чистого душой) ученого и верующего протестантского богослова (автора ученого труда об этике ап. Павла), который, прослушав лекцию, прочтенную по его приглашению молодым православным о христианском благовестии, где говорилось о центральном значении проповеди о воскресении, - добродушно и сердечно ударил молодого лектора по плечу со словами: *Das ist ja eine fromme Häresie!* ("Это — благочестивая ересь!"). Так далеки были тогда эти мысли от обычного мирозерцания протестантских богословов. Решительный поворот в этом отношении начался вскоре после Первой Мировой войны. Тогда, в связи с последовавшими за ней потрясениями и крушениями целых стран и империй, огромные духовные сдвиги обнаружились в западно-европейском мире (конечно, не только в западно-европейском). То же, может быть, в еще большем масштабе — повторилось и после катастрофы Второй Мировой войны: движение это пошло, может быть, еще больше вглубь и вширь и подготовило ряд реакций в области духовной жизни, в том числе Второй Ватиканский собор.

Уже после Первой войны произошли очень значительные духовные сдвиги во многих интеллектуальных кругах Западного мира, особенно во Франции и в Германии (как, может быть, наиболее пострадавших в смысле жертв и людских потерь из западных стран.¹⁹⁸ Это выразилось в религиозном пробуждении и - как ни странно — прежде всего среди культурных и интеллектуальных кругов населения. Это с большой яркостью бросается в глаза в протестантской Германии (в связи, конечно, с огромным национальным унижением и поражением велико-имперских планов). На фоне потрясений, катастроф, превратности, гибели земного, даже того, что казалось таким крепким и незыблемым, встала перед духовным взором превосмогающая Реальность Божия. В противоположность столь распространенному в протестантизме крайнему субъективизму, выразившемуся, напр., в богословии Ричла (A. Ritschl, 1822-1889), где все здание веры строилось на *моей* оценке ("Чем является Христос для меня? ") - со всей мощью пронеслось через сердца и даже через писания богословов дыхание первого христианства: "Бог *больше* сердца моего" (Ин. 3. 20).¹⁹⁹ Большую роль в этой новой захваченности реальностью прорыва Божия в мир сыграл, конечно, импульс, исходящий из произведений Карла Барта (род. в 1886 г.) этого периода, несмотря на ряд колебаний у него самого между "христианским реализмом" и тем, что можно назвать "полу-докетическими" улетучиваниями конкретно-исторической действительности прорыва Божия в мир — во втором издании своей знаменитой книги *Der Römerbrief (Послание к Римлянам* — первая редакция в 1919 году, вторая, сильно измененная в 1922 году, переиздавалась много раз потом) и даже отчасти и в своей книге *Auferstehung von den Toten (Воскресение мертвых* — 1924 года). Впрочем как раз в этой книге своей о воскресении мертвых Барт с чрезвычайной силой подчеркивает решающее значение и действительность — уже осуществленную во Христе и имеющую быть осуществленной и в нас — именно *телесного воскресения*. "Господь создал нас с телом; пренебрегать этой волей Божией есть непослушание Богу,

есть тайное отвержение Бога. Ведь тело страдает, грешит, умирает. Мы ожидаем "искупления тела нашего". Если тело не будет искуплено в послушании... в жизни, то нет Бога, ибо то, что называли бы тогда Богом, не заслуживало бы этого имени. Истина Божия требует и обосновывает воскресение мертвых, воскресение тела".²⁰⁰

Нам бросается в глаза некоторая парадоксально-риторическая преувеличенность выражений, соединенная с горячностью, с силой исповедания веры. Это не мешает, однако, тонам абстрактного субъективизма, улетающим реальность Благой Вести, врывать кое-где и в эту книгу.²⁰¹ С тем большей силой уже в следующей своей книге *Prolegomena zur Dogmatik, I Teil* (1927) Барт провозглашает несомненную реальность уже совершившегося в истории, уже вошедшего в мир спасения нашего.

Карл Барт становится все более истинным представителем древне-христианского реализма и приближается к древним Отцам — Афанасию, Василию Великому и другим. Эта близость к древне-церковному мировоззрению сказывается уже в его книге *Credo* (1935 г.), выросшей из его лекций в Голландии, и в значительной степени и в его монументальном многотомном труде *Kirchliche Dogmatik* (1932 г. и сл.), этом самом, может быть, замечательном по широте охвата изложении христианского догматического учения, вышедшем из под протестантского пера в новое время. Интересно, как сильно это изложение приближается к духу древне-отеческой богословской мысли.

Вот, между прочим, несколько цитат из его книги *Credo*. "Откровение Божественности Христа имеем прежде всего в Его воскресении из мертвых". "Вся жизнь и смерть Иисуса должны несомненно быть объяснены в свете Его воскресения"... Откровение Божие не только сокровенно, оно есть также и явление Слова Божия — в этом и есть смысл Воскресения. Значение Воскресения Христова не может быть преувеличено". Это самооткровение Божие в Воскресении Иисуса Христа "есть не *интерпретация* истории, это — подлинно *историческая реальность*". "Это - начало нового века, откровение владычества Божия. Христос воскрес! Он воистину воскрес! Под "воистину" мы должны понимать: "Он воскрес во плоти".²⁰²

По всему вдохновению и направлению своей мысли Барт очень приближается к христианскому "инкарнационному реализму" отцов Церкви, особенно к богословию Иринея Лионского, на которого он усиленно ссылается. Другой северо-швейцарский богослов - Эмиль Бруннер в своей замечательной и по глубине и по силе формулировки книге *Der Mittler (Посредник, 1927 г.)*, захвачен трепетным созерцанием тайны Воплощения Сына Божия. В откровении, данном в Иисусе Христе, мы имеем "совершенно ни с чем не сравнимый новый факт, или вернее, категорию, противоположную всему историческому — т. е. то, что уже не является историческим: полноту времен, которая открылась во времени" (стр. 63). Слово действительно стало плотью. "Все в христианской вере стоит в зависимости от того, что это событие (в самом прямом и буквальном смысле слова) действительно имело место. Высшее завершение этого откровения есть воскресение Христово. Вот, что произошло в пасхальном благовестии: *наш прорыв* в Вечную Жизнь" (стр. 529). "Только Воскресение Христово делает возможным полное исповедание Христа. Спекулятивная философская вера в Воскресение - какая бессмыслица! Как только тогда можно шить, когда завязан узелок на нитке, так и вся вера во Христа тщетна, если Христос не воскрес, действительно воскрес, и как действительно Воскресший, "был узрен". Все остальное — пустые разговоры. И по существу и исторически - это совпадение не случайное — Воскресение является основой, как христианской веры, так и христианской Церкви" (стр. 511). И в другом месте: "Да, действительно

проповедуется нечто Последнее, совсем Другое, Невообразимое, Бесконечное, Невещественное, Сверхвременное - другими словами: Вечная Жизнь. Но все это нужно понимать *вполне* реально, не идеалистически в духе греческой философии. Поэтому в центре обетования о спасении нашем стоит весть об *упразднении смерти*. (*Darum steht im Mittelpunkt der Erlösungshoffnung die Botschaft von Aufhören des Todes* (стр. 514). Ибо "истинная надежда христиан не в жизни после смерти, а в полном удалении смерти из жизни (*die Beseitigung des Todes aus dem Leben*), в воскресении из мертвых, "поглощении смерти" жизнью, победе жизни Божественной над смертью" (стр. 518). А это значит: "Мы, как умирающие, как те, которым надлежит умереть, становимся причастными воскресения Господня" (*teilhaft der Auferstehung des Herrn*), (стр. 531)." Ибо человек представляет из себя некую целостность: он есть душа и тело. Творение Божие есть некое великое единство, духовное и природное суть части одного Целого. Вместе они отпали от Бога, вместе должны они быть спасены, если действительно есть спасение"... (стр. 512). Сходные мысли встречаем у Вальтера Кюннета в его книге *Богословие Воскресения*: "Превозмогающая сила жизни в воскресении Иисуса есть та реальность, от которой зависит вся жизнь".²⁰³ Еще более замечательной является книга Эвальда Бургера *Живый Христос*.²⁰⁴

Вообще замечателен этот "взрыв" перво-христианского ощущения центральности и решающего значения воскресения Христова, который охватил многих представителей богословия и много верующих в западно-христианском мире в период после Первой, а также после Второй Мировой войны. Как будто на фоне потрясения всех обычных норм жизни стало вдруг более зорким духовное зрение. Из богословских писателей, особенно выдвинувшихся после Второй Мировой войны, здесь нужно в первую очередь назвать опять немецко-швейцарского профессора и религиозного мыслителя Оскара Кульмана, автора ряда трудов по мирозерцанию первохристианства. Особенно замечательна его книга *Christus und die Zeit (Христос и время - 1946)*, в которой он показывает, что для христианского благовестия решающим является момент *исполнения* ("Совершилось!" - Ин. 19. 30), уже одержанной победы, *уже совершившегося прорыва Вечной Жизни* в мир. Это поистине вдохновенная книга. То же самое с большой силой и убедительностью высказано другими выдающимися христианскими учеными - знаменитым английским исследователем книг Нового Завета, Доддом (Charles Harold Dodd - член "Конгрегационалистской" Церкви). Додд глубоко впитал в себя веру ап. Павла и ап. Иоанна. Главная идея, проникающая все его богословские труды, та же самая: "Совершилось!" Победа Божия, Реальность Божия вошла в мир через откровение Иисуса Христа.

И в католических богословских кругах, особенно французских (французское католическое богословие пережило необычайно мощный духовный подъем после Первой и Второй Мировой войны) та же *захваченность* благовестием о победе Божией, вошедшей в мир. Назову в первую очередь о. Луи Буйэ, которого следует считать одним из наиболее вдохновенных современных богословов, и его книги *La spiritualité du Nouveau Testament*,²⁰⁵ *Четвертое Евангелие*. Откровение Вечной Жизни в воплощении Сына Божия является основным фоном и вдохновляющим предметом созерцания и в книгах по христианской философии истории кардинала Жана Даниелу и о. Анри де-Любак (Henri de Lubac), в книгах о. Ива Конгара (Yves Congar) и т. д. Дух торжествующей христианской проповеди о победе Божией ожил не только в трудах этих истинно христианских мыслителей, но и в сердцах не-специалистов ученых, зажженных в наши дни той же благой вестью. Ибо не ученость и не богословские благочестивые исследования идут раньше, а зажженность той благой вестью, что была

изначала и что в наши дни усиленного и агрессивного неверия вдруг с необычайной силой охватила многие сердца.

7

Оставим богословов. Они часто - даже против своей воли - не могут не быть профессионалами. Да этого и ждут от них. А мне хотелось бы, чтобы об этих важных проблемах нам можно было подумать вслух не только в качестве профессионалов. Профессионалы могут быть полезны для верующих (которые уже имеют веру, но которые хотят размышлять о ней), но простые люди, имеющие лишь светское образование и имеющие малую веру или не имеющие веры, или не думающие о том, имеют ли они ее или не имеют, - они тоже могут почувствовать и часто чувствуют - даже не отдавая себе вполне отчета - всю остроту этой проблемы — господства смерти в мире и жажду воскресения. Что значит воскресение в мировом масштабе? Преодоление в корне преходящести, восстановление всех ценностей, всего, что нам дорого и близко, а это - и черты дорогого лица, и чувство близости дорогого человека, порывы и красота и динамизм юности, и чистота радостей и уюта, и чувство "защищенности" детства — чувство "охраненности" под кровом любви, и художественный восторг, и слезы умиления, и вдохновение и радость и благодарность и любовь наша, и красота и свежесть мира, и эти струйки свежего и уже согретого весенним солнцем воздуха, что щекочат лицо ранним утром, и многое, бесконечно многое другое. Неужели все это бесследно пропало? Неужели нет "сокровищницы духовной", в которой все это сохранилось и хранится? Если было и есть воскресение, то не значит ли это, что смерть будет преодолена для всего существующего, и для прошлого — в его самом ценном, дорогом, незаменимом? Куда уходят богатства наших чувств?

Не есть ли вера в воскресение ответ на этот вопрос? Не есть ли эта вера самая радикальная, какая только может быть? Не есть ли она - вера в конечную победу Божию, в конечную победу Жизни Вечной, о которой говорит апостольская проповедь? Не есть ли она ответ на томление и древнего египтянина и индуса-богослова и древнего грека и современного человека? И в этом ли вся невероятность христианского благовестия в глазах мира - и теперь и тогда, в эпоху ап. Павла, ибо мир знает о бесконечно уходящей жизни, но не о конечной, решающей победе Жизни над смертью? Она открылась - эта победа, в снисшедшей к нам Любви, заполнившей пропасть. Так пишет об этом ап. Павел: Бог "избавил нас от власти тьмы и перенес нас в Царство Сына Любви Своей" (καί μετέστησεν εἰς τήν βασιλείαν τοῦ Υἱοῦ τῆς ἀγάπης αὐτοῦ — Кол. 1. 13).

Как ни странно, эта радикальная, невероятная для мира проповедь захватила в наши дни опять сердца многих людей: исповедников веры в гонимых Церквах христианского Востока и многих, многих других, из разных стран и народов, ученых и не-ученых, богословов и не-богословов.

"Бедные люди!" скажут - и говорят — неверующие про верующих христиан: "Как они себя утешают!" На это у верующих два ответа, которые суть собственно один: Встреча внутренняя с превосмогающей действительностью прорыва Божия, который имел место 19 веков тому назад, и *сила Воскресения Его*, действующая уже теперь в мире.

В Воскресении раскрылись и раскрываются двери бесконечного Милосердия, восстанавливающего творение в его достоинстве. Только это дает полный смысл и жизни и истории и томлению человечества.

"И сказал Сидящий на престоле: "Совершилось!"... Я есмь Альфа и Омега, Начало и Конец. Жаждущему дам даром от Источника воды живой" (Откр. 21. 5, 6).

Глава пятнадцатая

Второй Ватиканский Собор и его значение (с точки зрения православного наблюдателя³)

На Втором Ватиканском Соборе (1962-1965 гг.) произошло чрезвычайно много важного не только для самой Католической Церкви, но и для всего христианского мира, более того — и для духовной жизни современного человечества. Самое важное, конечно, это то *горение* Евангельской проповедью о Спасении, уже явившемся, уже данном всему миру, и в пришествие в мир Сына Божия. Церковь должна идти и проповедовать всему миру, не пренебрегая теми, которые сами кажутся решительными противниками этой веры и которые, тем не менее, может быть, более всего нуждаются в ней. Но для того, чтобы иметь силу для *свидетельства* об этом Спасении, данном нам, Церковь (как и отдельные христиане) должна быть в постоянном духовном напряжении и горении и росте и подвиге и постоянно очищать и исправлять и освящать жизнь своих членов и всю свою деятельность силою Духа Божия. С этим связаны меры для упорядочения и очищения внутренней жизни Церкви.

В лице его двух главных верховных руководителей — пап Иоанна XXIII и Павла VI — и его главных деятелей и двигателей изнутри - таких, как кардинал Беа, архиеп. Малинский и Брюссельский Сюненс, епископ Брюгге Де Смет, архиеп. Кельнский кардинал Фрингс, архиеп. Венский кардинал Кениг, еписк. Страсбургский Эльхингер, маронитский архиеп. Бейрутский Зиадэ и др. - Собор сознательно и последовательно проводил *одну основную линию* (несмотря на противоречие меньшинства, иногда довольно сильного) или, вернее, был *захвачен* одной основной Реальностью, превосходящей по значению и самый Собор и саму Церковь: той Реальностью, по отношению к которой Церковь является лишь служанкой и свидетельницей, - прорыва Божия в мир в лице Единородного Сына Своего для спасения мира. Другими словами, основная задача Собора была понята им, как *проповедь заново* того же самого неизменного первохристианского апостольского благовестия: о спасении мира, совершившегося во Христе. Таким образом, вдохновение Собора прежде всего обще-христианское, миссионерское. Он обращается ко всем людям - не только к католикам и к другим христианам, но и к верующим и неверующим, ко всему миру, в значительной степени утратившему веру в Бога и вместе с тем, несмотря на все головокружительные технические достижения, глубоко несчастному, ибо потерявшему смысл и цель и радость бытия. И этому миру, потрясенному в глубине своего бытия и стоящему на краю пропасти, провозглашает он с неожиданной силой ранне-христианского миссионерского порыва *победу Вечной Жизни*, явившуюся во Христе, осуществленную во Христе. Так, в вступлении к важнейшему, пожалуй, из опубликованных Собором документов — "Constitutio de Ecclesia" (декрет о Церкви, принятый Собором в окончательной редакции в ноябре 1964 года), прежде всего *христологического* характера, говорится об откровении Вечной Жизни во Христе и о действии Духа Божия.

Самый язык и способ изложения этого документа не похож на обычные схоластические тексты учебников богословия, полные логических определений, разделений и подразделений, от которых веет засохшим гербарием, или параграфами юридического трактата, нет, это - язык живой проповеди, от которой веет духом Нового Завета." Христос - Свет миру" - так начинается этот документ о Церкви.

И вот, Его спасение, данное Им, Церковь призвана проповедовать всему миру.²⁰⁶ Точно так же и в другом документе "Пастырские постановления о Церкви в современном мире" ("Constitutio pastoralis de Ecclesia in Mundo hujus temporis"), принятом Собором в окончательной редакции 7 декабря 1965 года, подчеркивается, во вступительной части, чувство глубокой растерянности и неуверенности, охватившее современного человека, несмотря на все огромные, кажущиеся совершенно невероятными, технические и научные достижения, а отчасти даже в прямой зависимости от них. Человек пробудил силы и возможности, с которыми сам, может быть, не в состоянии справиться; он приобретает власть над окружающим миром и все больше теряет ее над самим собой. Он озадачен, ошеломлен невероятным ускорением темпа исторического развития, а смысла и цели и направляющей силы не видит." Часто охвачен он мучительным раздумьем о смысле всей этой эволюции современного мира, о месте и назначении человека во вселенной... наконец, о конечной цели всего существующего, в частности, и человека". Он "часто проявляет все большую неуверенность в самом себе". Все яснее открывая постепенно законы социальной жизни, он, однако, остается "в нерешительности, в какую сторону ее направить". "Нависает также опасность войны, имеющей уничтожить все до основания".

Люди поэтому, "колеблясь между надеждой и страхом, спрашивают себя: куда устремляется ход событий? и подавлены беспокойством"... Несмотря на все большую захваченность человека внешними материальными заботами и достижениями, "все увеличивается теперь число людей, которые с новой остротой ставят себе ряд основных жизненных вопросов: что есть человек? в чем смысл страдания, зла и смерти, которые продолжают существовать, несмотря на все внешние достижения? что следует за этой земною жизнью? " Этим мучительным недоумениям противопоставляется благая весть, которую Церковь призвана принести миру — о Христе и о спасении во Христе.

"Верует Церковь, что Христос, умерший ради всех и воскресший, дает человеку Свет разума и силу, и что нет иного имени под небесами, которым человек мог бы спастись"(ср. Деян. 4. 12). Верует она также, "что во Владыке ее и Учителе - ключ, центр и цель всей истории человечества". "Поэтому этот священный Собор, собранный вместе в Духе Божиим, пламенно желает (*vehementer exoptat*) всех людей просветить Светом Христовым, проповедуя Евангелие всей твари". "В Нем — во Христе — Отец предизбрал нас еще до создания мира и предназначил нас к усыновлению, ибо Ему было благоугодно все обновить во Христе (ср. Еф. 1. 4-5, 10)... Своим послушанием Христос осуществил наше искупление". Христос пришел на землю "проповедовать нищим, исцелять сокрушенных сердцем (Лк. 4. 18), разыскать и спасти погибшие". И Церковь должна со всей любовью снисходить ко всем страждущим и испытываемым, "в бедных и страждущих видит она образ Того, кто основал ее и Сам был бедным и страждущим и стремится в них послужить Христу". Христос был без греха, но пришел искупить наши грехи, "Церковь же в собственном теле своем содержит грешников — Она одновременно свята и постоянно вместе с тем нуждается в очищении, она постоянно идет по пути покаяния и духовного обновления". Христос есть единственный Посредник. Он — Глава Тела Церкви. "На

Нем, как основании, воздвигнута Церковь апостолами и пророками, от Него она получает крепость и слитность (*firmitatem et cohaesionem*)" От своего Владыки и Главы должна Церковь учиться смирению и смиренному служению, смиренно она должна шествовать по Его стопам. "Хотя Церковь и нуждается в человеческих средствах, чтобы выполнить свое посланничество, но она поставлена не для того, чтобы домогаться земной славы, но чтобы провозглашать, и притом на собственном примере, смирение и жертвенность (*humilitatem et abnegationem*)". Церковь — в этом мире, но она не вполне от мира сего: "Церковь, между гонений со стороны мира и утешений Божиих, шествует своим странническим путем и провозглашает смерть и крест Господни, доколе Он не придет (см. 1 Кор. 1. 26)... Но силою Воскресшего Господа (*virtute autem Domini resuscitati*) укрепляется она... Она живет присутствием Духа Божия, дающего ей силу внутреннего роста и очищения и освящения, но в смирении и трепете"... (*Constitutio de Ecclesia*).

С этим миссионерско-апостольским порывом - проповедовать неверующему и страдающему миру великое сокровище Благой Вести, сочетается теснейшим образом в речах и постановлениях Собора острое и мужественное сознание необходимости постоянного внутреннего усовершенствования, — нравственного напряжения, духовного роста и очищения самой Церкви согласно словам апостола Павла (Еф. 5. 27). На них особенно любил ссылаться папа Иоанн XXIII - тот, который стал духовным отцом этого возрождения "соборности" в Католической Церкви. Церковь должна стараться быть достойной той Благой Вести, которой она является носителем. Со страхом и трепетом должна она совершать свое служение. Она призвана к святости; свят Дух Божий, живущий в ней; свят ее Глава и Владыка - Господь Иисус Христос, но сама она на земле состоит из слабых и грешных людей, призванных тем не менее к святости — к постоянному процессу очищения, покаяния и возрастания силою Духа. Об этом с большой силой говорили оба папы Второго Ватиканского Собора — Иоанн XXIII и Павел VI, и ряд выдающихся членов Собора - например, кардинал Сюненс, архиепископ Горицийский (Италия) Андреа Панграцио, архиепископ Виннипегский (Канада) Флахиф, епископ Эйзенштадтский (Австрия) Стефан Ласло и др.²⁰⁷

В этом постоянном напряжении и "делании" духовном, в этом процессе постоянного покаяния, очищения и нравственного напряжения и освящения силою Божией папа Иоанн XXIII видел и залог восстановления единства среди христиан. Если все христианские Церкви и группы будут охвачены этой жизнью подвига, жизнью освящения Духом Божиим, то мы придем к единству (см. ниже, гл. 16). И таким образом с этой второй целью Собора - возрождение и очищение внутренней жизни самой Католической Церкви — органически соединилась и непосредственно из нее вытекающая третья цель - идти по пути к единению всех христиан, готовить грядущее единение всего христианского мира. Под этим углом зрения должно в первую очередь рассматривать всю деятельность Второго Ватиканского Собора: миссионерская проповедь Евангелия миру, внутренние реформы Католической Церкви и шаги в сторону единения христианского мира. Что удалось Второму Ватиканскому Собору достигнуть на этом пути?

Особенно значительное, центральное место в деяниях Второго Ватиканского Собора занимает документ о Церкви. В нем явственно выразились все три вдохновлявшие Собор цели, указанные выше, и вместе с тем этот документ стал официальным - и очень ярким - выразителем тех устремлений к *соборному* началу в

жизни Церкви, к "соборному" характеру ее структуры, которые проявились в идеологии многих руководящих кругов католичества со времени объявления папой Иоанном XXIII в 1959 г. о намерении его для блага Церкви созвать Собор. Эти тенденции уже существовали (так, напр., в писаниях Конгара), но были подавляемы, должны были запрятаться в глубину, не могли свободно проявляться. "Динамичность" и "органичность" жизни Церкви, как единого великого Тела Христова, охватывающего всех верных в одном потоке благодатной жизни - встает с чрезвычайной силой перед нами из этой "Конституции о Церкви". Это, не документ сухой, а некое живое молитвенное созерцание Тайны Божией, раскрывающейся в пришествии Христа и осуществляемой в Его Церкви, которая есть новая, совместная наша жизнь во Христе, совместное водительство Духом Святым, жизнь совместного нашего роста духовного и освящения нашего силою Духа. Эта совместность в росте духовном силою Духа Божия (как показано апостолом Павлом в Посланиях Ефессянам и Колоссянам, к Римлянам и в 1 Коринфянам) и составляет основу того, что мы называем "соборностью" в жизни Церкви, о чем так вдохновенно писал А. С. Хомяков. Вот, духом этой соборности полон и рассматриваемый нами документ - когда он говорит о веянии Духа Божия в Церкви, о высоком призвании в Церкви и мирян, как носителей того же Духа и членов Тела Христова, не "подданных" только. И вся концепция иерархического строя Церкви также носит на себе печать соборности, соборной жизни. С определенностью и силой подчеркивается соборная ответственность всего епископата в управлении Вселенской Церковью.

Епископы, как преемники апостолов, имеют харизму, ответственное призвание не только к управлению и пастырскому руководству собственной своей епархией, но именно они разделяют друг с другом и с папой ответственность и за всю Церковь Христову в ее совокупности, — точка зрения, замалчивавшаяся или недостаточно признававшаяся в течение многих веков в истории католичества.

Эта соборная ответственность епископов в управлении Вселенской Церковью сочетается, согласно этому документу, с исключительной ролью папы в Церкви. Власть папы, как преемника Петра, "Председателя апостольской коллегии", основоположна, согласно этому учению, для жизни Церкви, и епископы могут осуществлять свои полномочия в Церкви только в неразрывном единении с Римским престолом. Таким образом, основное католическое воззрение на значение папской власти сохранено, но характерно и значительно для данного текста некое внесение "еоборио-епископского" элемента в общую схему управления Церкви. Это и ново и не ново; новизна в этой силе удара на значение коллегиально-епископского начала в жизни Церкви. Правда, все это обставлено оговорками, чтобы не было впечатления, что этим подчеркиванием соборно-общецерковного значения епископата уменьшается духовная компетенция и власть папы. Так, 16 ноября 1964 года, за день до окончательного голосования на третьей сессии этого декрета о Церкви, была роздана всем членам Собора некая, исходящая от высших кругов Церкви, "предварительная справка" ("nota praevia"), посвященная, по-видимому, только уточнению терминологии в вопросе о "власти епископов". В этой справке говорится, что вместо слова "власть" (potestas) нужно применительно к епископам лучше употреблять слово "функция" (munus), ибо они обладают сами по себе, через епископское посвящение, только потенциальной властью (вот, куда ворвалась схоластика!), которая становится актуальной только при теснейшем единении их с папой - главой епископской коллегии (в качестве преемника апостола Петра) и друг с другом. Эта "nota praevia" не была поставлена на голосование на Соборе, а прибавлена к актам Собора высшей церковной властью. Таким образом, весьма ограниченные и скромные утверждения

"Конституции о Церкви" касательно коллегиальной власти епископата в неперменном единении с папой, как главой коллегия, были еще более ограничены.

Несомненным разочарованием для ряда католических богословов, настроенных "соборно", и еще большим разочарованием для православных (а также для англикан и верующих протестантов) явилось то, что в конце декрета о Церкви Второго Ватиканского Собора целиком вставлена вся формула о папской непогрешимости, провозглашенная Первым Ватиканским Собором в 1870 году. Нельзя было, конечно, ожидать отказа от этого ватиканского догмата 1870 года, но можно было ожидать (и многие надеялись на это), что это, лишь недавно догматизированное, учение Католической Церкви будет сформулировано другими словами в несколько смягченном виде, а, главное, что будет изменено особенно неприемлемое для православных выражение "ex sese et non ex consensu Ecclesiae" — постановления папы, произносимые "ex cathedra", "не подлежат исправлению" "*сами по себе, а не с согласия Церкви*". Эта последняя формулировка неудачна, по-видимому, и с католической точки зрения: об этом свидетельствуют разные толкования (от самых крайних до более умеренных; в католическом богословском мире теперь господствуют умеренные толкования).

И в католических кругах многие надеялись, что она будет заменена другой, более ясной. Эта более ясная формулировка была бы, вероятно, вместе с тем и более умеренной, ибо соответствовала бы, вероятно, более умеренным, господствующим теперь, толкованиям. Это был бы, несомненно, некоторый шаг, приближающий несколько больше католическое учение о Церкви и ее иерархической структуре к православному. Но этого не произошло, к сожалению. Может быть, и не могло произойти. И так уже некоторое тесно сплоченное меньшинство Собора (приблизительно 400 его членов против 1900) с опаской и недоверием смотрело на этот декрет о Церкви, видя в нем умаление прав папы. Если бы была затронута еще и самая буква догмата о папской власти и непогрешимости, провозглашенного Первым Ватиканским Собором, то могло бы, может быть, теперь произойти некоторое болезненное церковное разделение. Католическая церковная власть, включая и большинство епископата, эту опасность усмотрела и решила ее избежать.

Но как бы то ни было, религиозный подъем в духе истинной соборности, который говорит из многих постановлений Собора и многих речей его членов, настолько велик и подлинен, что можно этот Собор считать одним из самых замечательных и плодотворных явлений духовной жизни нашего времени.²⁰⁸ Эта охваченность духом апостольской проповеди о спасении во Христе, обращенной к страждущему и находящемуся под угрозой гибели миру, это обращение и к неверующим, это стучание во все двери, это стремление подойти ближе к современному человеку и понять его в его надеждах и нуждах, в его исканиях истины и вместе с тем в его заблуждениях и отчаянии, и пожалеть его, вспоминая слова Учителя и Господа: "Я пришел взыскать и спасти погибшее"; это чувство солидарности в основной Святыне и в том же едином Господе и Владыке с прочими христианами - все это черты какого-то религиозного подъема, начавшегося в мире с большой силой и носящего явственные черты перво-христианского опыта, перво-христианской проповеди о спасении *всему миру*, открывшемся во Христе. Это предполагает очищение и освящение проповедующего. А это ведет к Единству во Христе.

Через постоянное свое устремление духовное к Начальнику Веры и Источнику Жизни — Господу Иисусу, Церковь Католическая, сближается и с другими христианами, живущими из того же Источника Жизни. Особенно же естественно

сближение с Православной Церковью, о которой Собор отзывается в декрете "De Oecumenismo" с величайшим сочувствием и теплотой. Там мы читаем: "На Востоке обретаются такие богатства той духовной традиции, которая особенно выражение нашла себе в монашестве. Ибо там, начиная со славных святоотеческих времен процвела та духовная жизнь монашества, которая оттуда распространилась и на Западные страны... Поэтому усиленно советуем (enixe commendatur), чтобы католики почаще обращались к сим духовным сокровищам Восточных Отцов (ad has spirituales Patrum Orientalium divitias), которые возводят человека в его целостности к созерцанию Божественного мира (quae hominem totum ad divina contemplanda evehunt)."

Далее говорится: "Всем известно, со сколь великой любовью (quanto cum amore) Восточные христиане совершают священную литургию, особенно же евхаристическое служение — этот источник жизни Церкви и залог грядущей славы (prasertim celebrationem eucharisticam, fontem vitae Ecclesiae et pignus futurae gloriae). Таким образом через совершение Евхаристии в отдельных поместных Церквах воздвигается и растет Церковь и через сослужение обнаруживается их единство". "Так как Церкви сии, хотя и разъединенные с нами, обладают истинными таинствами и, прежде всего, силой апостольской преемственности, Священством и Евхаристией, через которые они теснейшим родством объединяются с нами и донныне (quibus arctissima necessitudine adhuc nobiscum conjunguntur), то некое общение в таинствах, при благоприятных обстоятельствах и с одобрения власти церковной, не только является возможным, но даже желательным (quaedam communicatio in sacris, datis opportunis circumstantiis et approbante auctoritate ecclesiastica, non solum possibilis est, sed suadetur)." Принципиальное значение этого последнего параграфа несомненно очень велико и показательно.

Семена единства во Христе уже брошены и возрастают. Брошены они уже подвигом и мученичеством русской исповеднической Церкви под игом большевиков и пробудившимся ранне-христианским, близким к нам по духу настроением среди многих протестантских кругов Германии и вообще Центральной Европы, особенно после Второй Мировой войны. И Второй Ватиканский Собор, несмотря на все человеческие недочеты и недостатки его, в общем, глубоко назидательной и поразительной деятельности и несмотря на то, что он не смог преодолеть некоторых печальных сторон наследия Первого Ватиканского Собора 1870 года, явился перед глазами всего мира - и католического, и общехристианского, и вне-христианского, и верующего, и неверующего, - носителем неожиданных потоков духовной динамики - динамики сострадания и одухотворенного служения любви.

И это есть веяние Духа, того Духа, Который может преодолеть человеческие преграды и привести к единству всех, кто охвачен и будет еще охвачен той Вечной Жизнью, что пришла в мир и раскрылась миру.

Глава шестнадцатая

Моя аудиенция у папы Иоанна XXIII-го

Папа Иоанн XXIII был великий праведник, смиренный и охваченный порывом жертвенной любви — *служением любви*. Самые первые его выступления после избрания его конклавом: как он выбрал себе имя "Иоанн" из особой любви и почитания к апостолу любви - Иоанну Богослову, как он был добр, смирен и приветлив, и прост в обращении, как он стал ходить пешком по улицам Рима без всякой охраны, и особенно как он стал говорить о внутреннем перерождении

христиан, об их духовном росте, как необходимых предпосылках к единению — все это все больше возбуждало мое восхищение (это чувство возбуждал он, как известно, во многих и многих людях). При случае в разговоре с одним приятелем, очень видным католическим богословом, живущим в Америке, я сказал как-то: "Как я был бы рад и счастлив иметь аудиенцию у этого папы! Но конечно, это вряд ли возможно, так как я не имею никаких данных для получения такой аудиенции; я мало известный человек, занимающийся вопросами христианского мирозерцания, не имею ни сана, ни высокого положения, и притом не католик". На это мой собеседник мне ответил, что такую аудиенцию нетрудно устроить. Это было в конце марта или в апреле 1959 г. (в конце января 1959 г. папа Иоанн XXIII в первый раз выступил с торжественным заявлением о желательности единения всех христиан, а также и созыве Собора всей Католической Церкви для обновления внутренней жизни Церкви). Через месяц после нашего разговора мой приятель мне сообщил, что он получил письмо из Рима, что папа Иоанн "riceverà volentieri" ("с удовольствием примет") профессора Арсеньева. Как только выяснилось, что я смогу поехать летом в Европу, я написал в Рим о времени своего приезда - по указанному мне адресу. Ответа не последовало и лишь на третий мой запрос я получил уже в Европе (Женеве), сообщение, что окончательный ответ об аудиенции дается, по правилам Ватиканского "протокола", только по прибытии данного лица в Рим. Тотчас по приезде в Рим я позвонил прелату, ведшему переговоры, и тот сообщил мне, что он теперь сделает окончательный запрос и что через дней пять-шесть, не позже как через неделю, будет дан окончательный ответ. И действительно мне было сообщено через 6 дней, что папа Иоанн XXIII примет меня в личной аудиенции 8-го сентября 1959 г., т. е. через день, в своем загородном дворце в Кастельгандольфо. Но ведущий переговоры сообщил мне, еще, что должны прислать еще накануне вечером официальное письменное приглашение мне, которое пришлют по его адресу, а он тотчас же мне его доставит. Вечером 7-го сентября никакого письменного приглашения не пришло, что ведущий переговоры прелат подтвердил мне утром 8-го по телефону. Что делать? Приглашения нет. Но не хочу ли я отправиться на прием к старшему из коллегии кардиналов - кардиналу Тиссерану, на что я с благодарностью выразил свое согласие. Прием у кардинала был мне назначен на утро 9-го сентября, в его приемных покоях на Via della Conciliazione (около площади Св. Петра). Я изложил кардиналу, какое глубокое впечатление на многих христиан, в частности на меня, произвело заявление папы Иоанна о желательности шагов в сторону единения христиан и о желательности созыва Собора Католической Церкви. Я сказал при этом, что я никак не уполномочен говорить по этому вопросу, что я говорю только от собственного лица и что я глубоко приветствую, как и многие другие христиане (например и в протестантском мире), это выступление папы; далее, что я думаю -опять это мое личное мнение и я не получил полномочий высказывать его от какой-либо части нашей Церкви — что православные, конечно, не могут (с точки зрения общей обеим Церквам) быть членами этого Собора, но что было бы, по моему, желательным, чтобы "en marge du Concile" (я говорил с кардиналом по-французски), так сказать "на полях Собора", одновременно с Собором, но неофициально, происходили братские беседы по самым важным вопросам разделяющих в данный момент обе Церкви, между православными и католиками (также может быть между католиками и другими христианами). Такие неофициальные братские разговоры между видными представителями обеих Церквей могли бы может быть повлиять до известной степени на позицию Собора при обсуждении им этих вопросов. Кардинал был очень любезен и приветлив; я был у него около 20 минут.

Вечером я сижу в своей комнате и уже отчасти готовлюсь к близкому отъезду, как раздается стук в дверь и входит, весь одетый в черное, тот самый прелат, который вел переговоры о моей аудиенции. Он мне привез письменное приглашение на

следующий день - 10-го сентября, в 12 часов дня в Кастельгандольфо - и это приглашение я должен был взять с собой. Дело в том, что папа перед тем был болен 3 недели и никого из посторонних в это время не принимал, поэтому произошло большое накопление аудиенций, и моя аудиенция не могла поэтому состояться в назначенный день. Впрочем и теперь, в виду накопившихся аудиенций, - так сказал мне мой посетитель, моя аудиенция будет, к сожалению, очень короткой: две минуты, в лучшем случае три минуты. Завтра утром ровно в 11 часов утра заедет за мной один из ватиканских автомобилей и отвезет меня в Кастельгандольфо (это 32 км от Рима). Одетым нужно быть в темносиний костюм (с темным или серым галстуком), теперь все это упрощено отменено требование быть в визитке. На другое утро сажусь в 11 часов в большой черный-лаковый ватиканский автомобиль у ворот дома, где я жил. Он быстро везет меня через Рим и через Кампанию, мимо арк Клавдиевского акведука. Почти незаметно начинается подъем в гору и через 30 минут въезжаем во внутренний двор папского дворца Кастельгандольфо. Подымаюсь по подъемной машине два этажа. Меня встречает швейцар в черном фраке и два дежурных придворных чина в темно-пунцовых шелковых камизолах и отводят в комнату, третью от подъемной машины и приглашают сесть и ожидать. Осталось ровно 30 минут до срока приема. Я осматриваю мебель - типично итальянская дворцовая 17-18 веков. Высокие кресла с высокими и потом немного сгибающимися спинками, пол мраморный двухцветный — зеленый с белым, два мраморных стола на витых золоченных ножках. На одном — большие бронзовые часы - между двух золоченных канделябров, на другом — большое бронзовое золоченное распятие. Время медленно и сосредоточенно проходит. В 12 часов бьют часы, в разных местах, но с разнобоем, так что этот бой длится несколько минут. В 12 часов 5 минут раскрываются те же двери, через которые я вошел, и швейцар вводит группу мужчин парами; все в темно-синих костюмах — лет 40-60, но есть и юноша лет 18-19 со своим отцом. Всего их человек 12. Мне предлагают присоединиться к этим парам сзади, и мы все направляемся дальше вглубь дворца. Проходим еще комнату и, наконец, во второй от той, где я сидел, очень длинной, с возвышением у противоположной стороны, на которой стоит большое золоченное кресло, с рядом высоких кресел вдоль других стен. Мы все садимся в расстоянии 3-4 шагов друг от друга. Значит, думаю я, аудиенция будет полусовместная; не только папа будет с каждым говорить не больше 2-х минут, но все, что он мне скажет или что я ему скажу, будет слышно соседям и справа и слева. В это время входит опять дежурный придворный чин и громко вызывает: "Il professore Niccolò" ("профессор Николай").

Я иду один за ним в следующее, соседнее помещение, и опять меня сажают. Это уже — очень большая, длинная зала (в роде коридора) и мне кажется, что обстановка еще богаче. Мраморный пол уже не двухцветный, а пятицветный; (розовый-белый-черный-зеленый и, кажется голубой). Это уже шестая комната после подъемной машины. Вдруг идет по коридору ко мне навстречу высокий, худощавый, уже не молодой прелат с широким лиловым поясом, с коротко-остриженными сидящими волосами, с аскетическим и одухотворенным лицом мыслителя и подвижника, в очках, и берет меня за руку. Он ведет меня к двери напротив, открывает ее, впускает меня и закрывает ее за мной. Я вхожу один. Передо мной очень большая комната. Окна и свет с двух сторон: прямо напротив и направо (до сих пор окна были только справа; значит я дошел до конечной комнаты этого этажа). Напротив — письменный стол; за ним сидит лицом к двери папа Иоанн в своем белом одеянии. Он протягивает по направлению ко мне руку. Я подхожу, становлюсь на одно колено и целую его перстень с инициалами Христа, а он знаком приглашает меня сесть у стола в кресло. Кресло стоит не против него, спиной к двери, а с узкой боковой стороны стола, совсем близко от его кресла: "Я очень рад, что Вы пришли, Вы хорошо сделали, что пришли",

говорит он мне по-французски. — "Ваше Святейшество, позвольте Вам сказать, что на многих христиан произвело большое впечатление то, что Вы сказали об единении христиан, и я молю Бога, чтобы Он помог Вам сделать некоторые подготовительные шаги в этом направлении", так ответил я ему, приблизительно повторяя то, что я сказал кардиналу Тиссерану. — "Знаете ли Вы, из чего я исхожу?" ответил папа. "Я исхожу от Молитвы Господней — от первых трех ее прошений:

—	Да	святится	Имя	Твое
—	Да	придет	Царствие	Твое
—	Да будет воля Твоя!			

Если Его имя будет прославляться в нас и через нас, если придет к нам и будет царить в нас и руководить нами Его Царство, если Его воля будет твориться в нас и через нас - тогда мы будем все едины".

"Вы знаете, как я пришел к решению говорить о необходимости стремиться к единству христиан? В конце января этого (1959 г.) года я служил мессу в течение "Недели единства"²⁰⁹ и во время обедни пришла вдруг в голову мысль, не сказать ли мне что-нибудь об единении христиан. Но я сначала отогнал эту мысль. На другой день опять во время совершения мессы приходит она мне в голову. Тогда я обратился за советом к некоторым присутствовавшим при мне кардиналам и епископам: "Как вы думаете, хорошо ли бы было, если бы я сказал что-нибудь о желательности единения христиан?" Они мне ответили: "Конечно Святой Отец, это никак не может повредить. Может быть Святой Дух внушает Вам эту мысль!" - И тогда в соборе св. Павла в последний день моления я сказал слово перед собравшимися кардиналами и епископами на эту тему". И он продолжал: "Нам нужно следовать словам апостола Павла, который говорит в Послании к Ефесянам, что Господь хочет "освятить Церковь... чтобы представить ее Себе славною Церковью не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна" (Еф 5. 26, 27). Вот если мы станем очищаться и совершенствоваться, и если протестанты будут очищаться и совершенствоваться, и вы будете очищаться и совершенствоваться, то мы подготовим себя этим к единению. Ибо кто мы такие? Мы все - пустые сосуды. Благодать дается свыше. "И еще одно, - прибавил папа, — мир теперь, в значительной части своих обитателей, потерял веру в Бога, но мир при этом глубоко несчастен. Вот мы должны идти к миру и проповедовать ему спасение, данное во Христе. Оно одно может спасти мир от отчаяния. Вот если мы будем проповедовать, и другие христиане будут проповедовать, то мы, тем самым подготовимся к единению. "На это я позволил себе сказать: "Да, Святой Отец, я совершенно с Вами согласен. Но как проповедовать тем, кто никогда не придут слушать проповеди? Ведь среди неверующих очень много хороших и честных представителей молодежи, которые потеряли веру из-за пережитых ужасов войны и связанных с ней разрушений, потери близких, разгрома семьи и родины, ужасных и непонятных страданий. Они потеряли веру в Правду Божью. Как им проповедовать?" - "Свидетельством любви, свидетельством служения любви". После этого папа спросил меня: "Вы печатали какие-либо книги?" Я ответил: "Да, Святой Отец, и я очень хотел бы поднести Вам одну, но не посмел, так как я не знал, получу ли аудиенцию и не успел потому отдать ее переплести". — "Она у Вас с собой?" — "Да, Святой Отец". - "Дайте мне ее так, как она есть". Тогда я поднес папе Иоанну уже приготовленный мною на всякий случай экземпляр моей книги - "La sainte Moscou"²¹⁰ со сделанной уже мною надписью. "А есть здесь Ваш адрес?" - "Нет, Святой Отец". - "Так напишите вот внизу Ваш адрес". Что я и сделал. "А теперь я хочу", сказал папа, "дать Вам от себя маленький подарок". И с этими словами он открыл ящик письменного стола, и вынул маленькую кожанную коробочку с

Ватиканским гербом и протянул ее мне. В ней была бронзовая медаль папы Иоанна в профиль.

После этого я понял, что аудиенция кончилась и нужно уходить и, став на одно колено, я поцеловал его перстень.

— "Да я забыл Вас спросить, из кого состоит теперь Ваша семья!" спросил папа. Я ему сказал. - "Я буду молиться за них!"

Когда я вышел из кабинета папы, я посмотрел на часы: я пробыл у него 25 минут. Опять меня встретил в продолговатой комнате — тот же немолодой уже прелат с одухотворенным, аскетическим лицом. "Il Santo Padre è un santo" ("Святой Отец - Святой"), сказал я ему. Те же слова сказал я человеку, обслуживающему подъемную машину.

Глава семнадцатая

Религиозный кризис наших дней и роль Православной Церкви в современном мире

1

Какая роль принадлежит Православной Церкви в современном мире? Роль эта ответственна и велика, настолько велика, что даже можно сомневаться, способны ли отдельные члены - более того, весьма многие из членов - Православной Церкви эту ответственность нести. Но вопрос идет не об отдельных членах Православной Церкви - отдельных иерархах, мирянах, ученых богословах, школах, приходах, а о *всей Церкви* в ее основе, в глубочайшем ее вдохновении. Эта Церковь противостоит той субъективизации, вернее, распылению, или даже *подмене* веры, которая охватила широкие круги современного христианского мира, и в этом она является союзницей всех истинно верующих и на Западе. Православная Церковь там, где она жива, продолжает жить из неослабного созерцания великой тайны *исторического прорыва Бога в мир*: великой тайны *Воплощения*. История и - всепревосходящая Божественная Реальность, Вечная Жизнь, вошедшая в мир (1 Ин 1. 12).

Невозможное стало возможным. Мост установился между Богом и миром, и этот мост — Сын Божий. В этом "недоуменном", радостном и трепетном созерцании тайны христианское благовестие верно себе с самого начала проповеди до наших дней. И оно живо в недрах Православной Церкви, неотъемлемо от нее, составляет всю сущность ее. Это касается, конечно, не только Православной Церкви. Это составляет основную сущность христианского благовестия вообще, везде и повсюду. Но западный христианский мир в современном протестантизме, особенно в Америке, но и в Европе, все более отходит от этой сущности, этой основы Благой Вести, заменяя веру в *совершившийся факт*, встречающий нас в центре истории, исключительным ударением на субъективные мои переживания. Но мои переживания сами по себе не спасут, а то, на что устремлены и из чего они родились: исторический *прорыв Божий в мир* в лице Единородного Сына Божия.

2

"Иоанновское" трепетное созерцание тайны Воплощения, это то, чем христианство живет. Это есть центр и основа и содержание христианского

благовестия. Против этого в христианском мире нарастают две тенденции: *моральное размягчение*, боязнь подвига, боязнь победного и радостного призыва к самоотречению, и *размягчение религиозное* — отсутствие трепета, отсутствие сознания *трепетной тайны* снисхождения Божия: Бог представляется лишь пантеистическим потоком жизни, в котором мы участвуем и который проявляется через нас. Новозаветное учение о Боге-Спасителе, и о предшествовавшей этому спасению нашему *пропасти* между Богом и падшим творением, пропасти, заполненной добровольным отдаением Себя Сына Божия, отвергается, как "мифологическое", или более или менее игнорируется. В таком понимании, христианство состоит в том, чтобы служить здешнему нашему миру, не ведя его вверх к Богу "за пределы мира" (если можно так выразиться), в том, чтобы, просто помогая ему, ввести социальные улучшения. Христианская религия становится резко *посюсторонней* и *только посюсторонней*, тогда как она должна быть *устремленной на Бога и на Его снисхождение*, т. е. захватывающей и Бога, и мир, но и мир и братьев — *в Боге*. Да, идти в мир, да, проповедывать ему спасение, но прежде всего — спасение в Боге, в вочеловечении Сына Божия, а затем уже разные, вытекающие из этого, применения Правды Божией к различным условиям земной жизни, социальным и другим. Ударение перекладывается у некоторых представителей современного христианства с Бога на социальное законодательство в духе "Народного Фронта". При этом у одних ударение на демократию, у других на демократию с примесью советского (идеализированного) коммунизма. Между тем и демократия может быть "Богу послушна", и тогда она почтенна. Но она не есть Бог, а только должна *воспитаться* для того, чтобы стать служительницей Божией. С подчиненного, производного, с того, что *само по себе* слабо и убого, как все человеческое, взор должен самым решительным образом быть переведен на Того, Кто дает силу и освящение.

Эти мысли приходят в голову при слушании или чтении проповедей или книг многих современных, главным образом англиканских и протестантских проповедников, а также, напр., при чтении исходных тезисов ("drafts"), предложенных собравшемуся летом 1968 года в Упсале Мировому Экуменическому Съезду, где главный упор делается — несколько односторонне — на материальное и социальное положение наших братьев, требующих нашей помощи, а духовной их нужде уделяется меньше внимания.²¹¹

Какая формулировка была бы самой современной, т. е. написанной с точки зрения и истории и Вечности и — прежде всего — *прорыва Божия в мир*? Та, которая выражена в I послании ап. Иоанна, так сильно, как и Сам Господь в Своей прощальной беседе, подчеркивающим *Любовь к брату*. Как может "не любящий брата своего, которого видит, любить Бога, Которого не видит?" (1 Ин 4. 20). Но все это вытекает из того, что: "Он положил за нас душу Свою. Поэтому и мы должны полагать души наши за братьев" (3. 16). В этом — христианство.

Рушатся в мире основы "капиталистически-социалистического" благополучия (а коммунистического благополучия вообще пока и в помине не было). Не страшно это для тех, кто имеет Бога, Который превыше мира и может быть опорой для нас, хотя и находящихся в мире, но тем не менее не вполне тождественных с миром. Но тем, для кого Бог сливается с миром, для кого социальное благополучие мира — как для некоторых современных богословов - почти заняло место Бога? За что же им ухватиться, если это благополучие колеблется и рушится? На это они не отвечают.

Формы этой новой квази-христианской религиозности (некоторые из наиболее решительных представителей новых течений прямо говорят о "безбожной религиозности") весьма многообразны и различны. Некоторые, напр., говорят о том, что спасение — в Прогрессивной Демократии, или вообще в Человечестве, в социальном коллективе, в братском единении человечества. Получается некое своеобразное религиозное "народничество", какая-то странная религия "Человекобожества",²¹² которая может быть преддверием или приближением к некоему утопическому коммунизму.

Конечно, такие взгляды особенно сильно проявились в протестантизме и англиканстве, в католичестве они представляют — явное или затемненное — непослушание Церкви, разрыв со всей ее традицией, затемненной употреблением освященных всей религиозной практикой и религиозным опытом Церкви богословских терминов, но внутренне "опустошенных", лишенных своего смысла, своего отнесения к Высшей Божественной Реальности. И здесь мы присутствуем при великом религиозном соблазне *капитуляции перед этим нашим миром*, который провозглашается единственно существующим и занимает место Бога. Это может привести к соблазну поклонения Зверю. Это соблазн крайней безблагодатной социализации христианства, отождествление "благой проповеди" с царством сытости и "социальной правды" на земле (а эту "социальную правду" склоняются часто эти проповедники социального нео-христианства отождествить с царством насильственной регламентации всей жизни человека, — с царством коммунистического деспотизма). Этот соблазн поклонения "Золотому веку" здесь на земле, соблазн коллективного "Золотого тельца", воспринимаемого притом в агрессивно-коммунистических тонах, захватил немало молодежи (между прочим, и молодых священников) в католичестве и в англиканстве и в протестантизме. В католичестве он вместе с тем соединяется с — часто вполне сознательным — *непослушанием* по отношению к Церкви, чем невольно подчеркивается чужеродность этих стремлений. В протестантизме и англиканстве такой вопрос о послушании Церкви в общем не ставится, можно под прикрытием некоторых христианских формулировок, оставаясь членами христианских обществ, очень определенно проповедовать анти-христианство.

А иногда христианство и анти-христианство в этих учениях смешиваются, но вдохновляющий импульс исходит во многих случаях от анти-христианской установки, отрицающей, как басни, как миф, *прорыв Божий в мир* и спасение мира через снисхождение все-превосходящей, творческой, недостижимой и недомыслимой (по выражению Василия Великого) и добровольно отдающей Себя нас ради Любви Божией. Конечно, такие воззрения несовместимы с католическим учением, и потому эти тенденции гораздо более распространены в протестантском мире, чем в католическом. Самый факт появления таких настроений среди лиц (в том числе и духовных), официально с католичеством не порвавших, находится в связи с огромными духовными сдвигами, оживлением и часто даже изменениями, происходящими в католической среде после Второго Ватиканского Собора.

Этот замечательный Собор был созван как раз для обновления жизни Церкви на незыблемой основе апостольской проповеди. Много было им сделано для оживления духа соборности, для пробуждения чувства ответственности верующих. Преодолен был в значительной мере дух внешне-формалистического, схоластического подхода к вопросам духовной жизни, мешающий ее развитию. Но вместе с тем после Собора стала колебаться кое-где церковная дисциплина и раскрылись неожиданно глубины хаотического брожения, существовавшего уже раньше, но теперь получившего

большую свободу выражения. Положительные плоды деятельности Собора для жизни Католической Церкви и всего христианского мира следует расценивать очень высоко, но опасность от элементов разложения не устранена. С увеличением плодотворной динамики церковной жизни увеличилась и напряженность духовной борьбы внутри самой Католической Церкви. Изменения в католическом мире идут, таким образом, как в сторону оживления и углубления, так и в сторону ослабления веры и ее сознательной или бессознательной подмены в угоду тенденциям, ярко выступающим в современном мире.

Мне думается, что духовные силы, с такой глубиной и вдохновенностью проявившиеся на Соборе, помогут преодолеть эти соблазны. С другой стороны, проблема единения христиан на основе всей полноты и всего радикализма не преуменьшенного христианского благовестия, стала теперь особенно явственно и настойчиво перед христианским миром. (Так, напр., неоднократно об этом говорил и свидетельствовал покойный патриарх Константинопольский первый по почету епископ Православного мира — Афинагор I, старец апостольского духа и молитвенного горения).²¹³

3

Кризис веры и мирозерцания вообще сейчас в мире огромный. И ставится невольно вопрос: неужели случилось то, что рисует Достоевский во сне Версилова в "Подростке"? Отлетела от людей идея Бога. Борьба кончилась, замолкли яростные крики, стало тихо и спокойно, но... покинула людей эта великая идея, и... люди поняли вдруг, что они осиротели. Но поняли ли это современные люди, те, которые проповедуют "религию без Бога", совсем земную религию" без Того, Кто Свыше?

Итак, перед нами процесс выветривания веры в современном мире. Важно отметить, как это произошло. Всегда было и будет существовать агрессивное неверие. Христианство с самого начала всегда было "для иудеев соблазн и для эллинов безумие" (1 Кор 1. 23). В этом ничего нового нет. Отрицание Бога с точки зрения атеистического материализма или "научного рационализма" сильно распространилось уже с конца 18-го века, в течение 19-го века и мы в 20-ом веке встречаем только продолжение тех же течений. Конечно, успехи техники и научного исследования космоса достигли в 20-ом веке такой высоты, что голова закружилась. Но разве это значит, что современное научное мирозерцание теперь, более чем когда-либо, исключает религиозную веру, более, чем когда-либо, противоречит религиозному мирозерцанию? Открылись такие глубины строения физического мира, захватывающие дух, там, где глубочайшие основы материального в глазах науки расплываются в энергию, что наивный "научный" материализм 19-го века умер навсегда. Что там в глубинах? Что есть конечная основа или пред-основа мира, источник энергии, насыщающей мир? На это наука не может дать ответа. Но, как справедливо замечает Sir James Jeans в конце своей знаменитой книги "The new Background of Science", "мы можем сказать, что современная наука благоприятна идеалистическому мирозерцанию" (... we may say that present-day science is favourable to idealism).²¹⁴

Артур Эддингтон, другой великий физик 20-го века, свою книгу "Природа физического мира" заканчивает главой: "Наука и мистика". "Предпосылку для физических наук, - пишет он, — составляет некий задний фон, который находится по ту сторону наших физических изысканий. В этом заднем фоне мы должны обнаружить сначала собственную личность, а потом, может быть, и некую большую

Личность (and then perhaps a greater Personality). Идея Всемирного Мыслящего Духа, или Логоса, была бы, по-моему, вполне возможным выводом из современного состояния науки, по крайней мере, гармонировала бы с ним". Мы видим из этих примеров (а их можно было бы умножить), что, в глазах первоклассных представителей и двигателей современной науки, атеизм отнюдь не есть необходимый вывод из достижений современной науки. Картина *тайны*, а отнюдь не безбожного, пустого мира предносится глазам и Эддингтона, и Джинса.

Вспоминаются слова великого Эйнштейна, что, если кто хочет изучать физическое строение Космоса и не признает Божественной Мудрости, проникающей его, то он советует тому оставить свое изучение, ибо тот все равно ничего не поймет. Эйнштейн придерживался, конечно, пантеистических воззрений, но признавал Божественное начало, проникающее бытие мира.

Из примера этих больших ученых явствует, что нет никакой необходимости быть "запуганным" развитием науки. И тем не менее такая запуганность есть. Страшно человеку перед подавляющим огромным молчанием." Молчание этих бесконечных пространств меня пугает" — так характеризовал такие переживания еще Паскаль. Это -естественный страх и ужас человека перед кажущимися немymi и безбожными бесконечными пространствами вселенной. И нет на это другого ответа, кроме того, который всегда был и прежде: встреча с Богом. Основание, часто приводимое теперь людьми, запуганными продвижением вперед науки, - что современное научное мирозерцание несовместимо с верой в Бога в христианском (и вообще теистическом) смысле слова, таким образом отнюдь не ново и не убедительно и вызывало в свое время ответы у ряда глубочайших религиозных мыслителей прошлого (у Паскаля, Достоевского и др.). Но сомнение в традиционной вере в Бога —так говорит нам, напр., ряд "критически" настроенных богословов — вызвано в последнее время еще и специальными причинами — невероятными успехами техники, особенно в исследовании и "завоевании" космического пространства, а, с другой стороны, ужасными потрясениями, связанными с мировыми политическими событиями. "Аушвиц" - "немецкие нацистские лагеря смерти!" — так в один голос говорят проповедники нового "безрелигиозного" христианства, как, например, американцы Thomas Altizer и William Hamilton.

"Завоевание" космического пространства (конечно, пока еще очень незначительное, находящееся лишь в начальной стадии, несмотря на блестящие успехи с луной), это "завоевание" и стало очень подходящим поводом для горделивого провозглашения человеческой цивилизации без Бога и против Бога." Мы были в космическом пространстве, но Бога не нашли" - так, например, с невероятной примитивностью провозглашала советская антирелигиозная пропаганда устами некоторых своих космонавтов. Но с "завоеванием" луны картина вдруг изменилась: человек потрясен — безграничным величием вселенной и единства действующих в ней законов. Борман читает из каюты космического корабля о создании мира из книги Бытия и из Евангелия от Иоанна: "Вначале сотворил Бог небо и землю"... "Все через Него начало быть и без Него ничего не начало быть, что начало быть". Эти достижения — не только величайший вклад в науку, но и поучительным образом показывают внутреннее, основное соответствие законов, управляющих структурой космоса, с познавательными способностями человека. Ибо в основе всего, как чувствуют верующие ученые, - один Источник: *Божественный Разум*.

Третья, и главная, может быть причина столь сильно пробудившихся ныне — даже в среде "передовых" богословов нашего времени - религиозных сомнений:

ужасы страданий, торжествующей несправедливости палачей и муки убиваемых и истязаемых (не только в нацистских, но в еще гораздо большем масштабе — отчасти и *доныне* - в советских лагерях; на последнее, впрочем, американские и английские передовые богословы мало обращают внимания). Страдание есть вместе с тем вечная, испокон веков существующая и самая трудная проблема, всегда ставившаяся (ср. у Достоевского), но теперь вставшая перед нашим сознанием может быть с еще особой силой и яркостью. На нее нет теоретического адекватного ответа, кроме одного — мистического, он же исторический ответ: страдание Сына Божия, в котором дается ответ не в смысле объяснения, а в смысле *победы* - над страданием и смертью. Этим чувством и уверенностью в *победе*, уже совершившейся, в подвиге Закланного Агнца Божия, полна, напр., книга Откровения Иоанна Богослова.

Вот — три главных корня, приводимых современными протестантскими и англиканскими богословами, проповедующими "благочестивый атеизм", "христианский атеизм", как они это свое мирозерцание называют. Все три источника их неверия (или, может быть, иногда и три *повода* к нему?), все эти факторы, побуждающие их создать и провозгласить современное благочестивое мирозерцание без Бога (или — другая формулировка: "безрелигиозное христианство") уже давно — как мы видели - существуют в мире. Конечно, очень усилился фактор № 2 - головокружительные, совершенно невероятные успехи человеческой техники, которые у некоторых из этих современных писателей и мыслителей создают веру во все растущее могущество человека. К чему тогда Бог? - "Мы не видим в Нем нужды". Таков ход мыслей, напр., у Хамильтона и других столпов американского теоретического направления, назвавшего себя "Death of God theology" — "Богословием смерти Бога" (не смерти Сына Божия — добровольной и искупительной на кресте, а иной совсем "смерти Бога", будто бы уничтожающей Бога "за Его ненадобность"²¹⁵).

С точки зрения религиозной это, конечно, глубоко кощунственно, но иногда, кроме того, и ребячески наивно, соединено с каким-то дешевым, несерьезным мальчишеским оптимизмом. Хамильтон дает нам обзор важнейших фаз в истории веры; последняя фаза - обнаружение полной ненужности Бога, ибо человек и так превосходно сам справляется со своими нуждами (ибо ответом на страдания и несправедливости в мире оказывается неудержимое и быстрое шествие по пути социального прогресса), — так вот эта религиозная фаза в победе над злом и страданием и в обнаружившейся поэтому полной уже ненужности Бога нашла себе выражение (надолго ли?) в знаменитой речи президента Джонсона в Конгрессе в январе 1965 года (после блестящей победы на выборах), развивающей план "Великого Общества" (The Great Society), т. е. человечества, преодолевшего путем реформ социальных и моральных трудности сегодняшнего дня. Эти мысли высказывает профессор Хамильтон в своей статье "The New Optimism" 1966 года.²¹⁶ Думаю, что он с радостью эту свою статью уничтожил бы, ибо как раз во время президентства Джонсона по Америке прокатилась волна невероятных насилий, погромов, грабежей, зверских убийств и насильственного истребления политических деятелей, неугодных убийцам и их группам. Горделивая Вавилонская башня профессора Хамильтона обернулась позорнейшим провалом в истории Америки, ибо преступления остаются почти совершенно безнаказанными и власть запугана преступлениями (как некоторые богословы запуганы техникой). Слова профессора Хамильтона теперь звучат почти комически, несмотря на весь страшный контекст, в который они попали. Их дешевый оптимизм провалился. Это не есть доказательство "от противного" в пользу бытия Божия (*доказательство* - другое и только одно: когда Бог открывает Себя сердцу и покоряет нас), но это есть провал или начало провала того ребяческого и неумного

оптимизма, с которым некоторые современные богословы (весьма, может быть, добродушные, но весьма поверхностные, иногда и не стесняющиеся бросать насмешками в веру и святыню других)²¹⁷ подошли к великим и трудным проблемам нашего времени, впрочем, — в той или иной степени — всех времен: нужен ли Бог в "наше, столь прогрессивное" время? Самовластен ли человек и в *себе ли самом*, без всякой помощи извне, найдет он спасение? И третье - самое страшное — смысл и ужас страдания и как победить страдание? И здесь безмерный самодовольный оптимизм этих мыслителей сменяется отчаянием перед необъяснимым (они сами его не объясняют) и перед Бездной, в которую они стремятся низвергнуть идею Бога.

Во всем этом, конечно, много искреннего (это видно, напр., из отдельных частей эмоциональной книги епископа Робинсона, полной невероятных внутренних противоречий, неясности, спутанности и волнения). Эти люди, или некоторые и, вероятно, многие из них, — искренни и серьезны и полны желания помочь ближнему, освобождая его несколько примитивным и скороспелым образом от его святыни, но есть среди них, вероятно, и рекламисты, любящие громко кричать и декламировать, любящие сенсацию. Но их внутренний мир от нас сокрыт — откажемся от всяких догадок. Одно ясно: это люди не только слабой веры, но некоторые из них, — вероятно, не отдавая себе отчета, — впали в идолопоклонство. Вера у них есть, но не в Бога Живого, а в Современность и Современного Человека, в мнимый наступающий уже теперь Золотой Век (который есть варьянт Золотого Тельца, но справедливо разделенного между всеми претендентами). Это очень наивный "атеизм" (они же называют себя "атеистическими" или "безбожными" христианами, ибо отвергают Трансцендентного Бога). Они совсем не атеисты, может быть, а скорее язычники, поклоняющиеся Процессу Эволюции, Миру в его становлении (тогда они пантеисты), но часто главная эмоция, главное ударение кладется на становление человеческого общества. Тогда это - обожествление коллектива, религия Социального Прогресса, утопическая религия коммунизма. Встает перед глазами не Богочеловек (лишенный в этих теориях подлинной Божественности), а все снова и снова страшный призрак Человекобога (о котором с ужасом говорили и Достоевский, и Владимир Соловьев), веяние *инога*, страшного духа. В общем же в этих богословско-философских построениях поражает *убожество мысли*, при силе пафоса, но тем более, может быть, сильно действует соблазн.

С этими абберациями сбившегося с толку и *потерявшего силу веры* модного богословия борются честно, мужественно и не столько криками возмущения, сколько внимательным и добросовестным разбором и определенностью суждения многие верующие представители католической, англиканской, протестантской мысли. И здесь как раз Православная Церковь может оказать великую помощь, так как она сама проходит через неослабную борьбу за свою веру в Советском Союзе.

4

Ибо *есть* ответ на все эти, часто очень серьезные, болезненные и искренно и глубоко пережитые сомнения, тревоги, недоумения, колебания веры. Этот ответ не наш, его не могут дать наши знание, убеждения, опыт, переживания и т. д. Этот ответ только один: это — *Он Сам*. Он сам — единственный достаточно удовлетворяющий и успокаивающий душу ответ на все эти сомнения. Большая ошибка этих старающихся применить к современности (старающихся часто из истинного человеколюбия) богословов: сомнения, невозможность веровать не теперь возникли — они всегда были. Христианское благовестие, проповедь о Кресте с самого своего начала была, по словам апостола Павла, соблазном для одних, безумием для других, и в то же время

открывалась верующим, как "Божья сила и Божья премудрость". Не в изменившихся взглядах на физическое строение мира, на космологию дело. Христианское благовестие *всегда* было так же неприемлемо, соблазн и безумие слышались в провозглашении *иной* действительности, не разделенной непроницаемо от окружающей нас космической данности, но в которой эта космическая данность покоится и из которой она живет и в которой она преобразуется. Ибо "в Нем мы живем и движемся и существуем". И раскрывается эта Высшая Действительность в непонятном, необъяснимом, невероятном и вместе с тем живительном и истинном *снисхождении* и смирении Бога, в Его снисхождении и победе любви. Это было не менее невероятно (но с другой точки зрения) во времена апостола Иоанна, чем теперь.

Нет другого доказательства этой Вечной Жизни, как сама эта Вечная Жизнь. Нет другой проповеди, сообщения о Ней, как свидетельство о Ней, как свидетельство тех, кто захвачены ею. И эти свидетельства изобилуют. И их особенно много было и есть в гонимой и подавленной, а часто и изменнически предаваемой Русской страждущей Церкви. И проповедь ее звучит *победой*, она живет из созерцания победы Господа, прорыва Воплощенного Сына Божия в нашу действительность и нашу жизнь. Здесь гонимая Православная Церковь живет из своих истоков, из глубочайших основ своей веры, своего религиозного опыта. Но это есть вместе с тем общий фон, общая основа всего христианства.

Возгревание этого духа, который живет и в католичестве и в верующих частях протестанства (верующих в иоанновском смысле: "Имеющий Сына Божия, имеет жизнь"), возгревание этого духа, которым и она живет, есть та великая поддержка, которую верная своему свидетельству и своему исповедничеству Православная Церковь может принести своим братьям — христианам Запада.

5

То, что говорится здесь о гонениях, выпавших на долю Православной Поместной Церкви в Советской России и продолжающихся до сего дня, распространяется, разумеется, и на те гонения, которым подвергались и подвергаются и которые так мужественно переносят, нередко умирая под их тяжестью — и верующие католики, и верующие протестанты (будь то лютеране или члены "свободных" христианских общин, напр., баптисты) в Восточной Европе. Но Русская Поместная Церковь в Советской России, т. е. главное по количеству, доминирующее вероисповедание русского народа, в самой массе своей (как и в основной структуре своей) полураздавлена. Уже количественно -жертвы принесенные ею трудно перечислить. Они достигают многих миллионов людей, и это было связано — и продолжает быть - с особыми утонченными (или просто зверски-грубыми приемами, с массовым истреблением людей (напр., в лагерях) и надругательством над человеческой личностью, с грандиозными попытками массового искоренения веры. Свидетелей и свидетельств — безконечное количество, они живы здесь, среди нас. Неопровержимые документы (многие на основании советских данных) стали публиковаться уже начиная с 20-ых годов. Количество их возросло и возрастает с каждым годом, т. к. гонения на веру в Советской России продолжаются, меняясь только в форме своего проявления. Массовые лагеря, психиатрические больницы, куда сажают здоровых людей, тюрьмы, разрушение церквей, уничтожение памятников церковного искусства, подавление религиозной проповеди, запрет ввоза и распространения религиозной литературы, насильственное внедрение атеистических идей в души детей и школьной молодежи и дух надругательства над тем, что для верующих всего святее — вот черты, господствующие и поныне в отношениях

органов власти к Церкви. А сколько мучеников, жизнью своей заплативших за свою веру. Зверские расправы с личностью и жизнью верующих продолжаются и теперь. Но, главное - возрастающая, *систематичность* нажима власти на религиозную веру народа, с попранием всех основ свободы совести, который продолжается с неистощимой и непрерывающейся настойчивостью, прикрываясь ложью и лицемерием, а часто — и вполне открыто. Вопрос идет об ударе, направленном на всякую религиозную веру (большим гонениям последнее время подвергались, напр., религиозно очень активные баптистские общины), но главный удар был и продолжает быть направлен на Православную Русскую Церковь, как на главное средоточие религиозной жизни русского народа. Повесть о страданиях верующих, о притеснениях их свободного выявления своей веры, есть одна из самых ярких и значительных, незаглушимых хроник современности. Голоса эти и сведения эти, доходящие из Советской России, в многочисленных книгах, очерках и статьях печатаются в свободном мире, подвергаются критическому изучению и исследованию, систематическому историческому изложению, насколько это возможно. Реакция на это в свободном мире была — можно сказать - сравнительно не очень сильная. Но интерес, по-видимому, возрастает, судя по ряду ценнейших обзоров, напечатанных за последнее время (особенно в Англии и Западной Германии).²¹⁸

Нам следует остановиться здесь на следующем: Некоторые черты выступают в этих данных, в этих картинах гонений, тюремного и лагерного заключения и насильственного истребления (или ускорения смерти исповедников стараниями органов советской власти) с особой значительностью и силой.

Это — чувство *единства христиан*, приобретаемое муками и гонениями — даже смертью — переносимыми за Того же Владыку и Господа.

Во вторых - волны *религиозного подъема*, расходящиеся из этих тюрем не только среди различных кругов русского народа, но и за пределами Советского Союза.

"За Тебя умерщвляют нас каждый день, считают нас за овец, отданных на заклание. Но все это мы преодолеваем силою Возлюбившего нас" (Рим 8. 36-37). (Впрочем, дай Бог, чтобы эти испытания скорее прекратились!).

Единство христиан вырастает из этого усиленного, *общего* нашего участия в великой реальности Его страданий и воскресения. Это есть поток иной жизни, вошедшей в мир. Он влияет и на историю мира.

Примечания

¹ В английской богословской литературе принято называть "*anglo-catholic*" католицизирующее направление в Англиканской Церкви (в нем можно различать целый ряд оттенков).

² Статья эта первоначально написана в 1932 г. и вышла в журнале "Путь", сентябрь 1932 г. . стр. 69-82.

³ Я старался внимательно следить за главными фазами деятельности Собора, насколько это было мне возможно, но присутствовал я - в качестве "наблюдателя" или вернее

"гост"-только в течение первых недель 4-ой сессии (т. е. осенью 1965 г.). Статья эта в более краткой форме напечатана в феврале 1966 г. в журнале "Возрождение".

¹ Недаром в эти последние годы с такой настойчивостью опять раздавался в наших душах голос Достоевского (1971 г. был год его 150-летнего юбилея!) с неирриковенной силой зовущего нас к образу страдающего Богочеловека, как центру истории мира. И в этом также - вклад Православного Востока в живой поток общей духовной жизни наших дней. (Смотри мою книжку: "Достоевский. Четыре очерка". Брюссель, Издат. "Жизнь с Богом", 1972.).

² См., напр., замечательную книгу французского католического священника Н. PERRIN, *Journal d'un prêtre catholique, ouvrier en Allemagne*, Paris, Seuil, 1945; или немецкую книгу (о милосердии, оказанном побежденным врагам) *Dokument der Menschlichkeit* hrsgb. vom Göttinger Arbeitskreis, Holzner Verlag Kitzingen-Main, 1950; или книгу о подъеме духовной жизни во Франции после Второй войны *France Alive* by Claire Michel Bishop New York 1947.

³ См. статью "Душа Православия" в моей книге "О Жизни преизбыточествующей", Брюссель, 1966.

⁴ Примеры см. там же.

⁵ О периоде сразу после Первой войны и вообще о религиозном возрождении во Франции в первой четверти 20-го века см., напр., превосходную книгу Боннского профессора HERMANN'a PLATZ'a.

⁶ А в это время как раз - в эти последние годы - в различных ветвях Зарубежной Русской Церкви все больше намечается тенденция к отходу от идеи соборности в жизни Церкви.

⁷ Об этом см. ниже мою статью о Втором Ватиканском соборе.

⁸ См. об этом мою книгу *Der Urchristliche Realismus und die Gegenwart*, (I и II - Kassel, 1934-1935). В английском переводе - *We beheld His Glory* - она вышла в 1936 году.

⁹ "Господи, я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой... но скажи только слово и выздоровеет душа моя" (ср. Мф. 8. 8; Лк. 7. 6, 7).

¹⁰ Есть замечательный латинский гимн, принадлежащий перу ФИЛИППА ДЕ ГРЕВ, известного богослова и Канцлера Парижской Церкви (ум. 1236), где душа, ищущая Христа, представлена в образе Марии Магдалины, вышедшей рано по утру ко гробу, но не нашедшей во гробе тела Иисуса. Но зато предстал пред нею сам живой, воскресший Иисус. Правда, Он не сразу ей открылся, и она сначала приняла Его за садовника, и собственно она не ошиблась: ибо Он сеет то семя, которое падает в душу..." Она у Иисуса спрашивает про Иисуса, жалуется, что Его унесли прочь; она сама носит Его внутри души, Он здесь, и она Его ищет... О Мария, брось стенания, уже другого не ищи! Сей есть поистине Садовник и Возделыватель душ; внутри твоего духовного сада ищи Насадителя духа".

*Aestimavit hortolanum
Et hoc sane credidit:*

*Seminabat enim granum
Quoci in meniem cecidit...*

*Nam a Jesu Jesum quaerit,
Sublatum conquaeritur;
Jesum intus mentis querit,
Jesus praesens quaeritur
Mentem colit, meniem serif
Jesus, nec percipitur...*

... ..

*O Maria, noli flere,
Jam non quaere alterum.
Horto lanus hie est vere
Et colonus mentiurn.
Intra mentis hortum quaeris
Mentis operarium.*

(*Analecta hymnica medii aevi, vol. I, 1907, p. 533. Ср. мою юношескую работу "Мистицизм и лирика" - Журнал Министерства Народного Просвещения, СПб 1917 г. и отдельной брошюрой, стр. 48-51).*

¹¹ Ср. у ОРИГЕНА: "Воистину до Иисуса Писание было водой; благодаря Иисусу оно сделалось для нас вином... когда Иисус претворил его" (Комментарий к Ев. от Ин. MIGNE 14, 577; ср. Origenes Geist und Feuer. Ein Aufbau aus seinen Schriften von HANS URS VON BALTHASAR, 2-te Aufl., Salzburg, S. 155).

¹² *Jesus B* статье *Religion in Geschichte und Gegenwart*, 2-te Aufl. 1929.

¹³ Не "It is finished" по-английски (как, напр., в американской Revised Standard Version), а "It is consummated", "es ist vollbracht" по-немецки.

¹⁴ La sete natural che mai non sazia. Se non con l'acqua, onde la feminetta Samaritana dimandò la grazia... (Dante, *Purgatorio XXI* 1-3). - "Естественная жажда души, которая не может быть утолена ничем, кроме как той водой, о которой, как о даре милосердия, просила самарянка".

¹⁵ W. EICHRÖDT в своей знаменитой книге *Theologie des Alien Testaments* в главе *Der Kabod* (die Herrlichkeit Gottes), (том 2-3, стр. 11-15, 4-е изд. 1961, Штуттгарт-Геттинген), так определяет главное позднейшее значение этого ветхозаветного представления: как "недоступное очам людей сияние славы Божией" - "die für Menschenaugen unzugängliche Gottesherrlichkeit", "eine Erscheinungsform des überweltlicher Herrlichkeit" (сверхмирное сияние славы). Элемент трансцендентно-недосягаемого и сверхмирного очень сильно ощущается при этом.

¹⁶ Из литургии Василия Великого в Великую Субботу и древне-иерусалимской литургии апостола Иакова.

¹⁷ Из литургии преждеосвященных Даров.

¹⁸ Ср., напр., 1 Кор. 11-послания, написанного Павлом около 55 г., при чем он не новое что-то сообщает, а полученное от Господа, что и "передал вам" (11. 2).

¹⁹ См. мою статью *The Devotional Meaning of the Eucharist: the Coming and the Presence of the Lord* в сборнике *The Ministry and the Sacrament*, London, 1937, S. P. C. K. p. 80-94.

²⁰ F. E. BRIGHTMAN: *Liturgiarum Orientalium*, Collectio 1847, I, 45.

²¹ Потом следует уже приведенная выше "анамнеза" (воспоминание страданий и воскресения) и призывание Св. Духа на Дары и молитва за всех людей и за все творение.

²² TOMASO DE CELANO: *Vita II*, cap. 71." Ab illa itaque hora, ita vulneratum et liquefactum est cor ejus ad memoriam Dominicae passionis, quod semper dum vixit, stigmata Domini Jesu in corde sua portavit", говорит *Legenda trium Sociorum*, cap. V, (La Leggenda di S. Francesco scritta da tre Suoi Compagni... Roma, 1899, p. 30). Vfr. Celano, Legg. sec., c. 11. Далее, напр., Celano, Legg. prima, P. II, c. 2, 3, 8, 9; Legg. sec. c. 52, 90, 151; Speculum perfectionis, c. 91, 92, 93 etc.

²³ MIGNE: *Patrologia Graeca*, t. 87, c. 64

²⁴ Так, напр., две замечательные брошюры кн. Е. Н. Трубецкого о религиозном значении древне-русской иконописи были уже в 1926 году изданы на немецком языке в католическом издательстве F. Schönig'a, в Падерборне. Это - лишь один пример из чрезвычайно многочисленных. Другой пример - книга Игоря Смолича о старчестве и старцах вышла (также по-немецки) в издательстве Hagner, в Вене, в 1933 году. Или, напр., замечательная книга аббата А. GRATIEUX о Хомякове, 1939 г. (A. S. *Khomiakov et le Mouvement Slavophile*), или книги отца Иоанна Кологривова "Очерки по истории русской святости" (на французском, итальянском и русском языках) и Г. П. Федотова о русских святых, или целый ряд очень ценных изданий, посвященных иконе.

²⁵ Actus Beati Francisci et sociorum eius, edit. P. Sabatier, 1902, p. 35: "Quid es tu, dulcissime Deus raeus, et quid sum ego, vermiculus et parvus servus tuus?"

²⁶ *Speculum pertectionis*, c. 37.

²⁷ Первая биография Франциска была написана в 1228 году, т. е. через 2 года после его смерти.

²⁸ CELANO, *Vita I*, Pars II, c. 1.

²⁹ Ibid. Pars II, c. 1.

³⁰ *Speculum periectionis*, c. 118.

³¹ CELANO, *Vita prima*, Pars I, c. 29.

³² *Speculum perfectionis*, c. 116.

³³ Ibid., c. 118.

³⁴ Эти 1 стр. представляют цитату из моей книги "Преображение мира и жизни", 1959, Нью Йорк, стр. 180-182.

³⁵ CELANO, *Vita II*, c. 148; (вторая биография Челано написана в 1246-7 годах, на основании ценнейшего "Сказания трех спутников" (*Legenda dei tre compagni*)).

³⁶ G. TERSTEEGEN: *Auserlesene Lebensbeschreibungen heiliger Seelen*, 3-te Aufl., 1784-86, Bd. I, S. III. Цитата у WALTER NIGG, *Grosse Heilige*, Artemis Verlag, Zurich, 1947, S. 401.

³⁷ Terersteeqen's *Gesamme lte Schriften*. Bd. VIII, S. 202; ср. W. NIGGE, S. 437.

³⁸ См. " Полное жизнеописание иеромонаха Макария", изд. Оптинской пустыни; ср. " Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18-го и 19-го веков", Москва, 1909, стр. 132 и 116.

³⁹ "Записки Чеботарева" были напечатаны как Приложение к тому IV-му "Творений св. Тихона Задонского", Москва, 1809.

⁴⁰ Чрезвычайно интересна и ценна, напр., книга WALTER'a NIGG'a: *Grosse Heilige*, Zurich-Stuttgart, Artemis Verlag, 1947.

⁴¹ Ср., напр., очень любимый в Англиканской Церкви гимн: *For all Thy saints Who from their labour rest*.

⁴² *Epistola ad Capitulum generate*, 2 - Boehme *Analecta zui Geschichte des Franziscus von Assisi*, 1904, 59.

⁴³ Ср. русские демонологические повести 17-го века, особенно повесть о Соломонии. (См. Н. Н. ГУДЗИ: "История древней русской литературы", 1966, стр. 421-492. А. РОЗАНОВСКИЙ: "Демонология в древней русской литературе", Москва, 1915; далее, некоторые старообрядческие трактаты начала 18-го века.

⁴⁴ См., напр., в общем замечательную и богатую материалом книгу EUCKEN'a *Die Weltanschauung des Mittelalters*.

⁴⁵ Помню мальчиком и юношей Страстные службы в московских церквях, напр., в ночь с Великой Пятницы на Великую Субботу службу "погребения" Христова к 2 часам ночи, как все городские церкви и соборы в Москве (около 600 храмов) переполнены молящимися. Все стоят с зажженными свечами в молчании. И начинается чтение поочередно по одному стиху чудного "погребального" 118-го псалма и из стихир, посвященных созерцанию тайны погребения Сына Божия: тайны "погребения" Жизни, которая является вместе с тем в лучах Воскресения, победа Жизни." Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем". - "Жизнь во гробе положился еси, Христе, и ангельские воинства ужасався, снисхождение славяще Твое".

Какая молитва! Какая расстроганность! Люди с трепетом и умиленным сердцем созерцают самоотдание Сына Божия для спасения нашего. Тут и совсем простые люди - бабы, мужики, мещанские чуйки -и представители культурных классов, отар и мал, всех сословий и званий. Но особенно много простого народа. И это говорит их сердцу; и у многих слезы на глазах (как подмечено это, напр., в чудном рассказе Чехова "Архиерей"). И такая же, может быть, - нет, еще гораздо большая - расстроганность и умиленность и интенсивность созерцания и плача молящегося народа перед Богом на церковных службах в Советской России (как многократно передавали и передают многие внимательно наблюдающие русскую жизнь и разбирающиеся в ней иностранцы). Но теперь в Советском Союзе элемент образованных, "культурных" людей в этой молящейся толпе, может быть, больший, чем был. Ибо перед смиренным снисхождением и страданиями Сына Божия смиряется человек: и ученый и неученый равны перед Богом и Его

снисхождением. И то же было и в Средние Века на Западе (дифференциация их культуры и образования была при этом меньшая, чем в позднейшие времена).

⁴⁶ Regula S. Benedict, 19.

⁴⁷ *Leben heiliger alemannischer Frauen des Mittelalters*, V. Die Nonnen von St. Katharinenthal bei Diessenhofen, hsg. von A. Birlinger ("Alemannia" XV, 1887, S. 159; Schwester Aheid von Oftingen); cfr. *Leben der Schviestern zu Toss von E. Stoqel*, ed. F. Vetter (*Deutsche Tmaine des Mittelalters*, Bd. VI, p. 21).

⁴⁸ *Les miracles de la Sainte Vierge* par GAUTIER DE COINCY, ed. Abbe Poquet, 4-me éd., Paris, 1867, p. 434. *Le miracle du rich homme et de la povre vieillette* 1 éd. 1857. Написано в годы: 1218-1222. (cf. GUSTAVE COHEN, *La Sainte Vierge dans la littérature Française du Moyen Age* (t. II du recueil Maria, éd. par le prof. D'Hubert de Manoir, Paris, 1952).

⁴⁹ При этом часто высокого художественного совершенства и религиозного вдохновения, а иногда странные и не очень высокого вкуса - см., напр., каталог замечательной выставки евхаристического искусства, имевшей место в Мюнхене в конце 1960 года. Eucharistia, Deutsche Eucharistische Künst. Offizielle Ausstellung zum Eucharistischen Weltkongress, München, 1960.

⁵⁰ BOHMER *Analecten zur Geschichte des Franziscus von Assisi*, 1904, S. 59. Итальянский текст (по-видимому первоначальный) гласит: "Ecco, ogni giorno egli se umilia come quando "dal trono regale" discese nell utero della Vergina, ogni giorno egli viene a nor in umile sembianze; ogni giorno discende dal Seno del Sommo Padre sull'altare tra le mani del Sacerdote". (*Tutti i scritti di San Francesco* - Piccola Bibliotheca, vol. 20-21, 1951, p. 96).

⁵¹ См. ряд статей в уже цитированном сборнике Maria, том II, 1952.

⁵² *Du Sacristain que Nostre Dame visita*: p. 331.

"La Mere Dieu qui bien savoit
Le grant desierrier qu'il avoit
De revirer sa clier face,
Par sa doucer et par sa grace,
A cele foiz bien l'en souvient
Et sa biauté, monstret li vint" (p. 335).

⁵³ *Comment Nostre-Dame quari un clerc de son let qui trop grievement estoit malade* (p. 339).

⁵⁴ *Du moine que Nostre-Dame deffendi du déable qui le vculoit tuer en le dequise de lion* (p. 325).

⁵⁵ *Des cinc roses qui furent trouvées en bouche au moine apres sa mart* (p. 381).

⁵⁶ См. мою книгу "Преображение мира и жизни", Нью-Йорк, 1959, стр. 24-26.

⁵⁷ *L' Hymne Acathiste en l'honneur de la Mere de Dieu* - Tmaine grec, traduction par G. G. MEERISMAN O. P., Editions Universitaires Fribourg (Suisse), 1958, pp. 19-20.

⁵⁸ "L'Acathiste est la plus belle, la plus profonde et la plus ancienne hymne mariale de toute la littérature chrétienne" - 1. c., p. 20.

⁵⁹ "Собрание сочинений Т. С. Сковороды" под ред. В. Бонч-Бруевича, том I, СПб., 1912, стр. 358.

⁶⁰ "Радуйся, Дева, не имеющая равных! Радуйся, Мать нашего Спасителя! Которую мы зовем Звездой надморскою, нашей надежной путеводной Звездой. Корень святой, Корень живой, Цветок, Лоза и Маслина, бессеменно Зачавшая! Свет Солнца, Сияние Небес, что сиянием превосходить солнце, ходатайствуй за нас перед Сыном Твоим, да не осудит пас, на суде Своем!"

⁶¹ Христос открывается в облике прокаженного Франциску Ассизскому (CELANO: *Vita secunda*, с. 51 или, напр., благочестивому графу Тибо Шампанскому (CAESARIUS HEISTERBACENSIS, *Dialoïus miraculorum*).

⁶² *Vita mirabile e dottrina Santa della B. Catarina da Genova*, Fiesca Adorna. Genova, 1681, с. 2.

⁶³ HEINRICH SEUSE, *Büchiein der Ewigén Weisheit*, с. 3.

⁶⁴ Главы X-XI цитирую по изданию: Revelation of Divine Love edited by GRACE WARRACK, 1-ое изд. 1901 г., 13-ое изд. 1950 г. Об Юлиании см. мою статью "Откровение Божественной Любви Юлиане из Норича" в *моей* книге "О Жизни Преизбыточествующей", Брюссель, 1966 г.

⁶⁵ См. об этом, напр., TAYLOR: *The Mediaeval Mind*, 1914, vol. I, p. 362; КАРСАВИН: "Культура средних веков", 1918, стр. 167.

⁶⁶ Ср., напр., *Vita Romualdi*, с. 31, (MIGNE, *Patrol lat.*, t. 144, col. 983).

⁶⁷ SALVIANI MASSILIENSIS PRESBYTERI: *De quubernatione Dei*, lib. VI, с. 11 (MIGNE, *Pairol. lat.*, t. 53, col. 120); *ibid.*, lib. II, с. (col. 50-51) et passim.

⁶⁸ *Exordium magnum ordinis Cisterciensis*, (памятник конца 12 века) - Dist. IV, cap. 8, (MIGNE, *Patrol. lat.*, t. 185, col. 1103).

⁶⁹ Ср., напр., FR. THOMAS DA CELANO: *Legenda secunda beati Francisci*, с. 124, (Roma, 1906, recensuit P. Eduardus Alenconiensis, p. 293) et passim.

⁷⁰ "La cata resplendent de Ghesu Christ qui resplandis e ri ins la beutat de las creaturas" - *Scala divini amoris* (провансальский трактат 14 века), hrsg. von De La Motte, 1902.

⁷¹ Мф. 25. 35 сл. Ср. . уже ранее неканоническое слово, приписывавшееся Христу: "Ты видел твоего брата, так ты видел твоего Бога" (у ROPES: *Die Sprüche Jesu. Tmaine und Untersuchungen zur Gesch. d. altchristlichen Literatur*, XIV. 2. 1896, № 40).

⁷² Ср. слова Франциска Ассизского к ученикам, приведенные у Фомы Челанского (во втором сказании, с. 52.) и у Бонавентуры (*Legenda Set. Fransisci*, с. 8).

⁷³ Ср., напр., JACOPUS DE VORAGINE: *Legenda aurea*, cap. 100, (ed. Th. Graesse, 1850, p. 432).

⁷⁴ *Exordium magnum ordinis Cisterciensis. Dist. IV, cap. 1*, (MIGNE, t. 185, col. 1095).

⁷⁵ "...inter omnia infelicia monstra mundi Franciscus naturaliter leprosos abhorrens" - читаем, напр., об юношеских годах Франциска во "Второй Легенде" ФОМЫ ЧЕЛАНСКОГО (гл. 5).

⁷⁶ THOMAS DA CELANO: *Legenda secunda*, cap. 5; BONAVENTURA, *Legenda Sct. Fransisci*, cap. 1.

⁷⁷ "... Senti si gran fragranza di soavissimo odore, che tutte le spezie delle cose odorifere parevano ivi ragunate" - FEO BELCARI, *Vita del beato Giovanni Colombino da Sienna*, (памятник 15 века), гл. 5, стр. 28 (в серии *Scrittori nostri*, № 43, Lanciano, 1914).

⁷⁸ CAESARIUS HEISTERBACENSIS: *Dialogus miraculorum*, Dist. VIII, cap. 31. Можно бы привести еще из агиографической литературы, как христианского Запада, так и христианского Востока, бесчисленное количество примеров этих видений Христа в образе бедного, больного или странника. Укажу лишь хотя бы на сходные рассказы в ряде хроник южно-германских женских монастырей позднейшего Средневековья (см. P. H. WILMS: *Das Beten der Mystikerinnen dargestellt nach den Chroniken der Dominikanerinnen-Klöster...*, 1916, p. 139); далее, напр., в житии провансальской святой 13 века *Ste Douceline* (*La Vie de Ste Douceline*, - publiée par L'ABBE ALBANES, 1879, pp. 7-9; 66-68) и т. д. Из житий подобные рассказы перешли в фольклор: так, в русском фольклоре они весьма многочисленны.

⁷⁹ CAESARIUS HEISTERBACENSIS, Dist. VIII, c. 10.

⁸⁰ *Exordium magnum*, Dist. IV, c. 5, (Herberti, *De miraculis*, lib. 1, cap. 23, - MIGNE, t. 185, col. 1200.

⁸¹ *Ibid.*, c. 11.

⁸² CAESARIUS HEISTERBACENSIS, Dist. VIII, c. 20.

⁸³ *Ibid.*, c. 17.

⁸⁴ *Exordium magnum*, Dist. III, c. 16.

⁸⁵ *Ibid.*, Dist. IV, c. 1. Ср. выше стр. 13.

⁸⁶ Это, по-видимому, излюбленный мотив многих видений. Ср. рассказ из *Exordium magnum*, (dist. III, c. 16), цитированный выше, и там же кн. III, гл. 9 и 10.

⁸⁷ С этим западными средневековыми созерцаниями и описаниями мук Христовых можно сопоставить и сходные произведения Восточной Церкви. В частности, Русская Церковь имеет, напр., в "Благодарственном страстей Христовых воспоминании" СВ. ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО, произведение необычайной пластичности и яркости и, вместе с тем, и большой религиозной силы (помещено в 1-ом томе киевского издания "Сочинений св. Димитрия Ростовского", 1895 г., стр. 226).

⁸⁸ Первый известный нам "Плач Богородицы" содержится в одной из греческих редакций новозаветного апокрифа "Деяния Пилата" (*Acta Pilati*, 1, 3), написанного не позднее начала 5 века, с. XI, 5, TISCHENDORF, *Evangelia apocrypha*, erste Ausgabe 1853; zweite Ausg. 1876, p. 287. Cft. S. WECHSLER: *Die romanischen Marienfdagen*, p. 8.

⁸⁹ *Briqittae Revelationes*, lib. 1, cap. 10.

⁹⁰ *Meditationes vitae Christi*, c. 78.

⁹¹ *Ibid.*, c. 81.

⁹² *Liber de passione Christi et doloibus et planctibus Matris ejus*, (приписывалось Бернарду Клервоскому - MIGNE, t. 182, col. 1139). Ярко изображает нам плач Богородицы и великий германский мистик SEUSE. (См. изд. DIEDERICH's, torn II, стр. 65 сл., 205 сл., 107, 109).

⁹³ См. об этом E. MALE: *L'Art reliquieux de la fin du Moyen Age en France*, 1908, ch. I et II.

⁹⁴ Греческий текст у MIGNE, *Parrologia*, Series graeca, t. 105, col. 1372-74.

⁹⁵ см. DR. ANT. SCHONBACH: *Uber die Marienidaen*, 1874, p. 3-4.

⁹⁶ *Il laudario dei battuti di Modena* (Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie, Heft 20, 1909 - гимны 37, 38; ср. еще гимны 36 и 41). Обзор ряда других итал. гимнов, посвященных "плачу" Богородицы, дан у WECHSSLER, 1. с., стр. 30 сл. У него же обзор и других романских и латинских средневековых плачей Богородицы. Ср. также W. MUSSHACKE, *Altprovenzalische Marienklage d. 13. Jahrhunderts*, Romanische Bibliothek № 3, Halle, 1890. Об итальянских средневековых гимнах в связи с религиозными движениями 13 века см., напр., D'ANCONA, 1. с. 1, 106; THODE: *Franz von Assisi und die Anfänge der Kultur d. Renaissance in Italien*, 1885, p. 37; GASPARY: *Gesch. d. ital. Literatm*, I, 141; О флагеллантах см., напр., Л. П. КАРСАВИН: "Очерки", 1912.

⁹⁷ "... audituri passionem Christi, induti vestibibus disciplinae in qua ecclesia lacrimosas laudes et cantus dolorosos et amara lamenta Virginis Matris viduae proprio orbate filio cum reverentia populo representent magis ad lacrimas attendentes quam ad verba. Peractis vero laudibus revertant ad locum suum." (WECHSSLER, 1. с., pp. 32-33). - (Cfr. D'ANCONA, 1. с., p. 164).

⁹⁸ *Analecta hymnica medii aevi*, t. X, p. 79. (DREVES-BLUME: *Ein Jahrtausend lateinischer Hymnendichtung*, 1909, II, p. 249).

⁹⁹ См. об этом *Analecta Hymnica VIII*, 55 (DREVES-BLUME II, 248).

¹⁰⁰ *Anal. Hymn. II*, 139, (DREVES-BLUME, II, 65).

¹⁰¹ *Anal. Hymn. XV*, 37, (DREVES-BLUME, II, 72-73)

¹⁰² BONAVENTURA: *Laudismus Sanctae Crucis* - *Anal. Hymn.*, L, 571.

¹⁰³ "In hoc ligno tamque reus/ Pendet verus homo-deus, / Caducis nutans genibus." - Стихотворение это принадлежит Арнульфу Лёвенскому, бывшему аббатом одного из Брабантских монастырей (ум. в 1250 г.) и имело огромное распространение. См. DREVES-BLUME, 1, 323 сл. Об этих лирических обращениях к изъязвленным частям тела Христова ср. REMY DE GOURMONT, 1, с. 235. Ср. знаменитый гимн Протестантской Церкви: *O Haupt voll Blut und Wunden*.

¹⁰⁴ *Vitis mystica, seu tractatus de passione Domini*, (приписывалось - неверно - Бернарду Клервоскому; MIGNE, t. 184, col. 643.

¹⁰⁵ *Minnebüchlein*. (Этот трактат иногда приписывается Seuse - см. творения SEUSE, в изд. Dieterichs'a, II том).

¹⁰⁶ Книга Чисел, 13; 24; Исайя 63. 2-3. Ср. толкование Иеронима на 63 гл. Исайи. Приведено у MALE, *L'Art reliqieux...*, p. 111.

¹⁰⁷ ОТКРОВЕНИЕ БЛАЖ. АНДЖЕЛЫ (русск. перев. проф. Л. Карсавина, Библиотека мистиков, 1918), VI, № 192, стр. 142. См. еще гл. IX, № 127, стр. 163-4 и гл. I, № 28, стр. 75-6.

¹⁰⁸ Ряд примеров и изображений у MALE, 1. с., pp. 103-117.

¹⁰⁹ "Floret in vite nostra, benigno Jesu, nihilominus rosa rubens et ardens: rubens sanguine passionis, ardens igne charitatis, roscida effusione lacrymarum dulcissimi Jesu." *Vitis mystica*, cap. XXXIII, MIGNE, t. 184, coi. 70S).

¹¹⁰ BERNARDUS, *Homelie in Evanqelia*, lib. II, c. 38, приведено у MGR. DE LA BOUILLERIE, *Etude sur le symbolisme chrétien de la nature*, Paris, 1866, 2-me éd., p. 267, IV: *Jesus Christ assimilé à la rose a cause de sa passion*. Cfr. CH. JORET: *La rose dans l'Antiquité et au Moyen Age*, 1892, p. 243.

¹¹¹ Приведено у CH. JORET, *La Rose...*, p. 242.

¹¹² *Analecta hymnica medii aevi, t. I*, p. 559 sq.

¹¹³ B. ANGELAE DE FULGINIO: *Visionum et Instructionum*, (Coloniae, 1851), c. 3. Ср. с. 10 и с. 14.

¹¹⁴ См. статью L. ZSCHORNAK'a *Gesangbuch* в словаре *Religion in Geschichte und Gegenwart*, 3-е изд., т. II, (1958), стр. 1451-60, и там же т. III, (1959), стр. 1454-65, статью M. DOERNE, *Geschichte des christlichen Kirchenliedes*, а также, напр., след. работы: P. GABRIEL, *Das deutsche evangelische Kirchenlied*, 1956; R. A. SCHRODER, *Die Kirche und ihr Lied*, 1937; INGEBORG RABELLEN, *Theologie und Frömmigkeit im deutschen evangelisch-lutherischem Gesangbuch des 17. und frühen 18. Jahrh.*, 1957, (последняя книга довольно схоластично написана). Я пользовался при написании моей статьи след. сборниками церковных гимнов (*Gesangbücher*): 1) *Evanqelisches Kirchenqesangbuch*, Ausg. f. d. Evang. Luther. Landeskirchen Schleswig-Holstein, Lauenburg, Hamburg, Lübeck (посл. изд. без года); 2) *Evanqelisches Kirchenqesangbuch*, Ausg. f. d. Evang. Luther. Landeskirche Sachsens. Hrsg. 1950. Berlin 1963; 3) *Evang. Kirchenqesangbuch*, Ausg. f. d. Evang. Landeskirche Württemberg, 1953. Stuttgart, 17 Aufl. Aug. 1966.

¹¹⁵ Вспомним, как это выражено, напр., у великого мистика и праведника христианского Востока - св. Исаака Сирина.

¹¹⁶ Об этом с большой силой и любовью говорит, напр., один из самых замечательных по духовной насыщенности и христоцентрическому горению духа современный французский католический богослов (бывший протестантский пастор) père LOUIS BOUYER, ораторианец и профессор богословия, в своей исключительной по тонкости религиозного проникновения книге *La spirifualite orthodoxe. La spiritualité protestante et anqlicane*, Paris, Aubier., 1965.

¹¹⁷ Johann Andreas Rothe, 1726/7 Г. Г.

¹¹⁸ С начала 19 века его стали петь на мелодию знаменитого гимна БОРТНЯНСКОГО "Коль славен наш Господь в Сионе".

¹¹⁹ К. F. NACHTENHÖSER.

¹²⁰ Ср. то, что пишет об этих службах LOUIS BOUYER в своей замечательной книге *La spiritualité Orthodoxe et la spiritualité Protestante et Anglicans*, Париж, 1965, стр. 147-149.

¹²¹ См., напр., его биографию в очень привлекательной книжке MARGARET CROPPER, *Shining Lights (Six Anglican Saints of the 19-th Century)*, London, 1963, pp. 107-133.

¹²² Об этом изумительном пасторе см. подробную книгу *The Life of Charles Loweden*, (вышла анонимно в 1881 году).

¹²³ Ср. в Католической Церкви Франции изумительную апостоудскомиессионерскую и социально-воспитательную деятельность ряда священников среди неверующего рабочего населения, жившего и живущего в крайне тяжелых условиях в стремительно выросших после Первой Мировой войны новых предместьях Парижа. См. об этом знаменитую книгу LHANDES: *Le Christ dans la banlieue* (получила премию Французской Академии).

¹²⁴ См. его книгу *Christ the Truth* (1924). О Вильяме Темпле см. Очерк в книге W. M. HORTON'a: *Contemporary English Theology*, 1936, стр. 148-166.

¹²⁵ "One of the greatest Christian Englishmen that ever have lived... one of the wisest and best men that have ever adorned the Church of England." ..." We have to write of a life radiant with... the eternal beauty of Christian sanctity." A. L. MAYCOCK: *Nicholas Ferrar of Little Gidding*, London, 1968.

¹²⁶ Первое издание 1910 года, последнее издание (12-ое) при жизни автора - в 1930 году. Затем она переиздавалась еще много раз.

¹²⁷ Конечно, богословская наука, в частности библейская экзегеза и библейское богословие процветает не в одном только англиканизме. Германская протестантская наука сделала совершенно невероятные по учености и значительности вклады - в первую очередь, может быть, в области библейской филологии, экзегетики и критики текста. Но в германской науке - особенно во второй половине 19 и в начале 20 века - огромная ученость нередко забивала рассмотрение вопроса по существу, т. е. богословскую мысль, тогда как теперь во многих немецких богословских работах *середины 20 века* - как раз наоборот - замечается склонность к своеобразным, часто неясным, *эмоционально-психологическим категориям* и формулировкам, т. е. в сторону крайнего субъективизма и эмоционализма, вместе со склонностью к некой громковещательной, заостренно-парадоксальной риторике. Современные католические библейское богословие и экзегеза (особенно во Франции, но также и в Германии) стоят очень высоко. Конечно, и в немецком протестантизме есть замечательные по силе мысли, учености и богатству религиозного созерцания труды и в прошлом (напр., труды Т. ПАНА (TH. ZAHN'a), ШЛАТТЕРА, Ю. ШНИВМНДА - (J. SCHNIWIND'a), так особенно и в современности, напр., хотя бы работы немецких швейцарцев О. КУЛЬМАНА(CULLMANN'a), Э. БРУННЕРА, К. БАРТА (BARTH'a) и других.

¹²⁸ Из *Halley Stewart Lectures* епископа Гора, 1927 г.

¹²⁹ "If the Word became flesh, the brotherhood of men is a reality and this foundation is able to support the fabric, which answers to the present needs of Society." (Цитировано в статье *The Christian Social Movement* by the Lord Bishop of Woolwich, в сборнике *The Anglican Communion. Past, Present and Future*, ed. by Canon H. A. Wilson, London, 1929).

¹³⁰ Молитва Захарии "Благословен Господь Бог Израилев" тоже поется за утреней (Morning Prayer), "Величит душа моя" и "Ныне отпускаеши" за вечерней (Evening Prayer).

¹³¹ "Almighty God, our heavenly Father, who of thy tender mercy didst give thine only Son Jesus Christ to suffer death upon the Cross for our redemption; who made there (by his one oblation of himself once offered) a perfect and sufficient sacrifice, oblation and satisfaction for the sins of the whole world; and did institute, and in his holy Gospel command us to continue, a perpetual memory of that his precious death, until his coming again; Hear us, o Merciful Father, we most humbly beseech thee; and grant that we receiving these thy creatures of bread and wine, according to thy Son our Saviour Jesus Christ's holy institution, in remembrance of his death and passion, may be partakers of his most blessed Body and Blood; who in the same night that he was betrayed, took Bread: and when he had given thanks, he brake it, and gave it to his disciples, saying: "Take, eat - this is my Body, which is given for you: do this in remembrance of men. Likewise after supper he took the Cup; and when he had given thanks, he gave it to them, saying: "Drink ye all of this: for this is my Blood of the New Testament, which is shed for you and for many for the remission of sins: do this, as oft as ye shall drunk it, in remembrance of me. Amen".

¹³² Пользуюсь критич. изд. Walter Lock'a, London, Mathnen, 1969. О Кибле СМ. С. J. STRANKS, *Anglican devotion*, London, 1961, pp. 236-266; ср. стр. 267 сл. и Е. А. deMENDIETA, *Anglican Vision*, London, SPCK, 1970.

¹³³ Среди них первое место занимает "инкарнационное" богословие, т. е. богословие, что в центре своем ставит созерцание тайны Воплощения Сына Божия.

¹³⁴ Особенно хороши и значительны обширные статьи А. D. NOCK'a *Early gentile Christianity (Essays on the Trinity and the Incarnation)*, pp. 51-156) и К. Е. KIRK'a *The Evolution of the Doctrine of the Trinity* (там же, стр. 157-237). Первая статья есть лучшее, что я читал на тему взаимоотношения раннего христианства и язычества, она чрезвычайно богата данными и не является перепиской того, что сказано уже другими, как большинство таких статей, а основана на самостоятельном изучении и поразительном, вдумчивом знании предмета. Вторая статья блестяща и полна тонкого и глубокого проникновенного и весьма убедительного анализа данных религиозной мысли и религиозного опыта апостольской проповеди и проповеди древней Церкви.

¹³⁵ "Rather we must attempt to measure our approximation to the standard of true manhood by reference to Him" (373).

¹³⁶ "In the depths of his being each man may learn to know his incompleteness and to find that the perfection and explanation of his own being is grounded in the Incarnation of Jesus Christ".

¹³⁷ "He is not only the substance of all revelation given to man and its ultimate meaning. He is also the ground of the whole created order through which revelation comes... He sums the series of revelation because He transcends it entirely". (*The Christian Conception of God* - 136).

¹³⁸ "The measure of concreteness is the measure in which the eternal order is immanent in the space-time series" (69).

¹³⁹ "Such growing comprehension of the eternal order, being immanent in character, enhances the significance of the concrete character, in which it is immanent" (107).

¹⁴⁰ "He was not simply the highest response of man to God... In the absolute actuality of God was incorporated" (164). "Now if the Incarnation brings creation to its true end in God, this must mean that the cosmic series is gathered up into the human organism of Jesus Christ; so that in Him it attains its destiny through the "taking of the manhood into God"... As the series is taken up into the human organism, so in Christ the human organism is taken up on the "levels" of deity. The idea of the "deification" of man in Christ was one of the great themes of patristic thought" (225).

¹⁴¹ С этим богословским созерцанием THORNTON'a во многом сходна богословская мысль TEILHARD DE CHARDIN'a (1861-1955); особенно, напр., в его *Phénomène humain*.

¹⁴² Он был вместе с тем председателем "Комитета продолжения" ("Continuation Committee") Лозаннской Конференции.

¹⁴³ VON HUGEL - католик, но оказал и оказывает огромное влияние на англиканскую религиозную мысль.

¹⁴⁴ "The idea of such sacrifice, when they used it, covered the whole range of what they taught and felt" (247).

¹⁴⁵ "And, so dying, so surrendering His Life, He passes with the Blood, which is the surrendered Life, through the Veil which is His flesh, His own broken Body, into the Holy of Holies, the very Presence of God".

¹⁴⁶ "In Him and through Him alone mankind, so far as it is joined in Him, continues to offer its service of obedience to God" (337).

¹⁴⁷ Об англиканском богословии последних десятилетий см. также книги Д-ра М. RAMSEY, *Récents développements de la théologie anglicane*, Ed. Desclée и God, *Christ and the World*, London, 1969; франц. перевод: Paris, Casterman, 1969.

¹⁴⁸ См. также соответств. главы моих книг: "Из русской культурной и творческой традиции". Изд. "Посев", 1959 г.; *Die Geistigen Schicksale des russischen Volkes*, Verlag Styria, Graz, 1966. *Piéré russe*, Neuchâtel, 1963, Delachaux et Niestle; *La Sainte Moscou*, Editions du Cerf, Paris, 1949.

¹⁴⁹ См., напр., его стихотворения "Широка, необозрима" и "По поводу картины Иванова" и его письма к К). Самарину от 19 сент. 1843 г., начала 1845 г., 1 апр. . 1855 г., 3 окт., 1858 года. См. мою вступительную статью к "Избранным сочинениям А. С. ХОМЯКОВА", Нью-Йорк, Чеховское издательство, 1955 года.

¹⁵⁰ Даже и теперь, скрытая в глубинах народа, она, по-видимому, в большей мере, чем что можно установить извне, питает духовно различные круги народа.

¹⁵¹ Что не исключало многих темных сторон семейной жизни в русском народном быте.

¹⁵² См. ТЕРЕЩЕНКО: "Быт русского народа", Часть II: Свадьбы. СПб., 1848 г., стр. 448, 269, 3, 6, 7, 179, 196, 226, 284, 342, 301. См." Сборник сведений для изучения быта

крестьянского населения России" под ред. Н. Харузина, выш. I, Москва, 1889, стр. 112-113.

¹⁵³ См. мою книгу "Из русской культурной и творческой традиции", 1959 г., стр. 19-25.

¹⁵⁴ Письмо от 10 сентября 1857 г. (Полное собрание сочинений А. С. ХОМЯКОВА, 1900, том III, стр. 405-406).

¹⁵⁵ Вспомним, напр., образ княгини Натальи Борисовны Долгорукой.

¹⁵⁶ Очерк, "Авдотья Петровна Елагина" (1877). См. "Собрание Сочинений" К. Д. КАВЕЛИНА, том III, стр. 1121-22, 1125, 1226, 227.

¹⁵⁷ Читая эти слова вспоминаешь некоторые черты из образа бар. Ольги Михайловны Врангель (рожд. Иваненко), умершей в 1968 году.

¹⁵⁸ Н. И. АСТРОВ: "Воспоминания". УМСА. Париж, 1941, стр. 40-41. Срв. еще образ Марины Ник. Гагариной, образ просветленной доброты.

¹⁵⁹ Были, конечно, в особняках и усадьбах и старинные библиотеки "вольтерьянско-вольнодумного" оттенка - направление, которым увлекался ряд русских просвещенных людей конца 18-го века. Но те старые семейные библиотеки, с которыми я имел дело в своей юности, имели другой - преимущественно гуманистически-религиозный характер.

¹⁶⁰ См. об этом подробнее в *моей* книге "Из русской культурной и творческой традиции".

¹⁶¹ См. мою статью *Roots of Russian Ecumenism* (in St. Vladimir's Seminary, Quarterly, 1962, Vol. 6, №1, pp. 3-15). - См. ниже: Встречи хр. Востока с хр. Западом.

¹⁶² И. А. КУРГАНОВ: "Семья в СССР 1917-1967". Нью-Йорк, 1967, 330 стр. Эту превосходную книгу следовало бы, по-моему, скорее назвать: "Семья в СССР согласно плану Советской власти".

¹⁶³ См. об этом следующие замечательные книги, написанные русскими и напечатанными в Германии по-немецки во второй половине 30-ых годов. 1) ANDREI RUSSINOW: *Die grosse Teuschung*. Verlag Hellmuth Wollermann, Berlin-Steglitz, 1936-1937; 2) *Aut der Suche nach Russland*, (Sowjetrussland und das wahre Russland). Hesse und Becker Verlag, Leipzig, 1939 ALEXANDRA ANZEROWA: 1) *Aus dem Lande der Stummen*. Bergstadtverlag Breslau, 1936; 2) *Am Weissen Meere*. Verlag Ferd. Schoenlgh, Paderborn, 1938.

¹⁶⁴ Цитирую "Requiem" по изданию: АННА АХМАТОВА, "Сочинение", 1965, Inter-Language Literary Associates, Том I стр. 354, 355, 357, 359, 361.

¹⁶⁵ "Верую в Церковь" -так характеризует он свое мирозерцание в одном письме.

¹⁶⁶ При жизни Хомякова вышло отдельными выпусками: первый в 1853 г. в Париже, второй и третий в 1855 г. и 1858 г. в Лейпциге.

¹⁶⁷ См., напр., письмо Хомякова 1855 г. к А. И. Кошелеву ("Собрание сочинений Хомякова, VIII, 138, 139).

- ¹⁶⁸ "Об истинном христианстве" АРНДТА выдержало несколько изданий на русском языке; между прочим, было заново издано Н. И. Новиковым в 80-ых годах 18-го века.
- ¹⁶⁹ Ср. у ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО в молитве после причастия: "Вниди, Огню Божественный, попали терние грехов моих и раждежи сердце мое пламенем любви Твоя..."
- ¹⁷⁰ См. Иеромонах ИОАНН КОЛОГРИВОВ: "Очерки по истории русской святости", изд. "Жизнь с Богом", Брюссель, 1961 г., стр. 324.
- ¹⁷¹ "Записки о некоторых обстоятельствах жизни и службы действ. статск. советника И. В. Лопухина", стр. 20.
- ¹⁷² "Подражание Христу" издавалось несколько раз на русском языке, в том числе Н. И. Новиковым (во второй половине 18-го века) и К. П. Победоносцевым, который заново перевел эту книгу в 19-ом веке; был и перевод графа М. М. Сперанского.
- ¹⁷³ Сочинения св. Димитрия митрополита Ростовского. Киев, 1895 г., том 1, стр. 277-278.
- ¹⁷⁴ Она продолжалась с середины 70-ых годов до 1792 г., когда он был заключен Екатериной II в Шлиссельбургскую тюрьму (освобожден в 1796 г. Павлом I).
- ¹⁷⁵ Мой дед - Василий Сергеевич Арсеньев (1829-1915).
- ¹⁷⁶ См. книгу академика ШЛЯПКИНА "Св. Дмитрий Ростовский и его время". СПб, 1891 (об авторах, которых читал св. Димитрий).
- ¹⁷⁷ См. Иером. Иоанн Кологривов, ук. соч., стр. 324.
- ¹⁷⁸ Об Oetinger'e см. очерк в превосходной книге W. NIGG'a *Heimliche Weisheit*, Artemis-Verlag, Zürich-Stuttgart, 1959, S. 369-393.
- ¹⁷⁹ *Lettres d'Alexandre Vinet*, vol. III, (1837-1843), Librairie Payot, Lausanne, 1949, pp. 274, 386. Cfr. PHILIPPE BRIDEL *La pensee de Wnei*; *Cahiers Protestants*, Neufchâtel, 1947, (выпуск посвященный А. Винэ).
- ¹⁸⁰ См. H. GRESSMANN, *Altorientalische Tmaine und Bilder zum Alten Testament I*, 1909, p. 198, 199; W. MAX MULLER, *Die Liebespoesie cier alten Aegypter*, 1899, p. 29 и ERMAN, *Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum II*, 516, 517.
- ¹⁸¹ *Dhammapadam*, 128, cp. 146, 148.
- ¹⁸² Maitrâyana - brâhmana - Upanishad - P. DEUSSEN, *Sechziq Upanischad's des Veda*, 1907, 316-317. Cfr. P. OLTRAMARE, *L'histoire des idees theosophiques dans l'Inde* (Annales du Musee Guimet, Bibl. d'etudes, t. 23), Tome I, 1907, 306.
- ¹⁸³ GOTTFRIED BENN, *"Verlorenes Ich" in "Ergriftenes Dasein"*, Deutsche Lyrik des zwanzigsten Jahrhunderts, - hrsgb. von H. E. Holthusen und Friedr. Rtmp. München, 1962, S. 216.
- ¹⁸⁴ *Mokshadharma*, Adh., 206, 4. (Deussen, Vier philosophische Tmaine des Mahabharat an p. 230.

¹⁸⁵ Brihad - Aran, Upanishad, 2, 1, 20. Cfr, OLTRAMARE, 1. c, 75, 115.

¹⁸⁶ Cvet acvatara. Up., 1, 6. (DEUSSEN, *Sechziq Upanishad's...*, p. 294).

¹⁸⁷ Kena - Up., 331.

¹⁸⁸ Brihad - Aranyaka, Up., 3, 5; 22.

¹⁸⁹ Phaedon, 66 C.

¹⁹⁰ Rep. VII, 532 E.

¹⁹¹ Theaet., 176 B.

¹⁹² Phaed., 84 A.

¹⁹³ Theaet., 176 A.

¹⁹⁴ Enneod., VI, кн. 9.

¹⁹⁵ 4 изд., 1961, стр. 363.

¹⁹⁶ Ожидание конечного преобразования всего мира и всей твари, а также и воскресения мертвых мы имеем уже в древне-иранской религии - религии Заратустры (6-ой век до Р. Х. ?). В древнейших, дошедших до нас текстах - Гатах (Gatha), восходящих, по-видимому, к Заратустре, определенно говорится лишь о конечном преобразении мира и содержатся лишь намеки на воскресение в книгах Бундахиш (9-го века до Р. Х.). Это подробно разработано, напр., в превосходной статье профессора ФРАНЦА КЕНИГА (Franz König) *Die Religion des Zaiathustra*, в 3-томной истории религии *Christus und die Reliqionen der Erde*. Bd. II, Freiburg, Br. Herder, 1951, 607-660.

¹⁹⁷ Напр.: "Явление Спасителя нашего Христа Иисуса, разрушившего смерть и давшего нам жизнь и нетление" (2 Тим. 1. 10). Ср. 1 Кор. 15. 26, 54, 55; Евр. 2. 4.

¹⁹⁸ См. интереснейшую книгу проф. Н. PLATZ'a о религиозном пробуждении в духовной жизни и литературе Франции после Первой Мировой войны.

¹⁹⁹ См. об этом подробнее мою книгу: *Der urchristliche Realismus und die Geqenwari*, I Teil, Kassel, Bärenruter-Verlag, 1935, pp. 28-36: *Der urchristliche Realismus und die deutsche protestantische Theologie der Gegenwart*; cfr. N. ARSENIOW: *We behold His Glory*, London, SCPK, 1937, pp. 33-81.

²⁰⁰ "Die Wahrheit Gottes fordert und begründet die Auferstehung der Toten, die Auferstehung des Leibes". (K. BARTH, *Die Auierstehung von den Toten*, 1924, p. 65).

²⁰¹ Cfr. pp. 76, 77, vor allem; 61, 69, 74, 75

²⁰² Credo, 1935, pp. 86-89.

²⁰³ WALTER KUNNETH, *Theologie dei Aulerstehunq*, München, Kaiser Verlag, 1933, pp. 53, 54, 57, 149.

²⁰⁴ EWALD BURGER, *Der lebendige Christus: die theologische Bedeutung der Aalerstehung und Erhöhung Christi*, Stuttgart, Kohlhammer, 1933.

²⁰⁵ "Миросозерцание и духовная жизнь Нового Завета" было бы, может быть, подходящим переводом заглавия на русский язык. Кстати, эту книгу *необходимо* перевести на русский язык: она замечательна глубиной проникновения в предмет.

²⁰⁶ "Он - Начаток, Первенец из умерших... через величие Своей силы Он властвует над всем небесным и земным и через все превосходящее совершенство и действием Своей силы Он все тело исполняет богатством славы Своей" (ср. Еф 1. 18-23; 3. 16; Кол 1. 11; Рим 14. 9 и пар.).

²⁰⁷ См., напр., избранные речи членов Собора: *Discours au concile Vatican II*, édités par Yves Congar, Hans Küng et Daniel O'Hanlon, Paris, 1964, Editions du Cerf.

²⁰⁸ С точки зрения восстановления в большей мере соборного начала в Католической Церкви значительно решение Павла VI (принятое им в сентябре 1965 г.) создать совет епископов при папе.

²⁰⁹ По инициативе замечательных деятелей христианского единения - англиканского монаха о. Францис Джеймс, а позднее - Лионского аббата Павла Кутюрье, Католическая Церковь, некоторые ветви Православных Церквей, англикане и некоторые Протестантские Церкви решили каждый год в конце января совершать в течение недели моление об единстве христиан.

²¹⁰ Вышла в Париже (Les Editions du Cerf), в 1949 году.

²¹¹ Несколько поверхностно звучит, напр., такое определение Церкви: "Церковь как общество радостных людей" (это звучит довольно безвкусно-эмоционально но только в переводе), "которые имеют надежду и жизненно значительную весть для мира, которые борются за экономическую справедливость и за человеческое достоинство, которые исподнены заботы о больных и униженных и признают полную ответственную свободу научных изысканий и искусства"... ("Drafts for Section. Uppsala, 1968. Edited by World Council of Churches", Geneva, 1968).

Это все очень хорошо; но неужели Церковь только это? Какое сентиментально-однобокое и легковесное определение! Неужели эти прекрасные и заслуживающие одобрения *плоды* не указывают прежде всего на *основную стихию* - на жизнь в Боге и на ту *Святыню*, тот Источник, из которого Церковь живет?

²¹² "La vocation dernière des Eglises ne serait-elle pas finalement de disparaître comme Eglises pour laisser la place à cette religion universelle de l'homme?" - ANDRE MONJARDET.

²¹³ См. интересную книгу православного француза: OLIVIER CLEMENT: *Dialogues avec le Patriarche Athénagoras*. Paris, 1969. Fayard.

²¹⁴ Цитирую по изданию Ann Arbor Paperbacks, The Univ. of Michigan Press 1969, стр. 307 (первоначальное издание вышло в Кэмбридже: Cambridge Univ. Press).

²¹⁵ W. HAMILTON, 1. с., pp. 27-28. (Cf. Charles N. Bent S. J." *The Death-of-God-Movement*, Paulist Press. N. York. 1967).

²¹⁶ В цитированном уже сборнике статей *Radical Theology and the Death of God*, 1966: p. 157; cf. Charles Bent, 1. с., p. 88.

²¹⁷ Срв. вступительные главы, наделавшие много шума, искренней, но довольно незрелой книги англиканского епископа РОБИНСОНА. (A. T. ROBINSON "Honest to God", 1963).

²¹⁸ Хочу назвать здесь ряд книг, брошюр и больших статей, вышедших за последние сорок лет и посвященных рассмотрению этих материалов или являющихся живым свидетельством отдельных лиц: М. ПОЛЬСКИЙ, "Новые мученики российские", Jordanville, N. York, 1949; ALEXANDRA ANZEROWA, *Aus dem Lantie der Stummen*, Breslau, 1936; она же: *Am Weissen Meer*, Verlag F. Schöningh, Paderborn, 1938; E. GAGARIN, *Auf der Suche nach Russland*, Breslau, 1938. Далее сборники: *Christenverfolgung in Sowjetrussland*, hrsggb. von Fr. Siegmund-Schutze, Gotha, L. Klotz, 1930 (здесь две моих статьи) и *Welt am Abgrund*, hrsggb. von I. Iljin, Eckart-Verlag, Berlin-Steglitz, 1932 (здесь большая моя статья), далее мои статьи в журнале *Hochland*, Sept. 1936, Jn. 1938; превосходная книга ГЛЕБА РАРА, "Плененная Церковь", Франкфурт-Майн, "Посев", 1951; *Religion in the USSR*, Munich, 1960, Institute for the Study of USSR; NIKITA STRUVE, *Les Chretiens en URSS*, Paris, Edition M. Seuil, 1963; WALTER J. CISZEK, *With God in Russia*, New York, The American Press, 1964; W. C. FLETCHER, *A Study in Survival The Church in Russia, 1927-1943*, London SPCK, 1965; MICHAEL BOURDEAUX *Patriarch and Prophets. Persecution of the flussian Orthodox Church today* Macmillan London, 1969; W. C. FLETCHER, *The Russian Orthodox Church Underground*, London, Oxford Univ. Press, 1971; ANDRE MARTIN *Les croyants en URSS*, Paris, Fayard, 1970. Заканчиваю этот краткий обзор превосходной статьей прот. ИОАННА МЕИЕНДОРФА, "О Путиях Русской Церкви", Вестник РСХД, стр. 104-107, Париж-Нью Йорк II-III 1972